

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 7

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Ефимова Н. М., Ненашев М. И.</i> Дисциплинарная власть Мишеля Фуко и клинамен Эпикура	6
<i>Цветкова О. Л.</i> От интерпретации к пониманию: коммуникативное поле современности.....	12
<i>Скоморохов М. В., Внутских А. Ю.</i> Проблема демаркации науки и паранауки: история и современное состояние	16
<i>Коротков В. О.</i> Мораль и казуистика на службе иезуитов.....	22
<i>Фаррахов А. Ф.</i> Религиозное осмысление одиночества	26

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Лях Е. Е.</i> Проблема распространения монашества в восточной части Римской империи в IV в. (в работах прот. Георгия Флоровского).....	29
<i>Мозгина К. А.</i> Социокультурный контекст китайской и японской иммиграции в США в конце XIX – начале XX в.....	34
<i>Абакумов А. А.</i> Боевые слоны Античности: к вопросу о видовой принадлежности	39
<i>Балыбердин Ю. А.</i> Деятельность профессиональных союзов в Вятской губернии в период Первой российской революции	43

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Анцыферова О. Ю.</i> Родоначалница детектива Анна Катарина Грин.....	51
<i>Гасанова Э. Э.</i> Способы выражения концепта «путешествие/travel/səyahət» в английской и азербайджанской лингвокультурах.....	57
<i>Шарипова Л. Х.</i> Анализ словарных лексем “true/lie” в англоязычных лексикографических источниках.....	60
<i>Евтушевская А. Е.</i> Фиксация базовых цветоименований и их лексикографическое описание в словарях различных типов	64
<i>Красовская Н. А.</i> Составные фитонимы в тульских говорах	71
<i>Матусевич А. А.</i> Актуальная лексика социальных сетей как отражение развития интернет-технологий.....	74
<i>Динер Е. В.</i> Книга как тип документа: к постановке проблемы.....	79

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Домрачев Д. Г., Кожевников Д. А.</i> Риск-ориентированный подход в сфере контрольно-надзорной деятельности административных органов Российской Федерации.....	85
<i>Абрамов И. А.</i> Правовые основы организации отпуска государственного гражданского служащего.....	88

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Евсюкова Е. В.</i> Проектирование курса «Элементы алгебры, логики и теории множеств» на основе технологического подхода.....	92
<i>Суворова Т. Н.</i> Применение системно-деятельностного подхода к решению проблем разработки электронных образовательных ресурсов.....	100
<i>Горев П. М., Толмачева М. И.</i> Межпредметный конкурс для старшеклассников как элемент непрерывного физико-математического образования.....	104
<i>Татарина М. Н.</i> Базовая модель эмоционально-ценностного компонента содержания иноязычного образования.....	109
<i>Сведения об авторах</i>	116
<i>Information about authors</i>	118

CONTENTS

- Efimova N. M., Nenashev M. I.* Disciplinary power Michel Foucault and Epicurus clinamen
- Tsvetkova O. L.* From interpretation to understanding: communicative field of modernity
- Skomorohov M. V., Vnutskikh A. Y.* The problem of science and pseudoscience demarcation: its history and contemporary state
- Korotkov V. O.* Morality and casuistry in the service of the Jesuits.
- Farrakhov A. F.* The religious reflection of loneliness
- Lyah E. E.* The Problem of Monks Expansion in the Eastern Part of the Roman Empire in IVth century (in the works of archpriest Georges Florovsky)
- Mozgina K. A.* Chinese and Japanese immigration to the United States before the Immigration Restriction Act of 1924
- Abakumov A. A.* Ancient War Elephants: The Problem of the Species Revisited
- Antsyferova O. Y.* On poetics of Anna Katharine Green's detective fiction
- Gasanova E. E.* Ways of expressing concept «путешествие/ travel / səyahət» in English and Azerbaijani linguistic cultures.
- Sharipova L. H.* The analysis of dictionary lexemes of "true/lie" in english-speaking lexicographic sources
- Evtushevskaya A. E.* Basic colour terms and their lexicographic description in dictionaries of different types
- Krasovskaya N. A.* Compound phytonyms in Tula dialects
- Matusevich A. A.* Actual lexicon of social networks as reflection of development of Internet technologies.
- Diener E. V.* The book as a type of document: Statement of the Problem
- Domrachev D. G., Kozhevnikov D. A.* The risk – based approach in the field of control and supervision administrative bodies Russian Federation
- Abramov I. A.* Graduate student Moskov humanities university
- Evsjukova E. V.* The planning of the course "Elements of algebra, logic and set theory" based on the technological approach
- Suvorova T. N.* Groundings for system-activity approach in solving problems during development of electronic educational resources
- Gorev P. M., Tolmacheva M. I.* Interdisciplinary competition for higher school students as a part of continuous physical-mathematical education
- Tatarinova M. N.* The Basic Model of Emotional-Valuable Component of Foreign Language Education Content

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 101.1

Н. М. Ефимова, М. И. Ненашев

Дисциплинарная власть Мишеля Фуко и клинамен Эпикура

Показывается, что в современном обществе в полном соответствии с учением о дисциплинарной власти Мишеля Фуко формируется безличная система властных отношений, и рассматривается вопрос о возможности перехода к состоянию, при котором начала бы господствовать иная общественная парадигма.

Однако этот переход в любом случае займет промежуток времени, несоизмеримый с продолжительностью обычной человеческой жизни, причем без всякой гарантии реализации тех целей и надежд, ради которых соответствующие социальные изменения были бы предприняты. Выдвигается идея так называемого личного спасения в виде дистанцирования отдельной личности хотя бы на уровне сознания от той социальной роли, которая предписывается ей наличной системой общественных отношений. Предполагается, что теоретической основой такого дистанцирования может выступить учение Эпикура о клинамене как отклонении от предзаданной социальной траектории.

It is shown that in modern society, in full accordance with the teaching of disciplinary power Michel Foucault is formed impersonal system of power relations, and considers the possibility of switching to a state in which start to dominate a different social paradigm.

However, this transition in any case will take a period of time commensurate with the length of normal human life, and without any warranty of implementation of those objectives and aspirations for which the corresponding social changes would be made. Advances the idea of the so-called personal salvation in the form of distancing the individual at least at the level of consciousness from a social role that required her cash system of social relations. It is assumed that the theoretical basis of such distancing may be the doctrine of Epicurus about clinamen as the deviation from the prearranged social trajectory.

Ключевые слова: дисциплинарная власть, бюрократическая иерархия, социальные изменения, личность, клинамен Эпикура.

Keywords: disciplinary power, bureaucratic hierarchy, social change, personality, clinamen Epicurus.

В нечеловеческих условиях он ведет себя по-человечески.
Андрей Тарковский, фильм «Солярис»

Поль Мишель Фуко – французский философ, автор книг, позволивших по-другому понять процессы общественного развития. Для нас представляет интерес его понимание современной власти, которое он противопоставляет так называемой «юридической» модели. В «юридической» модели власть выступает в лице конкретного субъекта: государства или князя, которые при помощи силы или демонстрации силы принуждают членов общества к исполнению законов. Власть выступает ограничителем свободы, она руководит через запреты.

Современная власть, считает Фуко, определяет не то, что нельзя делать, а то, что нужно делать. Она выражается не столько в действиях государства или конкретных лиц, сколько через определенную технику, практикуемую в расширяющихся масштабах. Возникает безличная всепроникающая система отношений через принятие массы отдельных частичных решений, которые не обязательно имеют в виду конкретный конечный результат. Эти решения множатся, следуют друг за другом, опираются друг на друга и образуют систему, в которой нельзя найти конкретных лиц, от которых исходят эти решения. Власть становится анонимной.

«Ибо повсюду, где есть власть, она осуществляется. И собственно говоря, никто не является её обладателем, но тем не менее она осуществляется всегда в определённом направлении, когда одни находятся по одну сторону, а другие – по другую, и мы не знаем, у кого она есть, но мы знаем, у кого ее нет» [1].

Даже оппозиция превращается в условие сохранения власти, подобно тому как воздух является опорой для взмахов крыла птицы. Сопrotивление власти может быть спонтанным, не-

примиримым или, наоборот, способным к компромиссам, но и эти точки сопротивления вписываются в сеть отношений власти.

Эту власть нового типа Фуко называет дисциплинарной, потому что власть конкретных лиц заменяется властью дисциплины отношений между людьми: люди сами делают то, что нужно и как нужно без внешнего принуждения.

Проиллюстрируем это на примере обычного современного вуза. Очевидно, что в нем отсутствует система непосредственного подчинения конкретным лицам: никто не ходит по коридорам и не отдает приказы. Однако преподаватели и студенты подчиняются учебному расписанию, вывешенному женщиной из деканата, это расписание определяет передвижение преподавателей и студентов в пространстве и во времени – из одной аудитории в другую. Студенты учатся на основе стандартов, у которых нет конкретных авторов. Вдруг спускаются новые ГОСТы, и преподаватели сотен вузов вынуждены вместо совершенствования реального учебного процесса опять писать многостраничные учебные комплексы.

Проводятся реформы средней школы и вузов, и снова никто не знает авторов этих реформ, просто из бесчисленных кабинетов министерства спускаются инструкции. В свою очередь наверх идут бесконечные планы, справки и отчеты. Функционирует анонимная безличная система, направляющая, контролирующая и загоняющая в определенные рамки учебную деятельность.

В романе Франца Кафки «Процесс» банковский служащий, проснувшись, обнаруживает в своей квартире судебных исполнителей. Таким способом он втягивается в судебную процедуру, при этом совершенно невозможно определить, в чем его обвиняют. После хождения по бесконечным инстанциям и бесконечных разговоров с адвокатом его вызывают в суд для рассмотрения дела по существу. Но при этом его называют маляром, потому что произошла путаница в судебной машине. Но все его протесты оказываются неуместными в конвейере судебных рассмотрений. Наконец ему кем-то и где-то выносится приговор, приходят люди в черных цилиндрах, отводят в карьер и приводят приговор в исполнение.

И на самом верху люди опутаны инструкциями и регламентами с расписанием на много дней вперед. Все скованы одной *невидимой* дисциплинарной цепью, которую нельзя преодолеть, как муха не может пробиться сквозь невидимое для нее оконное стекло.

В контексте учения Мишеля Фуко о дисциплинарной власти оказывается актуальным учение Макса Вебера о бюрократии. Вебер использует образ безжизненной машины, представляющей собой сгустившийся дух. Это наделяет ее силой принуждать людей служить ей и определять будни их рабочей жизни так же властно, как это происходит на фабрике. Сгустившийся дух – это еще и та живая машина, какой является бюрократическая организация с ее требующим специального обучения профессиональным трудом, разграничением компетенций, уставами и иерархически ступенчатыми отношениями подчинения. В союзе с мертвой машиной эта живая машина стремится изготовить оболочку той личной зависимости, с которой люди, подобно феллахам в Древнеегипетском государстве, вероятно, со временем вынуждены будут бессильно смириться. При условии, однако, что это рациональное управление и обслуживание со стороны чиновников будет для людей последней и единственной ценностью, выносящей решение об управлении их делами, так как бюрократия исполняет это несравненно лучше любой другой организации господства [2].

Обратим внимание на то, что все же речь идет о *вероятности*, а отнюдь не неизбежности того, что люди будут вынуждены мириться с личной зависимостью подобно феллахам. И подчеркнем, в чем состоит условие такого вынужденного смирения: рациональное управление и обслуживание со стороны чиновников станет для людей последней и единственной ценностью, определяющей управление их делами.

Покажем, в чем состоят, согласно Макс Веберу, принципы бюрократии:

- иерархическое построение организации;
- иерархия приказа, построенная на легальной власти;
- подчинение нижестоящего работника вышестоящему и ответственность за свои действия и действия подчиненных;
- специализация и разделение труда по функциям;
- четкая система процедур и правил, обеспечивающая единообразие выполнения производственных процессов;
- система продвижения и пребывания в должности, основанная на умениях и опыте и измеряемая стандартами;
- ориентация системы коммуникаций как в организации, так и вне ее, на письменно зафиксированные правила [3].

Можно обратить внимание на то значение, которое придается иерархии. О ней идет речь в трех из всех перечисленных семи положений. Иерархия характеризует построение организации, а

также движение приказа – от вышестоящего звена к нижестоящему, а также порядок подчинения одного работника другому. Очевидно, что звенья, находящиеся в отношении иерархии, не являются равными. Это неравенство можно выразить следующим образом: каждое звено выступает субъектом по отношению к нижестоящему звену и объектом по отношению к вышестоящему звену.

Но в таком случае одно и то же звено бюрократической структуры не может быть по отношению к себе одновременно и субъектом, и объектом. Это означает, что отдельное звено не способно к *самоизменению*. Но эта неспособность означает ориентацию на воспроизводство того же самого, однажды освоенного, с которого может заставить перейти на что-то другое лишь приказ вышестоящего звена. Предоставленное самому себе каждое звено бюрократической структуры будет стремиться бесконечно заниматься одним и тем же.

Но перейдем к наивысшему звену бюрократической структуры. Над ним уже не находится еще более высокое звено, которое могло бы заставить его измениться в соответствии с новыми требованиями. Поэтому и это наивысшее звено должно точно так же, как и остальные звенья, стремиться к воспроизведению однажды освоенного.

Очевидно, что лишь *извне* приложенная сила способна изменить это положение вещей. В классическом буржуазном обществе такими силами, вполне конституционными, является оппозиция, претендующая заступить место прежнего правящего слоя, а также переизбираемый периодически парламент, который своим обновленным составом выражает новую расстановку сил в обществе и тем самым содержание нового общего интереса. Все это должно в идеале обеспечивать своевременную замену высшего звена в правящей бюрократической структуре. И вот тогда все звенья бюрократической машины будут вынуждены перестроиться (при этом отпадут обнаружившиеся лишние звенья), потому что каждое высшее звено выступит субъектом изменений в соответствующем низшем звене. И наступит «новая земля и новое небо».

Этот переход аналогичен смене парадигмы в естествознании. Здесь важен именно скачок от одной парадигмы к другой, дискретность сменяет непрерывность, которая на деле оказывалась хождением по кругу в рамках того, что до сих пор считалось нормальным.

Но в реальности смена политической парадигмы не происходит. Выясняется, что так называемая оппозиция и перевыборы парламента давно уже встроены в качестве элементов наличной системы власти, превратившись в необходимые условия ее бесперебойного функционирования. И здесь мы возвращаемся к учению Мишеля Фуко о дисциплинарной власти. Подчеркнем эту сторону дела: двигаясь от дисциплинарной власти Фуко, мы приходим к учению о бюрократии Вебера, а рассмотрение функционирования бюрократии Вебера возвращает нас к дисциплинарной власти Фуко.

И тем не менее должна обнаружиться хотя бы чисто теоретическая возможность перехода к «новой земле и новому небу». Как мог бы осуществиться этот переход, показывает Эрих Фромм. В последней части его книги «Иметь или быть?» речь идет о переходе к новому человеку, который сможет отказаться от господства всех форм *обладания*, ради того, чтобы в полной мере *быть*.

Выделим в рассуждениях Эриха Фромма мысль о том, что логика развития современного общества направлена на формирование гигантских конгломератов, централизованно управляемых сверху бюрократической машиной. И что условием перехода к гуманистическому обществу является приостановка движения к еще большей централизации. В противном случае возникнет то, что Л. Мэмфорд [4] назвал «Мегамашиной», когда все общество уподобится огромному централизованно управляемому механизму. В таком обществе люди утратят способность критического мышления, станут совершенно пассивными и будут стремиться получить лидера, который знает за них, что им следует делать.

Для обеспечения независимости людей от бюрократической машины Фромм предлагает введение гарантированного годового дохода, который позволит предоставить всем людям независимо от того, работают они или нет, неоспоримое право на пищу и кров. Они должны получать не более, но и не менее того, что совершенно необходимо для существования человека. Такая мера расширила бы царство личной свободы; никто не был бы экономически зависим от другого человека. В результате отпадет необходимость в бюрократическом аппарате, связанном с программой социального обеспечения с присущим ему оскорблением человеческого достоинства.

Вполне может оказаться, что расходы на содержание всех индивидов, пожелавших иметь гарантированный годовой доход, окажутся меньше того, во что обходится огромный бюрократический аппарат, занимающийся вопросами социального обеспечения, лечением больных, особенно с психосоматическими заболеваниями, борьбой с преступностью и наркоманией (которые являются зачастую формами протеста против насилия и скуки) [5].

Очевидно, что мысль Фромма движется в правильном направлении. Но можно обратить внимание, что он вынужден постоянно апеллировать за помощью в изменении мира в лучшую

сторону к тем же самым бюрократическим структурам – правительственным, религиозным, социального обеспечения, к «доброй воле» корпораций, ориентированных по своей природе на извлечение прибыли. То есть апеллировать к тем, кто как раз заинтересован в сохранении статус-кво и поддержании общества в состоянии, соответствующем максиме «иметь», а не «быть».

Правда, есть еще апелляция к притягательной силе новых идей и к соображению, что когда речь идет о жизни и смерти человечества в качестве самостоятельно мыслящих существ, то необходимо сделать все, чтобы даже мизерный шанс был превращен в реальную возможность. Можно согласиться с рассуждением Фромма, что совсем необязательно, чтобы новый человек сразу отличался от старого, как небо от земли. Всегда сначала делается один шаг, потом другой, и, если выбрано верное направление, эти шаги решают все. И постепенно меняется эпоха. Известно, что, например, переход от Средневековья к Новому времени совершался именно по шагам, в сумме занявших несколько столетий, которые, между прочим, включили в себя период бурной деятельности святой инквизиции.

Но поставим вопрос иначе. Что делать сейчас, так сказать в «текущий момент» и в ближайшее десятилетие? Взывать к здравому смыслу, колотясь о бюрократические структуры дисциплинарной власти, чтобы они умерили свой пыл? Или все же возможна иная стратегия, которая не имеет в виду изменение сознания больших масс людей в течение шагов, занимающих столетия?

Для поиска этой иной стратегии мы обращаемся к работе «Приглашение в социологию» [6] американского социолога Питера Бергера. В главе «Общество как драма» Бергер рассматривает, как все же возможно свободное человеческое действие в обществе, в котором поведение людей целиком и полностью определяется различными социальными механизмами. Или, если подойти ближе к интересующей нас проблематике: как возможно сохранение (скажем даже так, выживание) очагов человеческой свободы в условиях господства дисциплинарной власти?

Бергер пишет о том, что свобода и причинность на самом деле не исключают друг друга. Нужно принять во внимание, что любой социальный механизм в качестве именно *социального* состоит из людей. В этом заключается, если можно так выразиться, его уязвимость, ахиллесова пята. Поэтому что человек, будучи членом (винтиком) социального механизма, все равно самостоятельно определяет степень своей включенности в его работу.

Как и Фромм, Бергер указывает на возможность прорыва к новому общественному состоянию. Он ссылается на учение Вебера о харизме как типе социального господства, основанном не на традиции или законе, но на необычайно сильном влиянии индивидуального лидера. Форму харизматического господства можно выразить следующим образом: «Вы слышали, что сказано, но я говорю вам...». В этом «но» заключен призыв устранить все, что до этого сковывало, в том числе прежние властные структуры.

Однако страстность харизматического движения только в редких случаях сохраняется дольше одного поколения. Постепенно возвращается рутинная повседневность. Люди начинают жить якобы при новом порядке, но – продолжают действовать экономические интересы и политические амбиции. Прорастают, как трава сквозь трещины в асфальте, старые привычки, и новый порядок обнаруживает обескураживающее сходство с прежним состоянием, который был низвергнут с таким ожесточением.

И все же мир не возвращается в совершенно прежнее состояние. По истечении длительного времени выясняется, насколько все-таки глубокими оказались изменения в обществе. Таким образом, пишет Бергер, Левиафану исторической предопределенности все-таки можно с успехом бросать вызов. Но, обратим внимание, – при одном немаловажном условии: когда в нашем распоряжении имеются весьма продолжительные промежутки времени, сравнимые с сотнями лет. Здесь мы возвращаемся снова к проблеме длительности исторических преобразований, на которую мы указывали при рассмотрении перехода к новому обществу по Фромму.

Очевидно, что промежутки времени, соответствующие смене исторических эпох и переходу к иной парадигме исторического развития, *несоизмеримы* с длительностью обычной человеческой жизни, в распоряжении которой нет ничего, кроме считанных десятков лет. Зафиксируем этот факт: временные масштабы социальных преобразований и отдельной человеческой судьбы невозможно измерять одной мерой. Не существует гарантии соответствия результатов исторического процесса надеждам и чаяниям отдельного человека. История совсем не обязана реализовывать интересы участвующих в ней индивидов. У нее другие временные масштабы и другие цели. Для конкретного человека: вот этого мужчины или вот этой женщины, живущих вот в этот настоящий момент, – нет места в этих «других» временных масштабах и целях.

В этом контексте представляется необычайной интересной ссылкой Бергера на понятие *ролевой дистанции*, разработанное И. Гофманом. Имеются в виду ситуации, когда социальная роль играет не всерьез и с определенным умыслом. И выясняется, что это раздвоение является единст-

венным способом для индивида сохранить к себе уважение на фоне грандиозных исторических свершений, совершенно не имеющих на самом деле в виду жизненные интересы этого индивида.

Раздвоение состоит в том, что социальную роль (начальника, подчиненного, винтика властных структур) выполняют, не принимая эту роль внутренне, подобно тому, как хороший актер не сливается с судьбой своего персонажа, и, оказывается, только в этом случае он по-настоящему играет [7].

Обозначение ролевой дистанции означает, что винтик бюрократической структуры отворачивает *хотя бы в своем сознании* свободное пространство. Сценарий, написанный кем-то другим, сохраняется во всей полноте, сохраняются декорации и репертуар. Однако исчезает сращивание человека с тем, что он должен выполнять в качестве звена иерархической структуры.

Это сохранение себя человеком через дистанцирование от своей роли винтика бюрократической машины можно реализовать только в одиночку, в пределах, так сказать, личного спасения [8]. Подобно тому, как нельзя выйти из толпы всей толпой, чтобы посмотреть на нее со стороны, так и сохранить себя человеком, продолжая в то же время крутиться шестеренкой внутри своей социальной роли, можно только в одиночку. В противном случае мы снова неожиданно для самих себя окажемся внутри еще одной организационной структуры, чтобы шагнуть в ногу теперь уже в видах освобождения от прежней структуры. История различных революционных организаций показывает, как скоро освободители превращаются в еще более ревностных бюрократов по сравнению с бывшей бюрократией, в которой еще тлел огонек аристократизма и снисходительности [9].

Если искать в истории философии понятие, которое явилось бы теоретическим базисом для выдвинутой здесь идеи личного спасения, то, как думается, этим базисом может стать учение Эпикура об отклонении, или клинамен.

Мы представим учение Эпикура об отклонении, опираясь на то, как оно изложено в докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» молодого Карла Маркса.

Прежде всего, покажем, каким способом Маркс вводит необходимость эпикуровского отклонения от прямой линии. Сначала он характеризует движение падения, как такое, в котором исчезает специфическое качество любого тела: «Яблоко при своем падении описывает такую же отвесную линию, как и кусок железа. Всякое тело, поскольку мы его рассматриваем в движении падения, есть, таким образом, не что иное, как... точка, лишенная самостоятельности, теряющая свою индивидуальность» [10].

Отметим, что это движение, лишенное самостоятельности и индивидуальности, живо напоминает действие звена в иерархической властной структуре. Выше мы показали, что иерархия обрекает на неравенство отношений между звеньями: каждое звено выступает субъектом деятельности по отношению к нижестоящему звену, но и само это вышестоящее звено оказывается объектом деятельности со стороны вышестоящего звена. В силу этого одно и то же звено структуры не может быть по отношению к самому себе одновременно субъектом и объектом и, следовательно, не способно к свободному поведению. Это звено является именно точкой, лишенной самостоятельности и индивидуальности, подобно телу, находящемуся в движении падения. Движение падения есть движение несамостоятельности, – подчеркивает Маркс.

В чем же в таком случае должны проявиться самостоятельность и индивидуальность точки вопреки увлекающей ее силе падения, приравнивающей ее ко всем любым точкам, превращающей эту точку всего лишь в «одну из»? Отрицанием этого всех уравнивающего движения может быть некое *другое движение*, и это другое движение может быть только отклонением от прямой линии.

В то же время Маркс обращает внимание на противоречие: то и другое движения различно направлены и одновременно могут принадлежать только разным индивидуумам. Не может один и тот же атом в одно и то же время двигаться по прямой линии падения и отклоняться от этой прямой линии падения. И здесь Маркс обращает внимание на то, как Эпикур решает это противоречие: «Он (Эпикур. – Н. Е., М. Н.) старается поэтому представить отклонение по возможности *нечувственно*. Оно совершается не в положенный срок и совсем не на месте известном, оно происходит в наименьшем пространстве, какое только возможно» [11].

Итак, движение индивидуума, лишенное самостоятельности и индивидуальности, характерное как раз для властных иерархических структур, должно быть дополнено отклоняющимся движением, которое выражает самостоятельность и индивидуальность. В противном случае, и мы уже приводили соответствующие слова Вебера, придется признать, что дело идет к личной зависимости, сравнимой с положением феллахов в Древнеегипетском государстве.

Рассуждения молодого Маркса о видах движения атома почти один к одному совпадают с соответствующими фрагментами из поэмы Лукреция Кара «О природе вещей»:

Если ж движения все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке,
И коль не могут путём отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиною испокон века,
Как у созданий живых на земле, не подвластная року,
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что позволяет идти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направленье не в месте известном
И не в положенный срок, а согласно ума побуждению?
....
...Лёгкое служит к тому первичных начал отклоненье,
И не в положенный срок и на месте дотоль неизвестном [12].

Важно подчеркнуть, что речь идет не только о движении, отклоняющемся от прямой линии. Важно, что оно происходит «не в положенный срок и на месте дотоль неизвестном». Это же подчеркивает у Эпикура Маркс: «Оно совершается не в положенный срок и совсем не на месте известном, оно происходит в наименьшем пространстве, какое только возможно».

Такое движение может происходить только на уровне отдельного индивидуума. Не могут многие индивидуумы отклониться от прямой линии одновременно не в положенный срок, то есть в неопределенное время, и на месте дотоль неизвестном, то есть в неопределенной точке пространства. Таким может быть только движение в одиночку – на свой страх и риск, в виде личного спасения.

Примечания

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 76.
2. Цит. по: Земляной С. Машина живая и машина мертвая. URL: http://www.ng.ru/fakty/2003-10-02/5_machine.html. Помещено 02.10.2003.
3. См.: Николаев А. А. Социология управления: учебное пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2011. Глава «Социологическое понимание бюрократии».
4. Льюис Мамфорд (1895–1990) – американский социальный философ, историк.
5. В Интернете промелькнуло сообщение, что содержание подразделения налогового управления, которое занимается сбором налогов с малого бизнеса, превышает сумму налогов, собираемых с малого бизнеса.
6. Бергер П. Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.
7. В фильме Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь» артист Сергей Филиппов изображает не очень трезвого лектора, рассказывающего про звезды на небе: одна звездочка, три звездочки, нет, лучше пять звездочек. Рязанов потом рассказал, что сначала Филиппов специально пытался играть этот эпизод в не-сколько нетрезвом виде. Но по-настоящему сцена получилось, когда с этими экспериментами было покончено и совершенно трезвый Филиппов с блеском сыграл нетрезвого лектора.
8. Мы совершенно не имеем в виду какие-либо параллели с идеей личного спасения в христианстве.
9. Вспомним сюжет рассказа А. Толстого «Гадюка».
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. М., 1975. С. 171.
11. Там же. С. 173.
12. Тит Лукреций Кар. О природе вещей: поэма. М.: Мир книги. Литература, 2006. С. 75, 77.

Notes

1. Foucault M. Intellectually i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. M.: Praxis. 2002. P. 76.
2. Cit. by: Zemlyanoy S. Mashina zhivaya i mashina mertvaya [Machine alive and machine dead]. Available at: http://www.ng.ru/fakty/2003-10-02/5_machine.html. Published on 02.10.2003.
3. See: Nikolaev A. A. Sociologiya upravleniya: uchebnoe posobie [Sociology of management: textbook]. M. Alfa- M: INFRA- M. 2011. Chapter "Sociological understanding of bureaucracy".
4. Lewis Mumford (1895-1990) was an American social philosopher and historian.
5. Online there flashed a message that the content of the units of the tax administration, which is responsible for collecting taxes from small business, exceeds the amount of taxes collected from small businesses.
6. Berger P. L. Priglasenie v sociologiyu: Gumanisticheskaya perspektiva [Invitation to sociology: Humanistic perspective]. M. Aspect-Press. 1996.
7. In Eldar Ryazanov's film "Carnival night" artist Sergey Filippov depicts not very sober lecturer talking about the stars in the sky: one asterisk, three asterisks, no, better than five stars. Ryazanov later told that at first Filippov was purposely trying to play the episode in a slightly drunken state. But really the scene was successful, when these experiments were finished and perfectly sober Filippov brilliantly played the drunken lecturer.

8. We absolutely do not mean any parallels with the ideas of personal salvation in Christianity.
9. Remember the plot of a story by A. Tolstoy "Viper".
10. Marx K., Engels F. Works. 2nd publ. Vol. 40. M. 1975. P. 171.
11. Ibid. P. 173.
12. Titus Lucretius Carus O prirode veshchej: poehma[On the nature of things: a poem]. M. Mir knigi. Literature. 2006. Pp. 75, 77.

УДК 141.3

О. Л. Цветкова

От интерпретации к пониманию: коммуникативное поле современности

Проблема понимания – одна из самых навязчивых и подробно дискутируемых в сегодняшней мысли, философии, культуре. Драматические противоречия пронизывают собой весь коммуникативный и экзистенциальный опыт современного человека. В статье предпринимается попытка обобщить основные идеи и понятия теории понимания, пришедшие в современную философию вместе с новыми реалиями общества конца XX в. Анализируя взгляды современных теоретиков гуманитарной мысли, автор выявляет новые точки зрения и новую понятийность, которые восходят к эволюции философской теории понимания. Обращаясь к таким философам XX столетия, как «понимание», «текст», «смысл», «личность», «жизненный контекст», «интерпретация» и т. д., автор увязывает их со смыслом тех процессов, функций, задач, которые содержит в себе современная коммуникация.

The problem of understanding seems to be one of the most obtrusive and the most discussed in the present-day thought, philosophy and culture. Dramatic contradictions seem to be one of the pivots of all the complex of the present-day human communicative as well as the existential experience.

The important philosophic ideas the theory of understanding connected with society of the end of the XXth century are analyzed in the article. A task to discern new views generated by evolution of philosophic theory of communication is articulated. The social notions the "understanding", "interpretation", "text", "meaning", "identity", "activity", "life context" are analyzed together with processes, functions and tasks of social communication.

Ключевые слова: понимание, интерпретация, герменевтика, межличностная коммуникация, текст, смысл, личность, деятельность, способ самовыражения, жизненный контекст.

Keywords: the understanding, interpretation, hermeneutics, interpersonal communication, text, meaning, identity, activity, way of expression, life context.

Социальная коммуникация, и, прежде всего, межличностная коммуникация, стала проблемным полем философских исследований в XX в., поскольку, изучая природу общения, можно выявить внутренние закономерности и противоречия становления индивида, его личностных характеристик [1].

Полноценная деятельность людей неотъемлемо связана с общением, диалогическая природа нашего бытия является главным характерным признаком и условием нашего существования. В современном мире индивид ежедневно сталкивается с изменяющимися условиями общения, с актуализацией новых коммуникационных реалий в практиках повседневности. В век распространения массовой коммуникации и техногенных явлений личность часто ощущает надломленность, одиночество, разлад с собой и с окружающей действительностью, отсутствие теплоты и задушевности межличностного общения часто приводит к трагической неудовлетворенности жизнью и к экзистенциальному отчуждению.

В создавшейся ситуации больше всего страдает межличностная коммуникация как разновидность социальной коммуникации, отражающая специфику взаимодействия индивидов как социальных существ, обеспечивающей нормальную совместную жизнедеятельность людей.

Социокультурная ситуация в России XXI в., реформы, преобразования во многих областях способствуют изменениям межличностной коммуникации. Трансформация коммуникационных процессов происходит в политике, государственной власти, экономике, образовании, культуре, требования демократических прав и свобод касаются критериев формирования новой личности. Действительность предъявляет теперь повышенные требования к коммуникативным навыкам и

способностям современного человека, который должен приспосабливаться к изменившимся ценностям, отношениям, способам коммуникации.

От участия в коммуникационном буме зависит степень социализации и интеллектуализации индивида, установление прочных межличностных отношений, решение практических задач и, наконец, интеграция в мировое сообщество и процесс глобализации.

В современных условиях особенно важно раскрывать природу, функциональную и содержательную сущность межличностной коммуникации, ее структурные и процессуальные характеристики для того, чтобы определить мировоззренческое значение возможности общаться с себе подобными, полноценно участвовать в диалоге, быть в гармонии с собой и окружающими людьми.

Проблема понимания принадлежит к числу таких междисциплинарных проблем, которые вследствие своей сложности и многогранности являются предметом анализа одновременно в нескольких областях научного познания. В современных научных исследованиях можно выделить семь основных контекстов, в которых употребляется термин «понимание»: методологический, гносеологический, логический, семантический, лингвистический, коммуникативный и психологический. В соответствии с этими контекстами можно выделить и семь основных научных направлений изучения понимания. Поскольку все они представляют собой подходы к анализу одной и той же проблемы, то естественно, что любой из них не может развиваться обособленно от остальных. Тем не менее, как показывает рассмотрение конкретных исследований, каждый из подходов характеризуется наиболее пристальным вниманием авторов исследований лишь к одному из аспектов понимания при относительном игнорировании остальных (что и дает нам основание отнести их работы к определенному научному направлению).

Интерпретативные подходы учитывают субъективные качества, влияние духовной традиции, культурного фона, принадлежности к определенной социальной группе. Герменевтические идеи породили подходы, ориентированные на приращение нового знания путем интерпретации [2].

Коммуникация становится в современном мире фундаментальной основой всей жизнедеятельности людей: онтология коммуникативных процессов позволяет заглянуть в самые глубины смыслов коммуникации, раскрывая новые подходы в раскрытии картины мира. Разные виды коммуникации формируют бытие современной культуры: это и особый мир СМИ, виртуальное пространство Интернета, взаимодействие в транснациональных корпорациях, претерпевающее изменение межличностное общение индивидов и т. д. Художественная коммуникация также становится частью современной культуры в плане эстетического освоения действительности.

Такое разнообразие подходов обусловлено сложностью самой коммуникации и вследствие этого причастностью к изучению коммуникативных явлений многих отраслей знания. Феномен коммуникации не является статичным, а претерпевает структурные, системные и процессуальные изменения, коммуникация не является простой суммой элементов и не представляет собой единичного акта социального взаимодействия. Коммуникативное поле современности социально-психологически, социально-экономически детерминировано, поскольку неразрывно переплетено с обществом и общественными отношениями. Субъекты коммуникативного действия являются личностями, каждая из которых привносит свои характеристики в разговор. Лингвистическая природа общения также дает обширный материал для изучения всем разделам языкознания.

Социально-философское осмысление герменевтики, метода, целей и возможностей представляет еще необъятное поле для дальнейших исследований. Социально-философские проблемы герменевтики и герменевтических частнонаучных дисциплин получают все больший отклик в научном сообществе в связи с возрастающим интересом к миру человека, проблеме взаимоотношений человека и общества.

Впервые интерпретация стала необходимым элементом процедуры толкования механизмов поведения личности в концепции З. Фрейда. Тем самым явление интерпретации перестало связываться только с интерпретацией текста, т. е. с идеальной действительностью. Объектом интерпретации стало поведение других людей. Именно это в свою очередь актуализировало потребность в переосмыслении самих герменевтических подходов.

Впервые выделение интерпретации как предмета исследования психологии было принято Тамарой Моисеевной Дридзе в 80-х гг. XX в. Она разработала комплексную семиопсихологическую концепцию, само название которой свидетельствует о том, что интерпретация рассматривается как предмет изучения ряда дисциплин, прежде всего – социальной психологии.

Основная научная проблема, которую она решила, заключается в преодолении трактовки текста как языковой действительности. Дридзе доказала, что текст является коммуникативной единицей, т. е. опосредует отношения людей. Текст рассматривался не как коммуникативно-познавательная единица, а как иерархия коммуникативно-познавательных программ. Это явилось серьезным шагом в преодолении объективистской, формализующей, безличной тенден-

ции в понимании интерпретации. Исследователь определяла интерпретацию как текстовую *деятельность*, тем самым подчеркнув ее активный, целенаправленный характер. «Вне порождения и интерпретации текстов, – пишет Т. М. Дридзе, – немислим обмен знаниями и опытом, умениями, навыками, эмоциями, ценностями, идеалами и нормами – этими важнейшими ориентирами человеческой деятельности» [3].

Интерпретационная деятельность заключается во встречном характере активности интерпретатора по отношению к коммуникативному намерению автора текста. «Воспринимая текст в ходе общения, – пишет автор, – интерпретирующий его партнер осуществляет *встречное* порождение текста. Эффект диалога, совпадающий в трактовке автора с представлением о смысловом контакте, обуславливается в конечном счете характером совмещения “систем смысловых опор” в содержательно-смысловых структурах порождаемого и “встречного”/”производного” текстов. Основой диалога оказывается “моносубъектность” этого процесса, достигаемая через совпадение смысловых фокусов при обмене порождения и интерпретации текстов» [4].

На основе такого определения Т. М. Дридзе выделила критерии *адекватности* интерпретации: «...адекватность интерпретационной деятельности реципиента задаче, поставленной коммуникатором, существенном образом определяется мерой их приобщенности либо к описанному в тексте реальному объекту и языку, используемому для его написания, либо только к языку описания сконструированного в тексте объекта» [5]. Адекватной, с ее точки зрения, интерпретация считается тогда, когда реципиент трактует основную идею текста адекватно замыслу коммуникатора. Одновременно исследователь разделяет информативность текста по *абсолютному и относительному* семантическому принципу, который и представляет собой интерпретационный анализ.

Действительность, постулируемая как объективная реальность, обладает исключительным свойством трансформации в социально-историческом контексте. Переходя с макро- на микро-уровень, можно констатировать, что действительность меняется для субъекта по мере его жизненного движения. Более того, каждый акт, каждая новая встреча, поступок человека изменяют, как говорил С. Л. Рубинштейн, «расстановку сил», и, будучи эти изменения более глобальными или частными, они должны быть осмыслены личностью – проинтерпретированы. Самые кардинальные интерпретации ложатся в основу *принципиальных*, по В. Н. Мясищеву, отношений [6].

Поэтому при интерпретировании даже ситуативных изменений они должны быть соотнесены с этими кардинальными интерпретационными принципами. Последние, в свою очередь, можно обозначить как принципиальные *мнения* субъекта, его *убеждения*.

В современной психологической парадигме личность выступает интерпретатором не только текстов и информации, но и *всей действительности*. Тексты, понятия, информация – это теоретическая действительность, ее определенные ограниченные фрагменты. Для личности объектом интерпретирования становится реальная действительность, осмысляемая ею в социальных, научных понятиях и категориях. Разница между ними огромна. То, что в тексте уже «препарировано» автором, информатором – в виде сюжета, системы знаний и т. д., в действительности фрагментировано, разорвано, разобщено во времени и пространстве, не упорядочено, изменчиво, часто противоречиво. Со всей этой «фрагментированностью в пределе» и сталкивается личность, которая сама должна создать сюжет, систему, композицию, найти причины, следствия, ответы на вопросы «зачем и почему». Это и есть интерпретирование – работа сознания и мышления. Она не сводится только к нахождению одного своего собственного смысла. Идущее от Эрнста Кассирера и принятое в отечественном гуманитарном знании различие значения как «кванта» объективной теоретической действительности и смысла как субъективной [7] в полной мере не раскрывает той реальной работы сознания субъекта, который определяет смысл через свой внутренний контекст, индивидуальную концепцию, внутренний мир и личностный конструкт. Таким образом, интерпретирование есть *индивидуальное толкование действительности во всей совокупности ее социальных процессов, событий, структур, человеческих отношений, поступков, собственной жизни*.

Хосе Ортега-и-Гассет в середине XX в. писал: «На протяжении всей человеческой истории во все более сложных и содержательных формах циклически повторялись три разных момента:

1. Человек ощущал свою заброшенность в вещном мире. Это – самоотчуждение.
2. Ценой огромных усилий человек уходит в свой внутренний мир, вырабатывает идеи об обстоятельствах с целью господства над ними. Это – самоуглубление, “*vita contemplative*” у римлян и “*theoretikos bios*” у древних греков, “*theoria*”.
3. Человек вновь погружается в мир, чтобы действовать в нем уже согласно готовому плану. Это – действие, активность, *praxis*» [8].

Таким образом, о действии можно говорить лишь в той мере, в какой оно направляется предварительным созерцанием; и наоборот, самоуглубление всегда представляет собой проект грядущего действия.

Краеугольным камнем при рассмотрении личности как субъекта интерпретации является не столько рассмотрение индивидуальных особенностей мышления, сколько выявление *личностных* типов, которые определяют характер интерпретирования.

Как известно, К.-Г. Юнг выявил различия экстра- и интровертированных типов личностей, причем соотнес их с особенностями психического склада восточной и западной культуры. Последний определяет у одного типа ведущую роль бессознательного (архетипического), у другого – сознательного (рационального) уровня в их самоорганизации своей жизни [9].

«На Востоке внутренний человек всегда имел такую твердую власть над внешним человеком, что у мира не было никаких шансов оторвать его от своих внутренних корней, на Западе же внешний человек забрал такую власть, что она заставила его отвернуться от своей сокровенной сущности и глубинного бытия» [10].

Таким образом, способ самовыражения связан с типом культуры, который обеспечивает преобладание в нем рационального или экзистенциального, иррационального, а также с экстра- или интровертированным типом личности. Скрытый в юнгианской формуле парадокс заключается в том, что именно восточный интроверт менее эгоцентричен в сравнении с западным экстравертом в силу коллективного характера его бессознательного, а также непрерывной работы его души. «Это наша собственная душа, – писал Юнг, – которая неустанно трудится, создавая новые духовные формы и духовные силы» [11]. Именно Юнг первым открыл перспективу для подхода к интерпретации не только как к процедуре сознания, но и как такой способности, которая детерминирована и уровнем бессознательной активности, и культурными различиями.

Определенность способа самовыражения, или, точнее, выраженность нашей личности, предполагает интерпретацию, ее постоянную возобновляющуюся «деятельность», поскольку непрерывно меняются жизненные, социальные ситуации, расстановки сил в них, происходят все новые события, которые требуют от личности определения ее отношения к ним и поведения.

Зигмунд Фрейд, не употребляя понятия «интерпретация» в герменевтическом понимании, фактически отождествлял ее с основным механизмом бессознательного. Исследователь имел в виду символическую интерпретацию, объясняя ее роль в контексте сексуальности. В более широком контексте символические интерпретации осуществлялись с древних времен. Толкования-интерпретации составляли основу ритуального и обыденного, сакрального и профанного, в конечном счете, выполняющая регламентирующую и регулирующие функции в протообществе.

Однако с психологической точки зрения наиболее значимым является *жизненный контекст* личности, *контекст ее жизненного пути*.

Именно в нем сначала складывается определенный тип, с определенным соотношением сознательного, неосознаваемого и бессознательного уровней, которые затем – в свою очередь – определяют способ интерпретирования взрослой личности, становящейся субъектом своей жизни во всей сложности, диалектичности и целостности собственных проявлений с учетом всех драматических сложностей, присущих коммуникативному полю современности.

Примечания

1. Знаков В. В. Понимание в познании и общении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
2. Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: «Феникс +», 2002.
3. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре понимания. М.: Изд-во «Наука» 1984. С. 7.
4. Там же. С. 42.
5. Там же. С. 81.
6. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
7. Кассирер Э. Эссе о Человеке. М.: Прогресс, 1988.
8. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: пер. с исп. М.: Республика, 2000. С. 489.
9. Юнг К.- Г. Архетип и символ. М.: Прогресс, 1991.
10. Там же. С. 521.
11. Там же. С. 495.

Notes

1. Znakov V.V. Ponimanie v poznanii i obshchenii [Understanding in cognition and communication]. M. Publishing house "Institute of psychology of Russian Academy of Sciences". 2000.
2. Slavskaya A. N. Lichnost' kak sub'ekt interpretacii [Personality as a subject of interpretation]. Dubna. "Phoenix +". 2002.
3. Dridze T. M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture ponimaniya [Textual activity in the structure of understanding]. M. Publishing house "Nauka". 1984. P. 7.
4. Ibid. P. 42.
5. Ibid. P. 81.
6. Myasishchev V. N. Lichnost' i nevrozy [Personality and neuroses]. Leningrad. Leningrad State University. 1973.

7. Cassirer E. *Esse o Cheloveke* [Essay on Man]. M. Progress. 1988.
8. Ortega y Gasset H. *Izbrannye trudy* [Selected works]: translated from Spanish. M. Respublika. 2000. P. 489.
9. Jung K. - G. *Arhetip i simvol* [Archetype and character]. M. Progress. 1991.
10. *Ibid.* P. 521.
11. *Ibid.* P. 495.

УДК 13+316.64+159.961

М. В. Скоморохов, А. Ю. Внутских

Проблема демаркации науки и паранауки: история и современное состояние

Статья посвящена проблеме демаркации науки и паранауки, а также проблеме их критериев. Исследуется история постановки и альтернативных решений этой проблемы у И. Канта, К. Поппера, И. Лакатоса, современных российских и зарубежных философов науки. Авторы полагают, что фальсификация является только одним из аспектов решения проблемы демаркации; она должна быть дополнена подтверждаемостью в рамках процедуры «постнеклассической» практики. Выделяются критерии демаркации протонаучных и лженаучных элементов паранауки. Протонаучные элементы имеют определенную эвристическую перспективу, поскольку родственны научным гипотезам и связаны с отказом от сверхъестественных объяснений. Авторы дают собственное определение паранауки как комплексного феномена. Анализируется кейс парапсихологии. Показано, что данная паранаука включает как протонаучные элементы, так и элементы, не соответствующие современным научным стандартам. Охарактеризованы перспективы решения теоретико-методологических проблем парапсихологии.

The article deals with problem of science and pseudoscience demarcation and its criteria as well. The history of the problem and its alternative solutions by I. Kant, K. Popper, I. Lakatos, contemporary philosophers of science in Russia and abroad are researched. The authors suggest that falsification is one of aspects of demarcation problem's solution only and it would be completed by justification in frame of procedure of practice in actual sense. The authors identify criteria of demarcation "protoscientific" and "falsescientific" elements of pseudoscience. "Protoscientific" elements has some heuristic perspective because these elements are affined with scientific hypotheses and with rejection of a supernatural explanation. Authors provide original definition of pseudoscience. The case of parapsychology is analyzed. This parascience includes both "protoscientific" elements and elements that contradict to modern scientific standards. The possibilities of solving of parapsychology theoretical and methodological problems are characterized.

Ключевые слова: наука, паранаука, проблема демаркации, протонаука, парапсихология.

Keywords: science, pseudoscience, demarcation problem, protoscience, parapsychology.

Что такое наука? Авторы «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» определяют научное познание как познавательную деятельность, нацеленную на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире [1]. Если же говорить о вненаучном познании, то помимо обыденного, художественного, религиозно-мифологического в современной литературе выделяют следующие его формы: донаучное или протонаучное (как предварительную базу научного), паранаучное (в англоязычных источниках – «псевдонаучное»; как не совместимое с имеющимся познавательным стандартом науки), лженаучное (сознательно эксплуатирующее домыслы и предрассудки), антинаучное (утопичное и сознательно искажающее представления о действительности), псевдонаучное (в русскоязычных источниках – спекулирующее на популярных в массовом сознании взглядах), квазинаучное (имитирующее науку идеологизированное знание) [2].

Некоторые исследователи сознательно отказываются дифференцировать этот конгломерат понятий, утверждая, что псевдонаука, паранаука, антинаука являются синонимами лженауки, порожденной эпистемологической ситуацией постмодерна, оцениваемой сугубо негативно [3]. На наш взгляд, этот конгломерат понятий необходимо специально исследовать, поскольку эпистемологическая роль и эвристический потенциал разных форм вненаучного знания, как и степень их связанности с наукой, различны.

Среди последних крупных работ, посвященных проблеме демаркации научного и вненаучного знания, выделяется англоязычная коллективная монография «Философия псевдонауки: пе-

рассматривая проблему демаркации», вышедшая под редакцией профессора Университета Сити в Нью-Йорке Массимо Пиглиуччи (2013). Аспекты проблемы демаркации рассматриваются здесь в работах ведущих специалистов в области философии науки.

Сам редактор во введении [4] отмечает, что проблема демаркации имеет значение по двум причинам: во-первых, наука, все более мощно воздействующая на общество, сама должна быть адекватно понята; необходимо исследовать ее природу, ее эпистемологические основания и пределы. Во-вторых, в специальном философском, социологическом и историческом исследовании нуждается и «псевдонаука» (как мы отмечали, в русскоязычной литературе в данном контексте обычно используется понятие «паранаука», которое в данной работе мы используем в качестве синонима). И ученым, и широкой общественности необходимы ее адекватная интерпретация и четкое определение критериев, отличающих ее от науки как таковой. Г. Фоллмер согласен с этой оценкой, подчеркивая, что вопрос о том, кто и каким образом устанавливает стандарты научности в самой науке, вопрос об ответственности за человеческое здоровье, а то и жизнь, вопрос о регулировании финансирования исследований делает проблему «наука/псевдонаука» отнюдь не частной, а общественно значимой [5].

Актуальность проблемы демаркации определяется и нарастающей популярностью паранатурных знаний. Например, в случае парапсихологии профессионалов с ученой степенью, исследующих «большую пятерку» парапсихологических феноменов (телепатию, ясновидение за пределами нормальной сенсорики, предвидение/поствидение, телекинез и целительство), в мире всего несколько сотен. Однако, судя по данным исследования Института Гэллага (2005), в мире от 3 до 4 млрд человек полагают парапсихические феномены реальными, причем связь между социальными характеристиками и уровнем распространенности этих верований практически отсутствует [6]. Если же говорить о тенденциях, то ряд других социологических исследований, проведенных в США, свидетельствует, что «вера в то, что научно необъяснимые, сверхъестественные и паранормальные силы существуют в действительности существенно укрепилась с конца двадцатого столетия» [7]. Следовательно, парапсихологические верования должны исследоваться так же, как существенная сторона современного массового сознания. И вновь важнейшим компонентом такого исследования должно стать изучение критериев, разделяющих науку и «псевдонауку».

Истоки обсуждения проблемы демаркации можно найти уже у Сократа и Ф. Бэкона. Еще более существенный шаг в постановке проблемы демаркации сделал И. Кант в рамках критического периода творчества – не случайно К. Поппер называл проблему демаркации именно «*проблемой Канта*». Кант впервые в классической философии поставил *проблему научности*, задавшись вопросами: как возможна чистая математика? как возможно чистое естествознание? как возможна метафизика вообще? как возможна метафизика как наука? Он пришел к выводу о том, что математика и естествознание могут иметь дело с одними лишь явлениями и представлять только то, что делает возможным опыт вообще, или то, что может быть представленным в каком-либо возможном опыте, а метафизика возможна только как критика, устанавливающая *границы* познания [8].

Однако в строгом смысле слова проблема демаркации возникла лишь в ходе революционной ломки принципов классической рациональности в XX в., когда были поставлены под сомнение считавшиеся незыблемыми метод индукции и принцип верификации. В этих условиях Поппер одним из первых сформулировал и исследовал проблему демаркации науки и псевдонауки. Согласно Попперу, джастификационизм теорий (от лат. *justificatio* – оправдание) следует отвергнуть, заменив фаллибилизмом (от лат. *fallibilis* – подверженный ошибкам, погрешимый) – «все теории представляют собой гипотезы – все могут быть опровергнуты» [9]. Мировоззренческой основой фаллибилизма Поппера выступал, на наш взгляд, весьма спорный тезис о хаотичном характере мира, в котором мы живем: «...лишь при очень... маловероятных условиях могут возникнуть ситуации, в которых можно наблюдать закономерности... такие условия не встречаются почти нигде во Вселенной, а если... они и случаются, то время их существования ничтожно с точки зрения космологии» [10]. В таких условиях наши знания не могут быть истинными – они могут быть лишь правдоподобными или временно поддержанными. Соответственно, поскольку доказательностью научные теории от псевдонаучных не отличаются, Поппер полагал, что *псевдонаучные концепции в силу их догматизма не могут быть фальсифицированы (опровергнуты)* в отличие от восприимчивых к критике научных.

Ученик Поппера И. Лакатос разработал версию «утонченного фальсификационизма». Лакатос отталкивался от тезиса Дюгема – Куайна, согласно которому любая концепция (в том числе научная) может быть спасена от фальсификации благодаря ее связи с более широким теоретическим контекстом, любую из посылок в составе которого можно изменить в интересах такого «спасения». Соответственно, Лакатос предложил рассматривать развитие науки как конкуренцию включающих «жесткое ядро» и «защитный пояс» исследовательских программ, в которой, в

конечном счете, побеждают программы «прогрессивные». Прогрессивная программа способна успешно предсказывать новые факты и намечать будущие вспомогательные теории – невероятные, даже запрещаемые с точки зрения альтернативных программ; она способна объяснить успехи предшествующих программ, т. е. все непровергнутое содержание этих программ должно включаться в нее; какая-то часть нового содержания прогрессивной исследовательской программы подкрепляется эмпирически. Соответственно, *псевдонаучные концепции не способны предсказывать новые факты, они только «защищаются» от фальсификации путем необоснованного «раздувания» защитного пояса вспомогательных гипотез ad hoc, а их попытки что-либо предсказать не находят эмпирического подтверждения* [11].

Однако современные философы науки склонны полагать, что проблема демаркации еще далека от решения: «...наука не представляет собой единого рода деятельности, и постоянно изменяющийся, непрерывный ландшафт может связывать ее с ненаучными посягательствами» [12]. Даже Лакатос в свое время был вынужден признать, что «ученые, конечно, не всегда правильно оценивают эвристические ситуации... если ученый из “побежденного” лагеря несколько лет спустя предлагает научное объяснение якобы “решающего эксперимента” в рамках якобы разгромленной программы... “решающий эксперимент” может превратиться из поражения программы в ее новую победу» [13]. Но как в таком случае отличить временную деградацию прогрессивной научной программы от ее безнадежного регресса или научную программу от псевдонаучной – ведь накопление гипотез ad hoc в «защитном поясе» программ будет происходить в любом случае? В пользу того, что четкий, объективный критерий демаркации в рамках постпозитивистской методологии так и не был установлен, свидетельствует и то обстоятельство, что к числу псевдонаучных концепций, не выдерживающих критерия фальсифицируемости и не способных предсказывать новые факты, Поппер и Лакатос относили весьма разнородные концепции: астрономию Птолемея, теорию эволюции Дарвина, психоанализ, советский марксизм XX в., астрологию и др.

Современные философы науки предлагают свои критерии демаркации науки. Например, С. Ханссон полагает, что утверждение является псевдонаучным если и только если: оно относится к вопросу, принадлежащему к сфере науки в широком смысле (критерий научности сферы); оно не может быть удостоверено (критерий недостаточной надежности); оно является частью доктрины, большинство сторонников которой пытаются создать впечатление о том, что она представляет наиболее адекватное знание относительно данного предмета [14]. Однако и эти критерии достаточно расплывчаты, что позволяет современным философам науки относить к «пограничной науке» или непосредственно к псевдонауке и такие концепции, как теория струн, инфляционная космология, теории сознания в нейробиологии, гипноз, концепции, на которых основаны альтернативные медицинские практики (например, акупунктура и гомеопатия), крупные экономические теории, концепцию глобального потепления и др. [15] Таким образом, определенность критериев демаркации науки и псевдонауки (паранауки) оставляет желать лучшего.

На наш взгляд, эту неопределенность критериев можно преодолеть, если признать в диалектике опровержений и подтверждений в качестве определяющей стороны *подтверждение* данной концепции *общественно-исторической практикой*, т. е. продолжить путь, намеченный Лакатосом. В противном случае рациональная реконструкция развития науки в силу сложности современной познавательной ситуации вряд ли будет возможна. Разумеется, следует признать то обстоятельство, что «в науке на разных этапах ее развития могут действовать существенно различные когнитивные эталоны и стандарты» [16]. По-видимому, это должно относиться и к критерию практики. Например, рассматривая *эволюцию типов научной рациональности* от классического через неклассический к постнеклассическому, академик В. С. Степин и его последователи подчеркивают не только усложняющийся характер научной объективности, включение в познавательные процедуры субъекта нарастающий плюрализм интерпретаций и гипотез, но и опосредованность познавательных процедур постнеклассической науки *практикой*, что, собственно, и делает сложные самоорганизующиеся системы – объекты постнеклассической науки – «человеко-размерными». Причем принципиально важен здесь, на наш взгляд, тезис о *многообразии практик* [17]. Рассматривая критерий практики как комплексный, нельзя не отметить и критерий демаркации, выдвигаемый в социологии науки: если речь идет о научных концепциях, то исследования проводятся профессиональными учеными, которые публикуют результаты своих исследований в рецензируемых научных журналах [18].

Следует подчеркнуть, что псевдонаука (паранаука) всегда сопровождала науку и играла отчасти позитивную роль в ее развитии. Действительно, «натиск» паранауки во все эпохи заставлял ученых совершенствовать свою аргументацию и критерии научности, осознавать предпосылки, на которых базируются научные положения, выявлял те «критические точки» теорий, в которых экспериментальная проверка была особенно важна [19]. Для понимания этой «козволю-

ции» науки и паранауки и точного определения критериев демаркации представляется важной концепция «альтернативной науки» И. Т. Касавина, который интерпретирует это понятие так: «Наукообразные способы познавательной деятельности, которые *частично вовлечены в науку и используются для ее развития* (выделено нами. – М. С., А. В.), частью охватывают собой исследование феноменов, рассматриваемых наукой как несуществующие, частью лишь паразитирующие на научной терминологии и формах научной коммуникации, добивающиеся финансирования и т. п., социального признания» [20].

Например, астрологии и алхимии, «естественной магии» эпохи позднего Возрождения нельзя отказывать в наличии некоторых эмпирических элементов. Именно они после освобождения этих областей от элементов магических позволили астрономии и химии стать полноценными науками. А в конце XIX в. в качестве ненаучной можно было характеризовать концепцию межпланетных полетов. Все это примеры *протонаучных* взглядов, ставших необходимой предпосылкой для формирования общепризнанных в настоящее время научных теорий.

В связи со сказанным мы предлагаем сделать предметом дальнейшего обсуждения «альтернативную науку», в рамках которой выделять «обочину науки» – паранауку, некоторые элементы которой обнаруживают себя как с высокой вероятностью протонаучные, а также принципиально не совместимую с научным подходом *лженауку* (и в основном синонимичные с ней *антинауку* и *квазинауку*), в которой таких элементов с высокой вероятностью нет. Негативной оценки, очевидно, заслуживает лишь последняя форма вненаучного знания. Паранаука же однозначной оценки не заслуживает «по определению» – она принципиально амбивалентна, поскольку включает не только *знание* (в том числе, вполне возможно, ложную интерпретацию неких фактов), но и определенную *практику* – источник всякой науки и критерий ее истинности.

Какой же может быть основа нашего суждения о «высокой степени вероятности» превращения некоторых элементов паранаучного знания в собственно научное в будущем и, соответственно, какой должна быть основа для демаркации паранауки и лженауки? Нам представляется, что помочь здесь могут два принципа, которые позволят развить представления о ее критериях. Во-первых, это принцип *родства эвристически ценных (протонаучных) элементов паранауки и научных гипотез* – особенно научных гипотез периода так называемой «аномальной науки» (по Т. Куну). Во-вторых, это принцип *исключенности из их паранаучных концепций сверхъестественных «объяснений»*.

Действительно, «и у гипотезы и у псевдонаучной интерпретации (паранаучной в нашей терминологии. – М. С., А. В.) может и не быть однозначной оценки». Однако, согласно А. М. Конопкину, у ученых все-таки есть критерий для предварительного «отбора гипотез» и, следовательно, для отделения науки от паранауки (точнее, от бесперспективных в смысле включения в науку элементов паранаучных концепций). Этот критерий – достоверность не только самой интерпретации, но и «цепочки объяснений и фактов, привлекаемых для ее объяснения, обоснования». Иными словами, «научная гипотеза поддерживается большим числом других теорий, которые имеют собственное обоснование, что и обеспечивает... высокую вероятность правильности оценки... гипотеза поддерживается другими научными теориями, и эта системность на зрелой стадии науки делает гипотезы очень точными» [21]. Известный методолог науки М. Бунге также подчеркивал, что непригодность к контакту с другими теориями и к контролю с их стороны – плохой знак для оценки перспектив «онаучивания» данной концепции [22]. Итак, сравнивать научные гипотезы следует не только с актуальным эмпирическим опытом, но и с другими общепризнанными теориями. На наш взгляд, так можно поступать и с элементами паранаучных концепций, выделяя в множестве этих элементов подмножество концепций с высокой вероятностью *протонаучных*.

Относительно второго принципа можно сказать, что отказ от сверхъестественных «объяснений» если и не гарантирует паранаучной концепции «научную перспективу», то, по крайней мере, является необходимым требованием для такой перспективы, поскольку включает соответствующие элементы паранауки в рамки *реалистической парадигмы* [23]. Результатом развития именно реалистической парадигмы и стала собственно наука, как писали по этому поводу М. Вебер и А. Эйнштейн, наука как процесс представляет собой «расколдовывание мира», «бегство от чуда», она стремится развенчать сверхъестественное. Например, корпус Гиппократов следует классифицировать как «протонаучный» для случая медицины и потому, что этот античный врач и мыслитель принципиально отклонял сверхъестественные объяснения как болезней, так и исцелений [24].

Завершая статью, остановимся на вопросе определения паранауки (псевдонауки) и в свете этого определения попытаемся сделать вывод относительно природы такой области знания, как *парапсихология*. Классические дефиниции Аристотеля подразумевают определение «через род и видовое отличие». Следовательно, решая проблему демаркации науки и паранауки и вместе с тем помня о их тесной связи друг с другом, мы можем уточнить определения паранауки. Наше определение представляет собой переработанное определение, данное в свое время Д. В. Головиным

[25]: паранаука – это амбивалентный комплекс пограничных между научными и вненаучными формами знаний и практик, которые включают в себя как протонаучные, так и лженаучные элементы; конкурируют с современной наукой за понимание и объяснение фактов; существенно противоречат теоретико-методологическим принципам современной науки, претендуя в то же время на институционализацию в качестве науки.

Относительно случая парапсихологии можно сказать, что она в целом соответствует такому определению паранауки. Например, как отмечает один из соавторов упомянутой англоязычной монографии Э. Гуд, парапсихология претендует на институционализацию в качестве науки, поскольку существует сообщество профессиональных исследователей пси-феноменов. Не все они убеждены в реальности пси-феноменов, но все они признают, что контролируемый эксперимент является лучшим способом установить их валидность, проводят систематические исследования не на себе, а на других людях, пользуясь иногда не менее строгими методами, чем психология.

Вместе с тем у парапсихологии есть две теоретико-методологические проблемы, которые не позволяют ей в полной мере соответствовать существующим научным стандартам. Во-первых, у парапсихологов нет общепринятого в науке причинного объяснения пси-феноменов, а некоторые из приводимых ими объяснений действительно имеют характер лженаучных. Во-вторых, это отсутствие воспроизводимости экспериментов – того, что называют «пси по требованию». Однако отметим, что среди объяснений пси-феноменов есть и вполне научнообразные, например объяснение через действие электромагнитных сил по Х. Ирвину или квантово-механическое объяснение по Д. Радину [26]. На наш взгляд, объяснения такого рода тесно связаны с гипотезой «теневых систем», предложенной пермской школой научной философии [27]. Практическое же использование электромагнитных эквивалентов человеческой мысли в форме «чтения мыслей» и «телекинеза» с помощью технических устройств в наши дни уже стало вполне воспроизводимым фактом [28]. Возможно, мы наблюдаем превращение некоторых протонаучных элементов парапсихологии в собственно научные, и эта история еще далеко не завершена.

Примечания

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. С. 560–561.
2. Некрасов С. И., Некрасова С. А. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник. Орел: ОГУ, 2010. С. 23–24.
3. Казаков М. А. Эпистемология постмодерна и философия лженауки // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2014. Вып. 2 (22). Т. 2. С. 20.
4. Boudry M., Pigliucci M. Introduction. Why the Demarcation Problem Matters // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. The University of Chicago Press, 2013. P. 2–3.
5. Фоллмер Г. Чем хороши псевдонауки? // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 241–244.
6. Goode E. Paranormalism and Pseudoscience as Deviance // Philosophy of Pseudoscience. P. 155.
7. Ibid. P. 146.
8. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. URL: http://nibiryukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_kant_prolegomena.htm#Part_2 (дата обращения: 1.07.2015.)
9. Поннер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 28.
10. Там же. С. 23–24.
11. Лакатос И. Доказательства и опровержения (Как доказываются теоремы). М.: Наука, 1967.
12. Boudry M., Pigliucci M. Op. cit. P. 1.
13. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. С. 147.
14. Hannson S. Defining Pseudoscience and Science // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. P. 70.
15. Shermer M. Science and Pseudoscience. The Difference in Practice and the Difference It Makes // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. P. 206; Фоллмер Г. Указ. соч. С. 240.
16. Мартишина Н. И. Тема «Наука и вненаучное знание» в курсе философии науки // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6. № 4. С. 107.
17. Постнеклассические практики: опыт концептуализации: коллективная монография под общей ред. В. И. Аршинова, О. Н. Астафьевой. СПб.: Изд-во «Миръ», 2012.
18. Shermer M. Science and Pseudoscience. P. 206–207.
19. Фоллмер Г. Указ. соч. С. 251–252.
20. Касавин И. Т. Познание в мире традиций. М.: Наука, 1990. С. 101.
21. Конопкин А. М. Псевдонаука как когнитивный феномен в контексте современной философии науки // Философия науки. 2014. № 1. С. 9–13.
22. Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975. С. 302.

23. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Пермь, 2007. Ч. 1, 2. С. 13.
24. Конопкин А. М. Указ. соч. С. 9.
25. Головин Д. В. Паранаука: социокультурные основания и функции. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Иваново, 2012.
26. Goode E. Op. cit. P. 155-157.
27. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3. С. 83.
28. Марков А. В. Эволюция человека: Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель, 2012. С. 106-109, 125-129.

Notes

1. Enciklopediya ehpistemologii i filosofii nauki - Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. M. "Canon+", ROO "Rehabilitation". 2009. Pp. 560-561.
2. Nekrasov S. I., Nekrasova S. A. Filosofiya nauki i tekhniki: tematcheskij slovar'- spravochnik [Philosophy of science and technology: a thematic dictionary]. Orel. OSU. 2010. Pp. 23-24.
3. Kazakov M. A. Epistemologiya postmoderna i filosofiya lzhenauki [Postmodern epistemology and philosophy of pseudoscience] // Novye idei v filosofii - New ideas in philosophy. Perm. Publishing house of Perm University. 2014. Is. 2 (22). Vol. 2. P. 20.
4. Boudry, M., M. Pigliucci Introduction. Why the Demarcation Problem Matters // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. The University of Chicago Press, 2013. Pp. 2-3.
5. G. Vollmer Chem horoshi psevdonauki? [What pseudoscience are good for?] // Evolyucionnaya ehpistemologiya. Antologiya - Evolutionary epistemology. Anthology. M. Center of humanitarian initiatives, 2012. Pp. 241-244.
6. Goode E. Paranormalism and Pseudoscience as Deviance // Philosophy of Pseudoscience. P. 155.
7. Ibid. P. 146.
8. Kant I. Prolegomeny ko vsyakoj budushchej metafizike, mogushchej poyavit'sya kak nauk [Prolegomena to any future metaphysics that can appear as a science]. Available at: http://nibiriyukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_kant_prolegomena.htm#Part_2 (accessed: 1.07.2015.)
9. Popper K. Ob"ektivnoe znanie. Evolyucionnyj podhod [Objective knowledge. Evolutionary approach]. M. Editorial URSS. 2002. P. 28.
10. Ibid. Pp. 23-24.
11. Lakatos I. Dokazatel'stva i oproverzheniya (Kak dokazyvayutsya teoremy) [Proofs and refutations (As we prove theorems)]. M. Nauka. 1967.
12. Boudry, M., M. Pigliucci Op. cit. P. 1.
13. Lakatos I. Fal'sifikaciya i metodologiya nauchno- issledovatel'skih programm [Falsification and the methodology of scientific research programmes]. M. Medium. 1995. P. 147.
14. Hannson S. Defining Pseudoscience and Science // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. P. 70.
15. Shermer M. Science and Pseudoscience. The Difference in Practice and the Difference It Makes // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. P. 206; Vollmer G. Op. cit. P. 240.
16. Martishina N. I. Tema "Nauka i vnauchnoe znanie" v kurse filosofii nauki [Theme of "Science and non-scientific knowledge" in course of philosophy of science] // Epistemologiya i filosofiya nauki - Epistemology and philosophy of science. 2005. Vol. 6. No. 4. P. 107.
17. Postneklassicheskie praktiki: opyt konceptualizacii - Postnonclassical practice: the experience of conceptualization: a collective monograph under the general editorship of V. I. Arshinov, O. N. Astafieva. SPb. Publishing house "Mіръ". 2012.
18. Shermer M. Science and Pseudoscience. P. 206-207.
19. Vollmer G. Op. cit. Pp. 251-252.
20. Kasavin I. T. Poznanie v mire tradicij [Knowledge in the world of tradition]. M. Nauka. 1990. P. 101.
21. Konopkin A. M. Psevdonauka kak kognitivnyj fenomen v kontekste sovremennoj filosofii nauki [Pseudoscience as a cognitive phenomenon in the context of contemporary philosophy of science] // Filosofiya nauki - Philosophy of science. 2014, No. 1, pp. 9-13.
22. Bunge M. Filosofiya fiziki [Philosophy of physics]. M. Progress. 1975. P. 302.
23. Orlov V. V. Istoriya chelovecheskogo intellekta [History of the human intellect]. Perm. 2007. Part 1, 2. P. 13.
24. Konopkin A. M. Op. cit. P.9.
25. Golovin D. V. Paranauka: sociokul'turnye osnovaniya i funkcii. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [Parascience: sociocultural reasons and functions. Autoref. diss. ... Cand. Philosophy]. Ivanovo. 2012.
26. Goode E. Op. cit. Pp. 155-157.
27. Orlov V. V. Istoriya chelovecheskogo intellekta [History of the human intellect]. Perm. Publishing house of Perm University. 1999. Part 3. P. 83.
28. Markov A.V. Evolyuciya cheloveka: Obez'yany, nejrony i dusha [Human evolution: Monkeys, neurons, and soul]. M. Astrel'. 2012. P. 106-109, 125-129.

Мораль и казуистика на службе иезуитов

Данная статья посвящена проблеме морали в системе философско-религиозной догматики ордена иезуитов. Категория «морали» является одной из основополагающих в человеческом бытии, поэтому рассмотрение ее с точки зрения католической церкви является первостепенной задачей, поставленной в работе. На основе изучения материалов Общества Иисуса были выделены сущность иезуитской морали, задачи и приемы казуистики, используемые орденом, примеры расширенной трактовки моральных догматов, также рассматривается соотношение таких понятий, как мораль и грех. Были проанализированы методика использования специфики иезуитской морали в отношении социума, определены основные критерии этической системы, на основе которых развивалось управление обществом. Моральная догматика ордена иезуитов и католической церкви отражала их специфический взгляд на светский мир и подходила для тайного руководства над ним.

This article deals with the problem of morality in the philosophical and religious dogma of the Jesuits. Category of "morality" is a fundamental in human existence, so its consideration from the point of view of the Catholic Church is the primary tasks assigned to work. Based on the study of materials of the Company of Jesus were identified nature of Jesuit morality, objectives and methods of casuistry used by the Order, examples of extended treatment of the moral dogmas, is also considered the ratio of concepts such as morality and sin. Were analyzed by the method of using the specificity of Jesuit morality in relation to society, the basic criteria of an ethical system, which was developed on the basis of the Company. Moral dogma of the Jesuits and the Catholic Church to reflect their particular perspective on the secular world and is suitable for secret leadership over it.

Ключевые слова: орден иезуитов, мораль, казуистика, пробабилизм, грех.

Keywords: Jesuit order, morality, casuistry, probabilism, sin.

Что есть мораль в системе общественных отношений? Обычно ее определяют как один из основных механизмов регуляции человеческой деятельности, особая форма социального сознания и вид общественных отношений. Мораль регулирует поступки и деяния человека во всех сферах общественной жизни и имеет значение всеобщее и базисное. Моральные нормы являются столпами развития и процветания общества, поскольку выражаются в наиболее обобщенной форме и проявляются как императив, который должен исполнять человек. Они обязательно фиксируются в форме предписаний, заповедей, традиций, которые содержат положения о том, как необходимо поступать и чего нельзя делать в той или иной ситуации. Так, мораль – это квинтэссенция воззрений на то, какой должна быть социальная жизнь и как человек и общество должны устраивать свое бытие [1].

Система морали ордена иезуитов полностью отвечает данному определению, однако оно имело свои взгляды на социум и действовало, исходя из собственных потребностей. Если в обычном случае общество подчиняется морально-нравственной системе, следует ее установкам, то система морали иезуитов, наоборот, подчинена догматике ордена и состоит у него на службе. Она была зафиксирована в уставе, конституции и программных документах Общества, но доступ к ним был даже не у всех членов ордена. Это видение морали помогло иезуитам распространить свое влияние практически на весь мир, подчиняя все общества – христианские и языческие – воле ордена. Поэтому интересной проблемой стало рассмотрение системы моральной догматики ордена иезуитов и использование ее эмпирической стороны.

Основными аспектами рассмотрения морали иезуитов станет ее новизна – сумели ли иезуиты внести что-либо новое в свое видение моральности; сущность моральной системы ордена – что она из себя представляла и какой смысл вкладывали сами монахи ордена в понятие категории «мораль»; и как она соотносится с понятием «грех» – что в системе ордена является им, как можно его избежать и как вообще трактуется греховность. Определенная новизна в трактовке данной категории присутствовала, поскольку четкое разделение понятий «добро» и «зло» исчезает – на первый план выходят выгода и степень полезности тех или иных постулатов. Так общечеловеческое понимание соотношения добра и зла исчезает из иезуитской морали, они теряют смысл, заложенный в них изначально, происходит их смешивание и переплетение.

Проблема соотношения этических норм социума и ордена иезуитов мало волновала католических священников, поскольку светский и духовный миры были разделены, несмотря на их тесное переплетение. За счет этого разделения и смог появиться новый концепт морально-этических дог-

матов, новая трактовка старых устоев. «В силу того, что бы нынешний Римский Понтифик и другие, преемники его, ни приказали ради преуспевания душ и для распространения веры, и в какие бы страны они ни пожелали нас послать, – мы тотчас же, без всяких увиливаний и отговорок, обязаны это исполнить...» [2] – так проявлялась двойственная сущность моральной системы иезуитов. Внутри ордена человек обязан был соблюдать все догматы и беспрекословно подчиняться руководству. В миру же моральные нормы менялись – росло количество их трактовок, менялась их суть, нравственные идеалы извращались в угоду Обществу Иисуса.

Мораль ордена – это один из важнейших столпов, на который опирается орден в деле ведения душами католической паствы. Она входит в систему иезуитского воспитания и играет немаловажную роль в создании личности иезуита, прививая чувство вседозволенности и безнаказанности за любые прегрешения. Нет практически ни одного поступка, который Общество Иисуса не могло бы оправдать, если это может принести им какую-либо выгоду. Одним из проявлений специфической морали стал документ “*Monita secreta*” – Тайные наставления, который держался в строжайшем секрете и содержал указания по управлению обществом [3]. В нем содержится концепция иезуитского видения общества, теория, которую орден сумел реализовать и в которой находит свое отражение взгляд католических монахов на те или иные социальные страты, в том числе раскрываются рамки дозволенного как монахам по отношению к представителям того или иного слоя, так и подверженным их влиянию индивидам.

В моральной системе иезуитов сложно выделить что-то оригинальное. Она представляет собой синтез морали церкви и религии и опирается на общечеловеческие ценности и устои. Единственное оригинальное решение в данном плане – изменение приоритетов в пользу подавляющего значения искусственной добродетели и повиновения, что приводит к остановке развития и становления остальных моральных ценностей. Иезуиты систематически занижали ценность и строгость указаний этических законов для того, чтобы оправдать осуждаемые поступки, чем завоевывали расположение людей к себе. Так, иезуиты, в отличие от других орденов и церкви вообще, оправдывали браки между братом и сестрой, ложь и обман, даже убийство. Именно поэтому Общество Иисуса пользовалось не общечеловеческой моралью и этическими принципами, а собственными трансформированными моральными выкладками, применяемыми в практических целях [4]. «Общество наше должно помогать им во всех противозакониях, в заключении браков между родственниками и в подобных тому вещах... ходатайствуя для этого через посредство нашего ордена разрешения папы, который будет нам способствовать» [5] – эта установка являлась одной из принципиальных во всей деятельности иезуитов. «В отношении совести всех высоких лиц наши духовники должны быть снисходительнее прочего духовенства, чтобы все предпочитали пользоваться нашим руководством и нашими советами» [6].

Одним из главных положений отношения иезуитов к морали – подчинение морально-этических устоев (собственных и преподаваемых) политическим целям. Это был прагматический и практичный подход к разрешению сложных моральных проблем. Основным принципом ордена стала казуистика – наука о разрешении сложных моральных казусов, созданная духовниками для решения огромного множества ситуаций. Однако данная «наука» разрушает единую морально-нравственную систему, превращая ее в совокупность разобщенных выкладок, применяемых к отдельным ситуациям. Главная задача казуистики – оправдание и защита любых, даже самых аморальных поступков. «То, что в глазах обычного исповедника оказывается смертным грехом, нам представляется легким проступком, если вообще не подвигом» [7]. Моральная система иезуитов позволяет им оправдывать супружескую неверность, воровство, лжесвидетельство, святотатство и т. д.

Монахи ордена имели право пренебрегать этическими нормами общества и совершать греховные деяния, поскольку это шло на благо ордена, к тому же их защищало знание того, что грех этот будет автоматически прощен, поскольку это прописано в конституции ордена: «Генерал или уполномоченные его должны иметь власть разрешать всех членов Общества, а также всех, изъявивших желание вступить в него или служить ему в мире, от всех грехов, совершенных до и после вступления в орден, от всех духовных и светских наказаний, даже от церковного отлучения» [8]. Мы видим, что уставные документы ордена защищают любого иезуита от мирского осуждения за любые деяния.

Иезуиты использовали по отношению к социуму свою мораль, их главными целями были люди, власть имущие, которых орден подчинял своей воле с помощью собственной системы морали: «Мы должны оплакивать кровавыми слезами те минуты, когда пустили к себе и отогрели на груди своей этих ядовитых змей. Как люди, способные скоро и бесцеремонно втираться в семейство, обогащаясь их же трудовыми крохами, они вкрадывались в доверенность своею двуличностью и, овладев нравственную авторитетностью, подчиняли их себе совершенно» [9].

Мораль иезуитов была далека от принципов, которые поддерживал остальной социум. Для членов ордена нормальными явлениями были педофилия, гомосексуализм, ультрамонтанство

(учение повиноваться иностранной державе), учение о повиновении под гнетом и вера в любые предрассудки. Практика исповеди привела к эволюции казуистики, которую иезуиты развивали в сторону наибольшего снисхождения к кающемуся грешнику с помощью приемов, известных ранее, но мало использовавшихся. Эти приемы представляли из себя следующую систему:

1. Интенционализм – в качестве греха рассматриваются только те поступки, при которых намерения совершающего были сознательно направлены на греховную цель. В противном случае наличие греха опровергалось либо он признавался не смертным, а простым.

2. Умственная оговорка – с ее помощью клятву или обещание можно понимать совершенно в другом смысле, нежели его изначальное понимание. Для этого используется смысловое ограничение слова, прибавление условий в уме, которые известны только тому, кто произносит эти слова. Также зачастую использовался прием «амфиболия» – выбор заведомо двусмысленных выражений [10]. Вообще вся мораль иезуитов характеризуется уклончивыми выражениями, завуалированностью, неоднозначностью, что четко прослеживается в литературе ордена и их догматических писаниях.

3. Пробабализм – учение, в котором решение сомнительных случаев рассматривается не с позиции морально-нравственной системы, а с позиции приобретенной выгоды. Сам Игнатий Лойола писал: «Тот, кто хочет призвать людей к добродетели, тот должен сражаться с сатаной собственным оружием» [11]. Любой поступок можно истолковать как угодно, любое преступление можно обернуть в правдоподобие. Даже евангельские тексты трактуются в удобном для иезуитов смысле. Так, во славу божью можно даже совершить грех, если он будет иметь пользу для церкви. Иезуиты мало доверяли нравственным суждениям исповедующихся, поэтому предпочитали оставлять как можно меньше места индивидуальным и случайным суждениям. Орден ввел систему двусмысленностей, недоговорок, молчаливых оговорок, которые могли оправдать человека не только перед светскими властями, но и перед богом. Исходя из этого, иезуитами пропагандировался и одобрялся пробабализм – выбор наиболее предпочтительного суждения из множества мнений авторитетных теологов, которое наиболее подходит к ситуации, но может быть наименее предпочтительным в моральном плане [12]. На первое место ставится не мораль, а польза, приносимая вариативностью толкования того или иного факта.

Казуистику и пробабализм иезуиты оправдывали своим главным лозунгом – цель оправдывает средства. Цель, которую преследует орден, используя эти моральные выкладки, весьма проста – примирять свои принципы с действиями, когда они противоречат друг другу, оправдывать или осуждать поступки, располагать к себе людей, власть имущих. При этом цель подчиняется строго выверенной стратегии – все, что имеет цель, не является злом и может быть оправдано.

Вот несколько примеров их изворотливости: «Божественный закон предписывает: не лжесвидетельствуй. Лжесвидетельствуй, только если знаешь, что произносимые слова обманут судью... Закон божий утверждает: не убий. Но это не означает, что каждый убивший человек грешит против этой заповеди» [13]. При этом иезуиты всячески избегают обвинений в грехопадении: «Если греховный помысел приходит извне, то можно стяжать благодать. Например, приходит помысел совершить смертный грех, и человек немедленно отсекает его. И таким образом помысел побеждается» [14] – так побеждается мысль о грехе, что позволяет перевести его из разряда смертного в разряд легкого.

Среди наиболее известных преступных иезуитских принципов есть один, который вызывал общественное негодование в наивысшей степени и заслуживает рассмотрения: монах или священник может убить того, кто уже готов оклеветать его и его общину. Таким образом, орден дает себе право устранять противников и даже тех его членов, кто был слишком разговорчив. Иезуиты были достаточно циничными, чтобы написать: «Если отец, поддавшись искушению, злоупотребит женщиной, и она публично признается, что произошло, обесчестив тем самым его, этот отец может убить ее, дабы избежать позора... отец может использовать это в качестве оправдания, чтобы убить женщину и защитить свою честь» [15]. Иезуиты отстаивают мысль, что моральные законы не являются всеобщими, поэтому применима система двойных стандартов – что является легким проступком для одного, для другого это смертный грех.

Говорить о какой-то специфической «морали иезуитов» не представляется возможным, поскольку ими не были созданы никакие новые концепции и трактовки нравственности и морали. Поэтому стоит говорить не только о системе морали ордена, но и о ряде неких нравственных правил, которые трактуются орденом в ключе, выгодном им, а не одобряемом остальным социумом. Иезуиты весьма активно придерживались позиции снисходительной трактовки общепринятых морально-нравственных устоев, дабы помочь грешнику получить некие смягчающие обстоятельства при исповеди. Делалось это из сугубо практических целей, дабы обеспечить себе поддержку таких грешников. Для этого иезуиты давали наиболее узкие трактовки понятия смертного греха, расширяли понятия греха искупаемого/легкого.

Грехом считалось только то деяние, при котором человек сознательно хотел и причинял зло. Если же его действия совершались из «лучших побуждений» и душа его не желала совершения греха, то его нельзя обвинить в преступлении и следует отпустить его грехи. Это касается и ложных клятв и клятвоступников – если человек при произнесении клятвы сознательно употребляет слова, которые при любых обстоятельствах окажутся ложью [16]. Таким образом, вполне допустимо использование двусмысленных выражений, тайной оговорки (мысленно дополняя свои слова фразами, полностью меняющими смысл всего высказывания). Даже убийство может быть оправдано и не считаться смертным грехом в случае, если это был ответ на действия, которые наносят вред чести человека. Так иезуиты оправдывали убийства, проституцию, аборт, если ордену было это выгодно.

Человек не совершает греха, пока у него нет четкого восприятия греха – иезуитская доктрина. Ни один грех не является причиной себя, что позволяет вообще не исповедоваться о них. Так, если человек совершил убийство, но при этом он верит, что совершил не что иное, как пустяковую ошибку [17]. Такой человек не считается большим грешником, поскольку его знания о грехе гораздо меньше, чем степень греха. Если человек совершает прелюбодеяние или самоубийство, не понимая всей тяжести и греховности этих преступлений, они все равно остаются в разряде легких грехов.

Мораль иезуитов можно трактовать как «полицейский дух, распространенный на сферу Божественного», где все строится на «взаимном наблюдении и доносительстве» [18]. Мораль, которую проповедуют иезуиты, не отличается строгостью: это позволяет им расширить круг кающихся грешников и не идти против сильных мира сего. Так орден устанавливает свою власть над теми, кто приходит к ним в исповедалю.

Таким образом, система моральной догматики иезуитов представляла собой весьма своеобразное отражение взглядов ордена на социум, его функции и составляющие. Эта специфическая мораль идеально подходила для тайного руководства всем обществом, хотя само мирское сообщество отвергало ее и ужасалось от последствий ее проявлений. Иезуиты не внесли чего-то существенно нового в систему морально-нравственных ценностей, однако сумели повернуть и извратить их настолько, что превратили мораль в орудие управления. Они неустанно пропагандировали дух идолопоклонничества – им нужна была не вера в бога, а фетиш, на который можно опереться в деле уничтожения моральных устоев общества. Именно эта система аморальности и казуистики позволила иезуитам фактически управлять католическим обществом на протяжении нескольких веков.

Примечания

1. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. С. 516.
2. Формулы института Общества Иисуса, одобренные и утверждённые Верховными Понтификами Павлом III и Юлием III. URL: <http://www.jesuit.ru> (дата обращения: 03.07.2014).
3. Печников Б. А. Отцы тьмы, или Иезуиты просвещения. М.: Педагогика, 1989. С. 115.
4. Бемер Г. Иезуиты; Ли Г. Ч. Инквизиция. СПб.: ООО «Издательство ПОЛИГОН», 1999. С. 57.
5. *Monita secreta* // Гринингер Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. Т. II.: пер. со 2-го нем. изд. / Гринингер Теодор; Изд. Маврикия Осиповича Вольфа. СПб.: В тип. М. О. Вольфа, 1869. С. 273.
6. Там же. С. 274.
7. Леруа М. Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 177–178.
8. Булла Magna Charta папы Римского Павла III об организации Общества Иисуса (ордена Иезуитов) // Андреев А. Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской Империи. М.: «Русская панорама», 1998. С. 240–243.
9. Переписка Лаврентия Ганганелли (Папы Климента XIV) и Карла Бертинаци. Письмо 27 от 27 ноября 1764 г. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 05.07.2014).
10. Барт Р. Сад, Фурье, Лойола / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2007. С. 55.
11. Великович Л. Н. Иезуиты вчера и сегодня. М.: Знание, 1972. С. 8.
12. Бемер Г. Указ. соч.; Ли Г. Ч. Указ. соч. СПб.: ООО «Издательство ПОЛИГОН», 1999. С. 373.
13. Edmond Paris. The secret history of the Jesuits. Publisher: Chino, Calif.: Chick Publications, 1975. С. 64.
14. Лойола И. Духовные упражнения // Журнал «Символ». Париж, 1991. Вып. 26. С. 26.
15. Edmond Paris. The secret history of the Jesuits. С. 66.
16. Бемер Г. Указ. соч.; Ли Г. Ч. Указ. соч. С. 373–377.
17. Nicolini G. B. History of the Jesuit. London: "Harrison and sons", 1854. С. 238–239.
18. Леруа Мишель. Указ. соч. С. 160–161.

Notes

1. *Sovremennyj filosofskij slovar'* - Modern philosophical dictionary / ed. by V. E. Kemerov. 2nd is., rev. and add. London; Frankfurt; Paris; Luxembourg; M.; Minsk. "PANPRINT". 1998. P. 516.
2. The formulas of the Institute of the society of Jesus, approved and adopted by the Supreme Pontiffs Paul III and Julius III. Available at: <http://www.jesuit.ru> (reference date: 03.07.2014) (in Russ.).
3. B. A. Pechnikov *Otcy t'my, ili Iezuity prosveshcheniya* [Fathers of darkness, or the Jesuits of education]. M.: Pedagogika. 1989. P. 115.

4. Bemmer H. Iezuity [The Jesuits]; H. C. Lee Inkviziciyaa [Inquisition]. SPb. LLC "Publishing house POLYGON". 1999. P. 57.
5. Monita secreta // Grisinger T. Iezuity. Polnaya istoriya ih yavnyh i tajnyh deyanij ot osnovaniya ordena do nastoyashchego vremeni [Jesuits. A complete history of their open and secret deeds from the foundation of the order to the present time]. Vol. II.: transl. from the 2nd. German ed. / Grisinger Theodore; Publ. of Mauritius Osipovich Wolf. SPb. In typ. of M. O. Wolf. 1869. P. 273.
6. Ibid. P. 274.
7. Leroy M. Mif o iezuitah: ot Beranzhe do Mishle [Myth of the Jesuits: from Berenger to Michelet]. M. Languages of Slavic culture. 2001. Pp. 177-178.
8. Bulla Magna Charta papy Rimskogo Pavla III ob organizacii Obshchestva Iisusa (ordena Iezuitov) - Bulla Magna Charta of Pope Paul III on the organization of the society of Jesus (Jesuit order) // Andreev A. R. Istoriya ordena Iezuitov. Iezuity v Rossijskoj Imperii [History of the Jesuits. The Jesuits in the Russian Empire]. M. "Russian panorama". 1998. Pp. 240-243.
9. Correspondence of Lawrence Ganganelli (Pope Clement XIV) and Carl Bertinato. Letter 27 from 27 November 1764. Available at: <http://www.vostlit.info> (reference date: 05.07.2014).
10. Bart R. Sad, Fur'e, Lojola [Sad, Fourier, Loyola] / translated from the French by B. M. Skuratov. M. Praxis. 2007. P. 55.
11. Velikovich L. N. Iezuity vchera i segodnya [The Jesuits yesterday and today]. M. Znanie. 1972. P. 8.
12. Bemmer G. Op. cit.; Lee H. C. Op. cit. SPb. LLC "Publishing house POLYGON". 1999. P. 373.
13. Edmond Paris. The secret history of the Jesuits the. Publisher: Chino, Calif.: Chick Publications, 1975. P. 64.
14. I. Loyola Duhovnyye uprazhneniya [Spiritual exercises] / / "Character". Paris, 1991, is. 26, p. 26.
15. Edmond Paris. The secret history of the Jesuits the. P. 66.
16. Bemmer G. Op. cit.; Lee H. C. Op. cit. Pp. 373-377.
17. Nicolini G. B. History of the Jesuit. London: "Harrison and sons". 1854. Pp. 238-239.
18. Leroy Michel. Op. cit. Pp. 160-161.

УДК 316

А. Ф. Фаррахов

Религиозное осмысление одиночества

Статья представляет собой обзор когнитивно-экзистенциальных подходов к феномену одиночества в контексте религиозного мировоззрения. В ней представлен взгляд на одиночество как на синтез факторов личности и ситуации. Человек, веря в то, что его истинное «Я» отвергнуто другими, замыкается, но продолжает придерживаться социальных «фасадов», что приводит к опустошенности. Иными словами, в одиночестве проявляется несоответствие между действительным и идеализированным «Я». Но не только внешние обстоятельства делают человека одиноким. Заглянув в себя, как в «темную бездну», человек чувствует себя крайне одиноким, и из страха раздумий об одиночестве человек позволит занимать себя кому угодно и чем угодно, лишь бы снова не заглядывать в себя. Так, уход в церковь является своеобразной альтернативой одинокому образу жизни.

The article presents a review of cognitive-existential approaches to the phenomenon of loneliness in the context of a religious worldview. It presents a look at loneliness as a synthesis of factors of personality and situation. People believing that his true self is rejected by others, closes but continues to adhere to the social "facades", which leads to emptiness. In other words, alone manifested the discrepancy between the actual and idealized "I". But not only external circumstances make a person lonely. Look into yourself, as in "the dark abyss", the person feels extremely lonely, and out of fear thinking about the loneliness of people will take themselves to anyone and anything, if again not to look at myself. So, care in the Church is an alternative to a lonely lifestyle.

Ключевые слова: одиночество, религия, личность, истинное «Я», взаимоотношения, экзистенциальный.

Keywords: loneliness, religion, person, the true "I", interactions, existential.

Религия, так же как и искусство, имеет свою специфику отражения внутреннего мира человека. С самого начала своего возникновения она обращала внимание на коренные экзистенциальные проблемы человечества. Используя лишь ей присущие средства, религия дает свой уровень понимания одиночества как важного модуса человеческого существования. Поэтому, раскрывая сущность феномена одиночества, невозможно пройти мимо религиозного восприятия этого явления. Во многих современных религиях одиночество – сильнейший мотивирующий фактор. Некоторые культуры регулярно санкционируют уединение для отдельных индивидов, особенно для священников, и такое санкционированное обществом уединение учит индивида переносить одиночество и в равной степени привлекает тех, кто стремится остаться один. Одиночество отнюдь не

редкость, не какой-то необычный случай, напротив, оно всегда было и остается главным и неизбежным испытанием в жизни человека. Его природа характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, это чрезвычайно гнетущее, безысходное, разрушающее личность чувство, с другой – это «минарет духа», переживающийся как необходимое средство раскрытия новых форм свободы, дающий человеку независимость и в отдельных случаях являющийся знаком аристократического достоинства, избранности и приподнятости над людьми.

Одиночество – частый «гость» пророков, реформаторов и критиков социальных порядков, особенно если они видят свои расхождения с основными культурными течениями, пытаются прийти к ценностям, забытым или отвергнутым широкой публикой. Оно является как бы ширмой, заслоняющей от повседневности и невозможности попыток построить свою жизнь по справедливости и искренности в человеческих отношениях, от невозможности сделать ее осмысленной и содержательной. В связи с этим уместно сказать о монашеском движении, которое в христианстве началось с IV в. Слово *монах* означает *один, одиночка*. Монахи предпочитали добровольное уединение и, принимая полную изоляцию от людей, стремились к духовному росту и удалению от мира. Одиночество расценивалось как механизм защиты от «порочного мира». Интересно отметить, что, говоря о связи роста и изоляции, представитель экзистенциальной психологии И. Ялом приводит определение О. Ранка, который считал, что процесс личностного роста индивида тесно связан с сепарацией, превращением в отдельное существо [1]. В связи с этим можно упомянуть Кьеркегора. Для него одиночество – это совершенно замкнутый мир внутреннего самосознания, мир, принципиально не размыкаемый никем, кроме Бога. Человек обречен на страдание и на одиночество, и он существует лишь для Бога, поскольку Бог существует для него. Бог отчуждает от мира, замыкает человека на самом себе. Кьеркегор считал, что единственное спасение от одиночества заключается в обретении веры. Религия, в свою очередь, рассматривается как средство, помогающее преодолеть его или, по крайней мере, гармонично сосуществовать с ним, надевая одиночество экзистенциальной коннотацией [2]. Согласно К. Р. Роджерсу, одиночество – это проявление слабой приспособляемости личности, а причина его – феноменологическое несоответствие представлений индивида о собственном «Я» [3]. Если разделить процесс возникновения одиночества на 3 этапа и схематически представить его, то получится следующая картина.

1) Общество влияет на человека, вынуждая его вести себя в соответствии с социально оправданными, ограничивающими свободу действия образцами.

2) Из-за этого возникают противоречия между внутренним истинным «Я» индивида и проявлениями его «Я» в отношениях с другими людьми, что приводит к потере смысла существования.

3) Индивид становится одиноким, когда, устранив охранительные барьеры на пути к собственному «Я», он тем не менее думает, что ему будет отказано в контакте со стороны других.

И здесь получается замкнутый круг: человек, веря в то, что его истинное «Я» отвергнуто другими, замыкается в своем одиночестве и, чтобы не быть отвергнутым, продолжает придерживаться своих социальных «фасадов», что приводит к опустошенности. Иными словами, в одиночестве проявляется несоответствие между действительным и идеализированным «Я». Но не только внешние обстоятельства делают человека одиноким. Заглянув в себя, как в «темную бездну», человек почувствует себя крайне одиноким и в ужасе отшатнется: именно из страха раздумий об одиночестве человек позволит занимать себя кому угодно и чем угодно, лишь бы снова не заглядывать в себя. Так, например, уход в церковь является своеобразной альтернативой одинокому образу жизни. Наверное, поэтому большинство одиноких людей верят в Бога. Человек творит своего Бога – существо, которое, как он думает, слышит все его молитвы, знает и даже «видит» все его дела и помышления. Действительно важным является то, что человек не должен быть покинут, оставлен один, что он не должен стать обособленным атомом сознания, обреченным на существование среди бескрайних просторов пространства и времени. Так, жизненно необходимое общение, в котором ему отказывало общество, нередко обреталось – как антитеза одиночества – в мире веры. Не может быть сомнения в том, что вера в Бога по-своему снимает чувство отчуждения, социальной неприютности и одиночества, намечает простор для обретения собственного «Я». В религии человек находит своеобразное спасение от одиночества и связь с другими людьми, общение в рамках религиозной общины. Это общение вполне реально и обычно выходит за чисто религиозные рамки, захватывая и другие стороны жизни людей. Происходит, таким образом, компенсация, восполнение недостающего общения.

Каким образом проявляется компенсаторная функция религии? Может ли она помочь в преодолении одиночества? Как известно, религия, в частности христианство, учит любви к ближнему. Предполагается, что любовь помогает преодолеть одиночество. Э. Фромм, в одной из своих блестящих работ «Искусство любви», также затрагивает вопрос о том, что должны представлять из себя человеческие взаимоотношения. Так же как и многие экзистенциалисты, Фромм считает экзистенциальную изоляцию причиной серьезного беспокойства человека. Рассматривая

то, как человечество в ходе своего развития преодолевало эту изоляцию, Фромм пишет, что ни творческая деятельность, ни оргиастические состояния, ни следования обычаям, ни верованиям группы не были достаточными для этого преодоления – они были «частичными ответами». «Полный ответ» – достижение единения с другим человеком в любви [4].

Можно согласиться, что, несмотря на то что отношения не могут уничтожить изоляцию, они помогают разделить одиночество с другими людьми и тогда «любовь компенсирует боль изоляции» [5]. И, говоря образно, ад не мучение, даже если это самый последний круг Дантова ада, ибо там в конце концов все переносится вместе с другими людьми. Ад – это обреченность на полное одиночество, на вечное сознание, бодрствующее во мраке вселенной, как одинокая монада, отражающая в своем страдающем сознании бессмысленность темноты. Это созвучно М. Буберу, который считал, что «великие отношения пробивают брешь в барьерах возвышенного уединения, смягчая его суровый закон и перебрасывая мост от одного самостоятельного существа к другому через пропасть страха вселенной» [6].

Л. Н. Толстой также пишет о любви, как о фундаменте взаимоотношений. Он считал, что связь смысла жизни, вернее, смыслоутраты и одиночества очевидна. Человек будет одинок до тех пор, пока он живет «безлюбой жизнью», пока он отъединен от других людей, пока он живет только для себя, без самоотдачи ближним. Другими словами, Л. Н. Толстой считает, что тогда, когда у человека появится «смысл в жизни, который заключается в служении ближним, когда человек понимает свое предназначение, тогда он не будет бесконечно одинок, он будет знать, что в конце тоннеля есть свет» [7].

Одним из самых тяжелых воплощений кризиса одиночества является кризис смыслоутраты. Цитируя Ф. Достоевского, скажем: «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить» [8]. Потеря смысла в жизни, утрата надежд, целей, стремлений, сопровождающиеся ощущением увядания души, летаргии лучших и счастливейших чувств, внутренней пустоты, пресыщения и тоски, приводят человека в тяжелейшее состояние, часто завершающееся гибелью его личности. Смысл жизни человека является реальной предпосылкой его духовного здоровья, а значит, определенным противовесом одиночеству.

Таким образом, одиночество, имея двойственную природу, может иметь как отрицательные, так и положительные аспекты. С одной стороны, это гнетущее чувство, с другой стороны, одиночество может выступать как механизм защиты индивида от насильственного воздействия социума.

Религия является источником сильнейших переживаний, компенсируя эмоциональную бедность обычной жизни и, прежде всего, недостаток чувства радости и счастья. Она приносит с собой чувство духовного обновления, покоя, радость преодоления внутреннего конфликта и выполняет компенсаторную функцию через восполнение недостатка общения, защищая, таким образом, от одиночества. Нет сомнения и в том, что религия и церковь, как ее воплощение, является своеобразным институтом социальной поддержки.

Примечания

1. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ Т. С. Драбкиной. М.: «Класс», 2000.
2. Кьеркегор С. Жизнь. Философия. Христианство / сост. и пер. с англ. И. Басс. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
3. Миускович Б. Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества (сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровский). М., 1989.
4. Фромм Э. Искусство любить: Исследование природы любви. М.: Педагогика, 1990. С. 23.
5. Ялом И. Указ. соч..
6. Гуревич П. С. Экзистенциализм Бубера // Квинтэссенция / под ред. В. И. Мудрагея. М., 1992.
7. Тихонов Г. М. Одиночество: стереотип и реальность. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2005. С. 40.
8. Там же. С. 41.

Notes

1. Yalom I. Ekzistencial'naya psihoterapiya [Existential psychotherapy] / transl. from English by T. S. and Drabkina. M. "Class". 2000.
2. Kierkegor S. Zhizn'. Filosofiya. Hristianstvo [Life. Philosophy. Christianity] / ed. and transl. from English by. I. Bass. SPb. Dmitry Bulanin. 2004.
3. Mijuskovic B. Oдиночество: mezhdisciplinarnyj podhod [Loneliness: an interdisciplinary approach] // Labirinty odinochestva - Labyrinth of solitude (comp., editorship and forew. N. E. Pokrovsky). M., 1989.
4. Fromm E. Iskusstvo lyubit': Issledovanie prirody lyubvi [Art of love: exploring the nature of love]. M. Longman. 1990. P. 23.
5. Yalom I. Op. cit.
6. Gurevich P. S. Ekzistencializm Bubera [Existentialism of Buber] // Kvintehssenciya - Quintessence / ed. by V. I. Mudragey. M. 1992.
7. Tikhonov G. M. Oдиночество: stereotip i real'nost' [Loneliness: stereotype and reality]. Izhevsk. Publishing house of ISTU. 2005. P. 40.
8. Ibid. P. 41.

Проблема распространения монашества в восточной части Римской империи в IV в. (в работах прот. Георгия Флоровского)

В работе на основе мнений различных групп исследователей, свидетельств источников рассматривается проблема распространения монашества на территории восточной части Римской империи в IV в. н. э. в условиях, когда христианство становится не только разрешенной, но и государственной религией. Особое внимание уделяется точке зрения русского историка и богослова Г. В. Флоровского. Он полагает, что с момента возникновения монашества христианская история разворачивается между двумя полюсами – Империей и Пустыней. Они являют собой два пути движения христианского общества.

In the work on the ground of different groups of researchers' opinions, evidences of sources the problem of monky expansion within the territory of Eastern part of the Roman Empire in the IVth century is kept under review. It was time when the Roman Empire became not only permitted, but state religion. Special attention is paid to the opinion of Russian historian and theologian G. V. Florovsky. He believes that with appearance of monky the history of Christianity is set between two poles – the Empire and the Desert. These are two ways of Christian society movement.

Ключевые слова: христианство, монашеское движение, IV в. н. э., русская философия, «Парижская школа русского богословия», Г. В. Флоровский, аскеза, «Империя и Пустыня», Византия.

Keywords: Christianity, monastic movement, IVth century, Russian philosophy, "Russian Theology School of Paris", G. V. Florovsky, ascetic, "the Empire and the Desert", Byzantine Empire.

IV в. – это важнейшая эпоха в истории христианства в Римской империи, это не только время изменения отношений римского государства к христианской церкви, но и время широкого распространения монашеского движения внутри самой христианской церкви.

Проблема возникновения христианского монашества, его отличия от дохристианского, основные этапы развития монашеского движения, его духовные основы неоднократно исследовались и не являются предметом исторических дискуссий. Однако в истории монашества есть некоторые моменты, вызывающие удивление и неоднозначную трактовку исследователей. Одним из таких моментов стала вторая половина IV в., время, когда в условиях легализации христианской религии и объявления ее не только «дозволенной», но и «государственной», начинается массовый уход многих христиан в пустыню или в уже образованные монастыри.

В чем причина быстрого распространения монашества именно во второй половине IV в., когда угроза гонений на христиан исчезла? Вопрос этот не простой. Часто в современных вузовских учебниках «История средних веков» (в частности, под. ред. проф. С. П. Карпова) в главах по истории христианской церкви он просто не разбирается. В соответствующих главах только констатируется появление и распространение монашеских общин в IV в. Между тем этот вопрос немаловажный, так как помогает понять особенности мировоззрения людей прошлых эпох, а это одна из ключевых задач историка.

Чаще всего ученые дают объяснения данного явления, исходя из их собственного понимания христианства. В первую группу исследователей можно отнести неправославных ученых XIX в., часть которых была близка к протестантизму (например, А. Гарнак, Г. Буасье, Э. Гиббон и др). Наиболее частым их объяснением является утверждение о том, что с момента провозглашения христианства государственной религией в него приходит большое количество вчерашних язычников, которые приносят с собой элементы языческого мировоззрения. Кроме того, язычники принимали христианство из желания сделать карьеру при императоре-христианине (Г. Буасье, Э. Гиббон). Та-

ким образом, происходит некая «порча», обмирщение церкви, утрата ею чистоты первоначального христианства. (Вероятно, именно эту чистоту в XVI в. и восстанавливают протестанты.) Естественной реакцией на эти процессы стало бегство части христиан из мира, в пустыню. «Люди убегали не только от мира. ...Люди убегали также от обмирщившейся Церкви» [1].

Похожую точку зрения можно встретить и у некоторых православных историков в их обобщающих трудах по истории церкви, например у отечественных историков XIX в. – начала XX в. Н. Тальберга и Е. Смирнова. «Ослабление строгости христианской жизни со вступлением в Церковь... язычников, которые и в христианстве заботились только о мирских интересах, побуждало ревнителей благочестия уходить из городов в пустыню, чтобы там, вдали от мирских волнений проводить жизнь в подвигах, самоотречении, молитве и размышлениях о Боге» [2].

Ко второй группе можно отнести светских историков (Г. М. Лифшиц, Р. Ю. Виппер, И. С. Свенцицкая В. П. Оргиши, А. Донини и др.). Рассматривая причину распространения монашества в IV в., они повторяют идею обмирщения церкви в результате прихода в нее большого числа язычников, но выдвигают еще и свою причину ухода в монашество – участие Церкви в делах светского государства. «Люди, стремившиеся воплотить идеалы христианства, отказывались “от мира”, становились отшельниками. Так в IV в. как своеобразная реакция на участие Церкви в мирских делах распространяется монашество» [3].

Таким образом, важнейшими причинами распространения монашества в IV в. первые две группы называют внешний фактор – массовый приход язычников общины и участие Церкви в делах государства.

К третьей группе можно отнести историков, большая часть которых принадлежит к православной традиции. Они высказывают несколько иную точку зрения на рассматриваемую проблему. Не отрицая факт прихода в IV в. в христианские общины большого числа язычников, эти авторы иначе объясняют процесс распространения монашества. Например, профессор А. И. Сидоров пишет, что причиной «пространственного ухода от мира... является стремление реализовать в человеческой жизни проявление иного царства – Царства Божия» [4]. А это «требует прежде всего отречения от начал прежней жизни или от всего, что выработал человек как обычную сферу и установку своей жизни во грехе» [5].

Итак, важнейшей причиной стремления к пустынножительству было не просто желание уйти от мира, а стремление прийти к иному миру, Божию, через отречение от старого мира. Более того, А. И. Сидоров сомневается в решающем влиянии внешних факторов на распространение монашества, так как «в христианской религии вообще и в монашестве в частности не внешнее определяет внутреннее, а, наоборот, внутреннее – внешнее» [6].

Не менее важную причину развития в IV в. монашеского движения называет исследователь А. Дворкин. «...Это не случайно, что монашество появилось в то время, когда завершились гонения и христианство стало модным. Монахи стали бескровными мучениками тогда, когда кровавое мученичество прекратилось. ...Монахи... напоминали христианам, что Царство Божие – не от мира сего» [7].

Таким образом, А. Дворкин подтверждает точку зрения А. И. Сидорова, что причиной распространения монашества было внутреннее стремление христиан к подвигу во имя Христа, но и подчеркивает, что этот подвиг стал невозможен с момента провозглашения христианства государственной религией. А. Дворкин пишет, что монашество служило противовесом официальной Церкви, но не в смысле ее «обмирщения», а как напоминание о невозможности построения Царства Божия на земле. «Это был не уход от жизни, а уход от суррогатов Царства Божия, предлагавшихся обществом. И чем благополучнее общество, тем больше суровых испытаний накладывали на себя монахи» [8].

Аналогичную точку зрения на рассматриваемую проблему высказывает исследователь В. Ф. Асмус. «Монашество было не просто протестом против обмирщения Церкви, против того, что церковное общество захватывалось в какой-то степени стихиями мира сего. Оно было, прежде всего, исканием Царства Божия и правды Божией. В монашестве, в вечном его идеале, очень силен эсхатологический момент, эсхатологическая направленность» [9].

Подтверждая точку зрения В. Ф. Асмуса, историк М. Э. Поснов характеризует монашество как «стремление к высшему пути служения Богу» [10].

Митрополит Илларион (Алфеев) связывает широкое распространение монашества в рассматриваемый период с деятельностью великих подвижников – Григория Богослова, Афанасия Великого, Василия Великого, Пахомия Великого, Евстафия Севастийского, Иллариона Великого и др. [11]

Итак, православные исследователи не согласны с точкой зрения двух предыдущих групп и объясняют причины массового развития монашеского движения в IV в. не столько внешними обстоятельствами, сколько внутренними причинами и побуждениями самих христиан – стремление к Царству Божию.

Однако все ученые пишут о «стремлении людей уйти от мира». Но что это означает? Исследователи первых двух групп понимают эту мысль дословно, как уход, бегство, а историки третьей группы объясняют ее иначе – не как бегство от мира, а как стремление к Богу.

В такой ситуации различия мнений необходимо обратиться к источникам, к свидетельствам самих подвижников, живших в то время и ушедших от мира. Их имена хорошо известны: это Григорий Богослов, Антоний Великий, Василий Великий, Макарий Великий.

Григорий Богослов: «...Меня объяла какая-то пламенная любовь к благу безмолвия и отшельничества, любителем которого я стал с самого начала. ...Ничто не казалось мне таким (прекрасным), как, замкнув чувства, став вне плоти и мира, собравшись внутрь себя, не касаясь ничего человеческого без крайней необходимости, беседуя с самим собой и с Богом, жить выше видимого и носить в себе всегда чистые божественные образы...» [12] Антоний Великий: «Кто хочет спастись, пусть не остается в доме своем и не живет в городе. Духовные отцы наши утверждают, что пустыня есть самое пригодное место для размышления о смерти и верное убежище от увлечения вещами мирскими, покоящими плоть» [13]. Василий Великий: «Итак, воин Христов... Предназначь себе жизнь бездомную, необщественную, нестяжательную. Сделайся независимым, отрешившись от всех мирских забот. ...Тогда-то и... перейдешь от смерти к вечной жизни... понесут Ангелы представить тебя Христу, и наречешься другом, и услышишь вожделеннейшую похвалу... Будешь ликовать вечным ликованием» [14]. Макарий Великий: «Кто стремится к Богу и действительно хочет стать последователем Христовым, тот должен следовать за Ним, стараясь перемениваться, стать лучшим и новым человеком, не удерживая в себе ничего свойственного ветхому человеку, – потому что сказано: “Кто во Христе, тот новое творение”» [15].

Итак, в этих текстах подвижников не говорится ни об обмирщении церкви, ни о приходе в нее язычников, ни об участии Церкви в делах государства. Все тексты показывают, что важнейшей причиной ухода людей в монашество было их стремление к Богу, желание стать Его истинным последователем, «новым человеком».

Находясь в рамках православной традиции, понимание проблемы распространения монашества в IV в. предлагает в своей небольшой работе «Христианство и Цивилизация» русский историк, богослов и философ Г. В. Флоровский. Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) был одним из выдающихся представителей «Парижской школы русского богословия». Работа была написана в 1959 г. и опубликована на русском языке в 2000 г. в сборнике «Избранные богословские статьи».

Г. Флоровский отмечает важность IV в. для истории Римской империи. Для римского общества – это период дисгармонии, «распада связи времен». Для Церкви – это новая эпоха, когда «заканчивается ее вынужденная изоляция и она принимает под свои священные воды ищущий спасения мир. Церковь была призвана помочь избавиться от отчаяния и смирить гордыню» [16]. Но IV в. – это также и время противостояния христианства и эллинизма, наиболее показательным и типичным проявлением которого были отношения между христианскими мыслителями Климентом Александрийским и Оригеном, с одной стороны, и римскими интеллектуалами Цельсом и Порфирием – с другой [17]. В этом противостоянии рождались новая цивилизация и новая культура.

Пытаясь определить роль и значение эллинского и христианского начала в новой культуре, историки характеризуют процесс ее рождения как «новый эллинизм», или как «острую эллинизацию библейского христианства, в котором потерялась вся новизна Откровения», или как «замаскированный эллинизм» [18]. Г. Флоровский понимает этот процесс как «обращение эллинского ума и сердца» [19]. Он считает, что в результате этого противостояния традиция эллинизма не была прервана, она сохранилась, но было вовлечена в процесс христианского перетолкования. Христианской традицией были восприняты и подвергнуты переоценке все основные составляющие культуры. «Живым символом достигнутого успеха навсегда останется великолепный храм... Св. Софии в Константинополе» [20].

IV в. был временем трагических противоречий. «Империя стала христианской, и возник шанс преобразовать всю человеческую творческую деятельность... и поддаться искушению историческим оптимизмом, мечтой осуществления Града Божия на земле. И многие соблазнились этой мечтой» [21]. Именно в это время распространяется монашеское движение, «бегство в пустыню».

Анализируя причины этого процесса, Г. Флоровский пишет, что «крайне несправедливо подозревать тех, кто оставлял “мир” в том, что они это делали из-за слишком больших мирских трудностей... в поисках легкой жизни. Непонятно, в каком смысле жизнь в пустыне могла бы считаться легкой. ...У нас есть все основания полагать, что они убегали не сколько от мирских тревог и трудностей, сколько от “мирских привязанностей и суетности”, проявляющихся даже в христианской цивилизации» [22]. В подтверждение своих слов Г. Флоровский приводит высказывание Св. Иоанна Златоуста (современника событий), который настойчиво предостерегает против

опасностей благосостояния. Св. Иоанн считает, что благосостояние и «безопасность представляют большую угрозу, чем все преследования... чем самое кровавое гонение, исходящее извне. ...Реальная опасность для подлинного благочестия возникла в результате внешней победы Церкви, когда христианин получил возможность устроиться в этом мире со значительной степенью комфорта и забыть о том, чтобы быть странником и пришельцем на земле. ...Значение монашества состоит не в принятии суровых обетов. ...Уход в монашество был, прежде всего, уходом от Империи (даже от христианской)... отказом от собственности, от владения этим миром» [23].

Уход в монашество «не требовал отрицания Космоса (Мироздания). И Богом созданная красота природы гораздо более живо воспринималась в пустыне, чем на рыночной площади делового города» [24]. «Только в пустыне можно было в полной мере реализовать всецело верность единому... Христу», – отмечает Г. Флоровский, подтверждая точку зрения таких исследователей, как А. И. Сидоров, митрополит Илларион Алфеев, А. Дворкин, В. Ф. Асмус, М. Э. Поснов и других историков, принадлежащих к православной традиции.

Итак, монашество – это не просто уход от мира, а прежде всего «переход в другую социальную плоскость, в иное измерение» [25]. С момента широкого распространения монашеского движения «христианская история разворачивается между двумя противоположными полюсами: Империей и Пустыней».

Далее Г. Флоровский характеризует эти два полюса. Он утверждает, что монашество никогда не носило антисоциального характера. Оно представляло собой попытку построить Иной Град. «Монах оставлял мир для того, чтобы строить новое общество, новую общинную жизнь. Не случайно монашество неизменно принимало форму общин, общежития. ...Эта организация предназначена для взаимной заботы и помощи, как проявления Любви» [26].

Монашество не отрицало культуру, более того, именно монашеству, по мнению Г. Флоровского, удалось в гораздо большей степени, чем Империи, «сохранить истинный идеал культуры в чистоте и свободе» [27], так как «духовное творчество черпает силы из глубин духовной жизни. ...Скалы, пустыни, пещеры становятся новыми центрами теургической мудрости» [28]. И поэтому совершенно не случайно именно монашество в период иконоборчества стало защитником искусства и «отстаивало свободу религиозного искусства от давления государства и от... утилитарного упрощенного подхода» [29].

Монастыри были не только крупными центрами учености и знания, но и само монашество, отмечает Г. Флоровский, было особым явлением культуры. Основа монашества – аскетизм, так как творческая свобода невозможна без начального самоотречения. Г. Флоровский подчеркивает, что аскеза не ограничивает творчество, а ставит его своей целью. Аскетическое отречение «высвобождает дух, освобождает душу» [30]. Аскеза – это «творческая работа над собой» [31], «выработка своего истинного Я. Человек созидает самого себя в полном посвящении Богу. Он становится самим собой только в этом творческом процессе». Суть аскезы не в запретах. «Истинный аскетизм вдохновляется не презрением, а стремлением к преобразованию. ...Благодаря аскетическим трудам изменяется и обновляется само видение мира» [32].

Как отмечает Г. Флоровский, такое соединение творчества и аскетизма может показаться неожиданным и странным. «С исторической точки зрения аскезы не ведет к творчеству. ...Однако благодаря аскетической практике открылось множество новых многообразных проблем культуры, была явлена новая иерархия ценностей и целей» [33]. «Христианские цели и ценности выйдут за пределы истории, так как человек был создан для того, чтобы наследовать вечность» [34]. Итак, монашество – это преобразование человеком самого себя.

Другой полюс – это Империя. Г. Флоровский не дает подробной характеристики этого полюса. Он отмечает, что Империя исторична и отождествляет ее с цивилизацией, хотя и не дает определения последней. Философ подчеркивает сложные отношения между Империей и Пустыней. Он пишет, что, «уже начиная с Юстиниана, Империя была озабочена тем, чтобы приручить монашество, включить его в общую политическую и социальную структуру» [35]. Обращаясь к известной метафоре Блаженного Августина о Двух Градах – Земном и Небесном, Г. Флоровский поясняет, что «даже в христианизированном граде... монашество было нечто вроде “антиграда”, оно всегда остается вне любой мирской системы. ...Монастыри никогда не растворяются полностью в имперском порядке жизни. ...Они жили по законам противоположным законам мира. ...Своей кульминации напряжение между Полюсами достигало в страшном взрыве ожесточения и ярости, которые сопровождали иконоборческие споры» [36].

Не проводя детального анализа отношений Империи и Пустыни, Г. Флоровский констатирует, что идея «воцерковления Империи потерпела крушение. Империя распалась на части в кровавых конфликтах. ...Пустыня имела больше успеха. Она навсегда останется свидетельством творческих усилий ранней Церкви, византийского богословия». Но наиболее ярко, по мнению

философа, различие этих путей проявилось в самом конце истории Византии. Империя пала после заключения «двусмысленной унии с Римом, которая никогда не была принята народом» [37] и не спасла Империю. В самый канун падения Империи Пустыня дает «славное цветение мистического созерцания на горе Афон и возрождение искусств и философии».

Таким образом, русский философ переосмысливает феномен монашества, получивший широкое распространение в IV в. на территории восточной части Римской империи, на территории будущей Византии. Для него монашество не только особый путь следования за Христом, как об этом писали многие православные историки церкви, но и особый путь развития христианства. Христианская Империя и Пустыня являются двумя парадигмами движения христианского общества. И если христианское государство возникает, живет и гибнет в истории, то монашеская парадигма выходит за рамки истории в вечность. «Это крушение Империи и исполнение Пустыни» [38].

Примечания

1. Гарнак А. Монашество. Его идеалы и его истоки СПб., 1906. С. 2.
2. Смирнов Е. И. История христианской Церкви. М., 2007. С. 400.
3. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1997. С. 181.
4. Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М.: Православный паломник, 1998. С. 118.
5. Там же. С. 118–119.
6. Там же. С. 118.
7. Дворкин А. Очерки истории Вселенской Православной Церкви. Н. Новгород: Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 2005. С. 169.
8. Там же. С. 170.
9. Асмус В. Ф. История Церкви: курс лекций. Лекция 6. URL: http://pstgu.ru/e_resources/ (дата обращения – 25.12.2014).
10. Поснов М. Э. История Христианской Церкви. Киев, 2007. С. 350.
11. Илларион (Алфеев) Церковь в истории. М.: Вече, 2013. С. 84–87.
12. Святитель Григ Богослов. Слова. Сл. 3. URL: <http://www.orthlib.info/> (дата обращения – 20.12.2014).
13. Антоний Великий. Устав отшельнической жизни 3. 5 // Добротолюбие. М.: Сибирская Благозвонница, 2010, Т. 1. С. 85.
14. Святитель Василий Великий Предначертавание подвижничества // Святитель Василий Великий. О подвижничестве. URL: <http://www.orthlib.info/> (дата обращения – 20.12.2014).
15. Наставления преподобного Макария Великого // Наставления Святых Отцов. URL: <http://www.orthlib.info/> (дата обращения – 20.12.2014).
16. Флоровский Г. В. Христианство и Цивилизация // Флоровский Г. В. Избранные богословские статьи. М.: Пробел, 2000. С. 218.
17. Там же. С. 218.
18. Там же. С. 218–219.
19. Там же. С. 219.
20. Там же. С. 219–220.
21. Там же. С. 221.
22. Там же. С. 221–222.
23. Там же. С. 221–222.
24. Там же. С. 222.
25. Там же. С. 223–224.
26. Там же. С. 226.
27. Там же. С. 223–224.
28. Там же. С. 224.
29. Там же. С. 224–225.
30. Там же. С. 225.
31. Там же. С. 225.
32. Там же. С. 226.
33. Там же. С. 226.
34. Там же. С. 225.
35. Там же. С. 222–223.
36. Там же. С. 223.
37. Там же. С. 227.
38. Там же. С. 227.

Notes

1. Harnack A. Monashestvo. Ego idealy i ego istoki [Monasticism. Its ideals and its origins] SPb. 1906. P. 2.
2. Smirnov E. I. Istoriya hristianskoj Cerkvi [History of the Christian Church]. M. 2007. P. 400.

3. Svetsitskaya I. S. Rannee hristianstvo: stranicy istorii [Early Christianity: pages of history]. M. Politizdat. 1997. P. 181.
4. Sidorov A. I. Drevnekhristsianskij asketizm i zarozhdenie monashestva [Early Christian asceticism and the emergence of monasticism]. M. Pravoslavny Palomnik. 1998. P. 118.
5. Ibid. Pp. 118-119.
6. Ibid. P. 118.
7. Dvorkin A. Oчерки istorii Vselenskoj Pravoslavnoj Cerkvi [Essays on the history of the Universal Orthodox Church]. N. Novgorod. Publishing house of the Brotherhood of St. Prince Alexander Nevsky. 2005. P. 169.
8. Ibid. P. 170.
9. Asmus V. F. Istoriya Cerkvi: kurs lekcij [History of the Church: a course of lectures]. Lecture 6. Available at: http://pstgu.ru/e_resources/ (accessed – 25.12.2014).
10. Posnov M. E. Istoriya Hristianskoj Cerkvi [History of the Christian Church]. Kiev. 2007. P.350.
11. Hilarion (Alfeyev) Cerkov' v istorii [Church in history]. M. Veche. 2013. Pp. 84-87.
12. The Saint Grieg Theologian. Words. Word 3. Available at: <http://www.orthlib.info/> (date of access 20.12.2014). (in Russ.)
13. Anthony The Great. Ustav otshel'nicheskoj zhizni 3. 5 [Charter of hermit life 3. 5] // Dobrotolyubie - Philokalia. M. Siberian Blagozvonnitsa. 2010. Vol. 1. P. 85.
14. St. Basil the Great Prednachertanie podvizhnichestva [Destiny of asceticism] // St. Basil the Great. O podvizhnichestve - About asceticism. Available at: <http://www.orthlib.info/> (date of access 20.12.2014).
15. The instructions of the venerable Macarius the Great // Teachings of the Holy Fathers. Available at: <http://www.orthlib.info/> (date of access 20.12.2014).
16. G. V. Florovsky Hristianstvo i Civilizaciya [Christianity and Civilization] // G. V. Florovsky Selected theological articles. M. Space. 2000. P. 218.
17. Ibid. P. 218.
18. Ibid. Pp. 218-219.
19. Ibid. P. 219.
20. Ibid. P. 219-220.
21. Ibid. P. 221.
22. Ibid. Pp. 221-222.
23. Ibid. Pp. 221-222.
24. Ibid. P. 222.
25. Ibid. Pp. 223-224.
26. Ibid. P. 226.
27. Ibid. Pp. 223-224.
28. Ibid. P. 224.
29. Ibid. Pp. 224-225.
30. Ibid. P. 225.
31. Ibid. P. 225.
32. Ibid. P. 226.
33. Ibid. P. 226.
34. Ibid. P.225.
35. Ibid. Pp. 222-223.
36. Ibid. P. 223.
37. Ibid. P. 227.
38. Ibid. P. 227

УДК 94(100)"18/19"(=1.73)(=581)(=521)

К. А. Мозгина

Социокультурный контекст китайской и японской иммиграции в США в конце XIX – начале XX в.

Статья содержит сравнительный анализ образов китайской и японской иммиграции в США до запретительного акта 1924 г. В частности, исследуются особенности американских представлений об азиатских диаспорах, изучаются объективные и субъективные факторы, влиявшие на законодательную политику Конгресса. Работа включает исследование общественного мнения американцев в отношении приезжающих из Азии, разрабатываются аспекты, являющиеся источниками негативных представлений о китайцах и японцах у коренных жителей Соединенных Штатов. Сравнительный анализ проводится по следующим критериям: историческому, географическому, демографическому, хронологическому, экономическому,

культурному и социальному. В тексте работы рассматриваются две основные проблемы: почему на протяжении нескольких десятилетий законодательные меры Конгресса по решению иммиграционной проблемы являлись противоречивыми и вследствие чего в американском сознании зародились парадоксальные представления о японцах и китайцах как едином целом и одновременно как об отличающихся друг от друга, требующих разных подходов народах? Работа доказывает тезис о том, что страх потери уникальной американской идентичности под воздействием «желтой угрозы» обусловил в целом резко негативное отношение к китайской и японской диаспорам на территории США.

The article contains a comparative analysis of images of Chinese and Japanese immigrants to the USA before the Exclusion Act of 1924. In particular, special features of American representations of Asian Diasporas are investigated. Besides, the objective and subjective factors which influenced legislative policy of Congress are studied. The paper includes research of American public opinion towards those coming from Asia. Moreover, the aspects revealed a negative image of Chinese and Japanese in mind of Americans are dwelled on. Comparative analysis was made according to certain criteria as: historical, geographical, demographical, chronological, economical, cultural and social. In the text of the paper two main problems are put into consideration: why were the legislative measures of Congress in relation to the Asian problem contradictory; and what was the reason for those paradoxical representations towards Chinese and Japanese in American minds? The research proves a thesis that the fear of losing special American identity under the influence of "yellow peril" caused general negative attitude to Chinese and Japanese Diasporas on the territory of the USA.

Ключевые слова: «Восточное исключение», китайская иммиграция в США, японская иммиграция в США, монголы, Конгресс, Сенат, ограничительная иммиграционная политика, «золотая лихорадка», Джентльменское соглашение, Вансяский договор, Канагавский договор, Иммиграционный акт 1924 г., ментальность, общественное сознание, идентичность.

Keywords: "Oriental exclusion", Chinese and Japanese immigration to the USA, Civil War, Mongols, Congress, Senate, restriction immigration policy, "Golden rush", "Gentleman's agreement", Treaty of Wanghia, Convention of Kanagawa, Immigration Act of 1924, mentality, public consciousness, identity.

Ограничение азиатской иммиграции стало ключевым вопросом для США рубежа XIX–XX вв. «Восточная» проблема постепенно переросла локальный и вышла на национальный уровень, став предметом серьезных дискуссий в Конгрессе, прессе и снискав живой интерес коренных граждан. Под «желтой опасностью» понимали выходцев из Китая и Японии, так как количественно они являлись бесспорными лидерами среди представителей других азиатских народов, прибывавших в Америку. Общественное мнение рисовало преимущественно негативный образ восточного иноземца, не делая принципиальных различий между иммигрировавшими в США «монголами» [1]. Правительство, в свою очередь, считало долгом избавить коренное население Соединенных Штатов от нежелательных элементов посредством серии ограничительных иммиграционных актов, целью которых являлось введение количественного и качественного ценза для азиатов, желавших жить на одной земле с американцами. Упомянутые законодательные меры, по оценкам современников, были довольно эффективными. Так, после утверждения акта 1882 г., запрещавшего въезд в США всем категориям трудоспособных китайцев на период десяти лет, по данным переписей населения, значительно (более чем в полтора раза) снизился их приток в Америку [2]. Кроме того, закон вводил строгую процедуру проверки для иммигрантов из Поднебесной и на официальном уровне закрепил отсутствие у них права претендовать на паспорт гражданина США [3]. В дополнение к вышеизложенному американско-японское Джентльменское соглашение 1907 г. пресекло иммиграцию рабочих из Страны восходящего солнца на территорию Штатов [4].

Кульминацией антиазиатской политики стал закон 1924 г., который фактически прекратил иммиграцию в США из стран Востока посредством введения численных квот и создания системы, сделавшей американское гражданство недоступным для азиатов [5]. В связи с этим интересными для исследования представляются вопросы о том, почему на протяжении нескольких десятилетий законодательные меры Конгресса носили противоречивый характер? Вследствие чего в американском сознании зародились парадоксальные представления о японцах и китайцах как едином целом – «монголах» и одновременно как об отличающихся друг от друга, требующих разных подходов народах? Отечественная и зарубежная историография не дает ответов на поставленные выше вопросы, что делает их актуальными для изучения. В поисках причин противоречивости американских представлений о китайских и японских иммигрантах обратимся к рассмотрению объективных и субъективных (с точки зрения коренных граждан США) сходств и различий между ними.

Исторически официальные дипломатические отношения Соединенных Штатов с Китаем начались на десятилетие раньше, нежели чем с Японией. Середина XIX в. для Америки проходила под лозунгом «открытия» Востока. Именно в это время были подписаны первые неравноправные договоры с Китаем и Японией. Вансяский договор 1844 г. имел целью навязать Китаю псевдо-

взаимовыгодное сотрудничество в экономической сфере, но, что важнее, провозгласил «вечный, всеобщий мир и искреннее, сердечное согласие» между двумя государствами [6]. В свою очередь, сходный по тону Канагавский договор 1854 г. (с Японией) устанавливал отношения «мира и дружбы» с США [7]. В связи с этим следует отметить, что формирование законодательной базы для американо-азиатского сотрудничества в совокупности с благоприятными экономическими условиями в Соединенных Штатах привели к началу и постепенному расширению иммиграционных потоков из Китая и Японии в Америку.

Хронологически период китайского доминирования в сфере иммиграции на территорию США приходится на 1853–1882 гг., в то время как пиком японского иммиграционного интереса к Америке являются 1901–1924 гг. [8] Несмотря на очевидное отсутствие пересечения двух потоков, они находили точки соприкосновения в рамках диаспор, сложившихся в Соединенных Штатах к началу XX в. Отчасти этот факт объясняет противоречивость взглядов на выходцев с Востока в США. Кроме того, с течением времени китайцы и японцы воспринимались американским сознанием все больше как нечто единое из-за сходства ареалов проживания приезжих азиатов. Так, их основными жилыми зонами были Калифорния и Гавайи [9]. Отличительной чертой являлся лишь тот факт, что первые также расселялись в Нью-Йорке, а последние предпочитали Вашингтон.

Противоречивые тенденции можно отметить также и в сфере демографии приезжавших из Азии. Данные переписей населения США, приводимые профессором Р. Д. Маккензи в приложении к своей работе «Восточное исключение» [10], свидетельствуют о постоянном прогрессирующем росте числа китайских иммигрантов с 1860-х до 1890-х гг. Так, цифра за этот период возросла с 34 до 107 тыс., а после запретительного акта 1882 г. наметилась тенденция к ее постепенному снижению. Иная ситуация наблюдается при анализе чисел, касающихся японской иммиграции в США. Сколько-нибудь значимое количество приезжих оттуда фиксируется лишь с 1901 г., утраиваясь к 1910 г. В 1920 г. сообщается о 111 тыс. японцев на территории Соединенных Штатов. Однако сравнение общего количества иммигрантов из Поднебесной и Страны восходящего солнца за период 1860–1920 гг. (включая статистические данные о штате Гавайи) обнаруживает интересный факт наличия довольно небольшой разницы (в 1,3 раза), что помогает объяснить тенденцию одинаково серьезного отношения к вопросам китайской и японской иммиграции в сознании коренных американцев.

Сопоставительный анализ целей въезда в США дает также неоднозначные результаты. С одной стороны, первые японцы, направлявшиеся в Америку, лелеяли надежду на получение заработка, так как в конце 1870-х гг. Страна восходящего солнца переживала острый экономический кризис [11]. Инфляция, вызванная ростом военных расходов, снижение цен на сельскохозяйственные продукты заставили мелких независимых владельцев земли и крестьян-арендаторов искать источники дохода вне страны, в то время как эмиграция состоятельных японцев в конце XIX в. имела иные причины. Как отмечает Й. Такаmine, выезд из страны диктовался преимущественно двумя факторами: нехваткой денежных средств и желанием получить достойное образование [12] (либо их комбинацией). Об успешности японцев в сфере образования свидетельствует яркое высказывание Д. Старра: «...японская нация была объектом пристального интереса образованных американцев... эта симпатия не угасала благодаря влиянию японских студентов в Америке...» [13] Кроме того, интересно в этой связи также замечание Ч. Х. Роуэла о том, что «многие из них (японцев) посещают университеты и школы, чтобы обеспечить себя первоклассным американским образованием. Эти студенты часто работают во внеучебное время в качестве прислуги в американских семьях, частично, чтобы поддержать себя и, отчасти, чтобы дополнить свое американское академическое образование американским домашним» [14]. При этом анализ источников показывает, что коренные граждане США ставили обе вышеупомянутые цели в один ряд. Довольно сложной представляется задача определения доминирующего фактора, двигавшего японскими иммигрантами. Чаще всего присутствовало комплексное желание получить образование и поправить свое экономическое положение одновременно.

С другой стороны, основной ориентир для китайских иммигрантов в США определяется с относительной легкостью. Первая значительная волна выходцев из Поднебесной устремилась на территорию Америки после 1949 г., привлеченная «золотой лихорадкой» в Калифорнии [15]. После окончания гражданской войны в Соединенных Штатах и ввиду необходимости завершения строительства первой трансконтинентальной железной дороги Центральной тихоокеанской компании, американский рынок труда нуждался в большом количестве рабочих. Принимая во внимание готовность китайцев работать за плату в два раза меньшую, чем та, за которую соглашались трудиться американцы, работодатели и государственные деятели США были заинтересованы в поощрении притока столь «ценной» рабочей силы в страну. Американские источники не отражают массовой склонности китайцев к получению столь ценного для японских иммигрантов образования. В речи

Ф. Б. Гаррисона перед Сенатом находится лишь упоминание о широком слое неработающих выходцев из Китая, ведущих преступный образ жизни для выживания [16]. Кроме того, он отмечает, что некоторые представители Поднебесной, вероятно, въехали в США для организации криминального бизнеса: торговли наркотиками, проституцией, а также создания нелегальной игровой системы, что свидетельствует о достаточной осведомленности американцев о быте и досуге азиатских диаспор. В связи с этим актуализируется вопрос о восприятии общественным сознанием США образов жизни китайцев и японцев на территории американского государства.

Одним из критериев успешного встраивания в новый для азиатов социум служило трудоустройство. По данным комиссара Бюро трудовой статистики Дж. С. Иноса, выходцы из Китая преуспели в обувной, сигарной и строительной сферах, а также в сельскохозяйственном секторе, тяжелой индустрии и сфере обслуживания [17]. Они становились прислугой, поварами, работниками прачечных, фермерами, каменщиками, шахтерами, обувщиками, изготавливали сигары и украшения, вытесняя коренных американцев из соответствующих сфер. Приезжие японцы, в свою очередь, успешно конкурировали с соседями из Поднебесной в ключевых областях производства, считавшихся в то время преимущественно «азиатскими»: сфере услуг и сельском хозяйстве. Их короткие ноги и способность долго сидеть на согнутых коленях, столь полезная в процессе сбора урожая, сделала их практически незаменимыми при работе с сахарной свеклой и виноградом [18].

Со временем в американском сознании сложились довольно четкие представления о трудовой пользе китайцев и японцев для определенных сфер деятельности. В этом отношении представляется любопытной статья Ч. Х. Роуэла, ярко отражающая принципиальные аспекты предубеждений в отношении труда упомянутых этнических групп. Автор сообщает о том, что японцы являются менее терпеливыми, но более быстрыми, любезными и сообразительными работниками, чем китайцы [19]. Однако выходцы из Поднебесной выказывают поразительную дисциплинированность, проявляющуюся в осознании необходимости выполнения всех условий трудового контракта, которым при любой удобной возможности японец сможет легко пренебречь [20]. Как отмечает Ч. Х. Роуэл, те же «законы» действуют и в сфере услуг. Лингвистический анализ текста статьи показал, что американцев пугала непокорность и непредсказуемость японцев, вследствие чего именно китайцев считали «идеальными» служащими для дома. Доказательством тому может служить также следующая характеристика выходцев из Страны восходящего солнца: «...японская чувствительность имеет неизменную тенденцию превращать малейшие провокации в международные вопросы» [21]; в то время как прислугу с китайским происхождением называли «более профессиональной, способной сделать работу перманентным делом» [22]. Несмотря на это, в сфере сельского хозяйства американское сознание питало негативное отношение к обоим вышеупомянутым этносам. Так, по данным Фермерского образовательного кооперативного союза Америки, азиатские иммигранты, трудившиеся в сельском хозяйстве, оказывали неблагоприятное влияние на упомянутую сферу [23], халатно относились к работе, оскверняя благодатную почву США [24].

Очевидным представляется тот факт, что азиатские иммигранты не отдавали все свое время работе. Как упоминалось выше, многие японцы предпочитали посещать вечерние школы и занятия в университетах для получения достойного образования и саморазвития. В источниках американского происхождения содержатся сходные упоминания о досуге китайских и японских иммигрантов. Так, например, одним из любимых занятий бывших подданных Поднебесной были азартные игры, в том числе организация лотерей [25]. Отмечается, что многим японцам нравилось принимать участие в этих мероприятиях, однако они часто проигрывали и оставляли там большие суммы денег. Игровые дома китайцев напоминали неприступные крепости с лабиринтами комнат внутри [26]. Также среди прочих популярных видов отдыха отмечается пристрастие китайских иммигрантов к курению опиума [27], что нехарактерно для выходцев из Японии, которые были завсегдатаями бильярдных. В целом тон документов обнаруживает большую симпатию к досуговым формам японцев, нежели китайцев в американском сознании, на что, несомненно, повлиял страх распространения опиумной зависимости среди коренных граждан США.

В источниках обнаруживается довольно противоречивый моральный портрет иммигрантов из Японии и Китая. Перманентной характеристикой американских представлений является отсутствие у азиатов принципов, свято уважаемых в США (христианство, свобода, патриотизм). Основным различием двух этносов выступает их отношение к контракту в широком смысле слова [28]. Любопытно, что неспособность строго следовать условиям договоренностей, предстает единственным принципиальным недостатком японской морали, выставляемой в выигрышном свете по сравнению с китайской. Показательно, что главной сильной стороной выходцев из Поднебесной в сознании американцев предстает умение безукоризненно соблюдать контракт. Данные представления вызвали к жизни довольно интересный парадокс: китайцы были признаны неассимилируемыми, то есть неспособными встроиться в американскую жизнь, постигнуть обычаи и ценности

коренных граждан [29]; а обладающие такими качествами японцы, в свою очередь, были поставлены перед фактом нежелания американцев ассимилироваться с ними. Несмотря на это, глубоко укоренившийся в общественном сознании дух нэйтивизма в совокупности со страхом потери уникальной американской идентичности под воздействием «желтой угрозы» обусловили в целом резко негативное отношение к китайской и японской диаспорам на территории США.

Таким образом, представления об азиатских иммигрантах в общественном мнении Соединенных Штатов, активно формировавшиеся на протяжении нескольких десятилетий рубежа XIX–XX вв., носили противоречивый характер. С одной стороны, приезжие китайцы и японцы воспринимались американцами как единое этническое образование, что обуславливалось общностью расселения приезжих в США азиатов и сходством их культур, ментальностей, а также экономического положения. С другой стороны, законодательные меры Конгресса, отражавшие общественное мнение граждан Америки, можно четко разделить на два направления: антикитайское и антияпонское, что объясняется различиями в демографической, бытовой и социальной сферах жизни азиатских иммигрантов, а также хронологией их прибытия в США. Вышеописанные факторы способствовали складыванию в американском сознании специфических, построенных на контрастах относительно друг друга образов выходцев из Поднебесной и Страны восходящего солнца.

Примечания

1. Roberts, W. K. *The Mongolian Problem in America*. San Francisco, 1906. P. 45.
2. McKenzie, R. D. *Oriental Exclusion*. N. Y.: American Group of Pacific Relations, 1927. P. 183.
3. Chinese Exclusion Act 1882 // U. S. Statutes at Large, 188. Vol. XXII. 58 p.
4. Daniels, R. *American Immigration: a student companion*. N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 167.
5. McKenzie, R. D. *Op. cit.* P. 196–200.
6. Treaty of Peace, Amity, and Commerce, Between the United States of America and the Chinese Empire 1844 // Harvard University Library, 1952. P. 3.
7. Гримм Э. Д. Сборник документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. М., 1927. С. 50–51.
8. McKenzie, R. D. *Op. cit.* P. 186.
9. Gompers, S., Gutstadt H. Meat vs. Rice: American Manhood against Asiatic Coolieism. San Francisco: Asiatic Exclusion League, 1908. 34 p.
10. McKenzie, R. D. *Op. cit.* P. 183.
11. Савельев И. П. Японцы за океаном. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. С. 34.
12. Takamine, J. *The Japanese in America // Japan and Japanese-American Relations (Classic Reprint)* by Blakeslee, G. H. N. Y.: Forgotten Books, 2012. P. 22.
13. Blakeslee, G. H. *Japan and Japanese-American Relations (Classic Reprint)*. N. Y.: Forgotten Books, 2012. P. 10.
14. Rowell, C. H. Chinese and Japanese Immigrants – A Comparison // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Sage Publications, Inc., 1909. P. 8.
15. McKenzie, R. D. *Op. cit.* P. 25.
16. Speech of Hon. Frank B. Gary of South Carolina in the Senate of the United States // *The Immigration Commission and the Immigration Problem*. Washington, 1909. P. 14.
17. Gompers, S., Gutstadt H. *Op. cit.* P. 11–12.
18. Rowell, C. H. *Op. cit.* P. 5.
19. *Ibid.* P. 5.
20. *Ibid.* P. 8.
21. *Ibid.* P. 9.
22. *Ibid.* P. 8.
23. Speech of Hon. Frank B. Gary of South Carolina in the Senate of the United States. P. 8.
24. Gompers, S., Gutstadt H. *Op. cit.* P. 22.
25. Rowell, C. H. *Op. cit.* P. 6.
26. *Ibid.* P. 7.
27. Gompers, S., Gutstadt H. *Op. cit.* P. 18–19.
28. Rowell, C. H. *Op. cit.* P. 5.
29. McKenzie, R. D. *Op. cit.* P. 15.

Notes

1. Roberts, W. K. *The Mongolian Problem in America*. San Francisco, 1906. P. 45.
2. McKenzie, R. D. *Oriental Exclusion*. N. Y.: American Group of Pacific Relations, 1927. P. 183.
3. Chinese Exclusion Act 1882 // U. S. Statutes at Large, 188. Vol. XXII. 58 p.
4. Daniels R. *American Immigration: a student companion*. N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 167.
5. McKenzie, R. D. *Op. cit.* Pp. 196-200.
6. Treaty of Peace, Amity, and Commerce, Between the United States of America and the Chinese Empire 1844 // Harvard University Library. 1952. P. 3.
7. Grimm E. D. *Sbornik dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dal'nem Vostoke* [Collection of documents on the history of international relations in the far East]. М. 1927. Pp. 50 – 51.

8. McKenzie R. D. Op. cit. P. 186.
9. Gompers S., H. Gutstadt Meat vs. Rice: American Manhood against Asiatic Coolieism. San Francisco: Asiatic Exclusion League. 1908. 34 p.
10. McKenzie R. D. Op. cit. P. 183.
11. Savelyev I. R. *Yaponcy za okeanom* [The Japanese overseas]. SPb. Centre "The Petersburg Oriental Studies". 1997. P. 34.
12. Takamine, J. The Japanese in America // Japan and Japanese- American Relations (Classic Reprint) by Blakeslee G. H. N. Y. Forgotten Books. 2012. P. 22.
13. Blakeslee G. H. Japan and Japanese- American Relations (Classic Reprint). N. Y. Forgotten Books. 2012. P. 10.
14. Rowell C. H. Chinese and Japanese Immigrants – A Comparison // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Sage Publications, Inc. 1909. P. 8.
15. McKenzie R. D. Op. cit. P. 25.
16. Speech of the Hon. Frank B. Gary of South Carolina in the Senate of the United States // The Immigration Commission and the Immigration Problem. Washington, 1909. P. 14.
17. Gompers S., H. Gutstadt Op. cit. Pp. 11-12.
18. Rowell C. H. Op. cit. P. 5.
19. Ibid. P. 5.
20. Ibid. P. 8.
21. Ibid. P. 9.
22. Ibid. P. 8.
23. Speech of the Hon. Frank B. Gary of South Carolina in the Senate of the United States. P. 8.
24. Gompers S., H. Gutstadt Op. cit. P. 22.
25. Rowell C. H. Op. cit. P. 6.
26. Ibid. P. 7.
27. Gompers S., H. Gutstadt Op. cit. Pp. 18-19.
28. Rowell C. H. Op. cit. P. 5.
29. McKenzie R. D. Op. cit. P. 15.

УДК 94(38).08

А. А. Абакумов

Боевые слоны Античности: к вопросу о видовой принадлежности

Статья посвящена давно обсуждаемой проблеме таксономической принадлежности африканских слонов, использовавшихся в армиях Карфагена и птолемеевского Египта в Античности, и, в частности, возможности одомашнивания африканского саваннового слона (*L. a. africana*). Автор останавливается прежде всего на малоизвестных или новых версиях – в т. ч. на теории П. Дераниягалы о том, что эти слоны могли относиться к ныне вымершему самостоятельному виду (*L. a. pharaohensis*), и результатах генетических исследований слонов в Гаш-Барка (Эритрея), проведённых международной биологической экспедицией и опубликованных в 2014 г. К сожалению, ни одна из этих версий (хотя, безусловно, интересных и заслуживающих внимания) не содержит достаточно убедительных аргументов, чтобы поставить точку в этой дискуссии.

The present paper is devoted to the long-discussed problem on taxonomic identification of African war elephants used by the Carthaginians and the Ptolemies in Antiquity – mainly the problem of domestication of the African savannah elephant (*L. a. africana*). The author touches some lesser-known or quite new versions and theories such as Dr. P. E. P. Deraniyagala's *L. a. pharaohensis* version (supposing some extinct elephant race to be most suitable for military use) or results of elephant Genetic research made in Gash-Barka (Eritrea) and published in 2014. Pitifully both these versions – albeit quite interesting – can't be considered as convincing enough to close this discussion.

Ключевые слова: боевые слоны, Карфаген, птолемеевский Египет, *L. a. africana*, *L. a. cyclotis*, *L. a. pharaohensis*, Гаш-Барка.

Keywords: war elephants, Carthage, Ptolemaic Egypt, *L. a. africana*, *L. a. cyclotis*, *L. a. pharaohensis*, Gash-Barka.

В IV–I вв. до н. э. в армиях ряда античных государств, не исключая и Римскую республику, использовались боевые слоны – «танки древности», как их часто (хотя и неточно) называют. Это были как азиатские слоны (*Elephas maximus*), так и африканские (*Loxodonta africana*). Последних современная наука относит к двум разным видам – саванновый слон (*L. a. africana*) и лесной слон (*L. a. cyclotis*) [1]. Ранее они считались не самостоятельными видами, а подвидами африканского

слона. Морфологически лесные слоны (ныне сохранившиеся только в некоторых областях Западной Африки) отличаются от саванновых, населяющих Восточную и Южную Африку, прежде всего меньшими размерами, формой ушей и бивней.

В литературе бытует мнение, что, если африканского слона – в отличие от азиатского – и можно приручить, это относится в первую очередь к лесному виду. Именно с этими животными экспериментировали бельгийцы в начале XX в., когда дрессировали их и использовали в работе (знаменитые «слоны короля Леопольда» в лагере Апи в Конго [2]). Именно их, как продолжает считать значительное число специалистов, приручали и в Античности. Что касается саванновых слонов, мнение об их непригодности для использования в военных целях было высказано ещё в 1948 г. английским учёным У. Гоуэрсом: ссылаясь на опыт их содержания в зоопарках, он указывал на то, что в зрелом возрасте животные становятся слишком агрессивными и неуправляемыми [3].

Эта точка зрения получила достаточно широкую популярность и признание: так, на неё ссылается в своей специальной монографии о доместикации животных Ф. Цойнер [4]. Однако выдвигалась и альтернативная версия, согласно которой саваннового слона не приручали исключительно за ненадобностью. В Африке не было традиции использовать слонов в работе, аборигены просто охотились на них ради бивней. Греки привнесли сюда из Индии лишь один аспект их применения (на войне), а он окончательно утратил актуальность после завоевания птолемеевского Египта Римом [5]. Можно отметить склонность иных исследователей к широкому обобщению: говоря о принципиальной возможности приручить африканского слона, они обычно не оговаривают его вид и подразумевают лесного, так как здесь можно сослаться на бельгийский опыт [6]. Вместе с тем в массовом сознании африканский слон – именно огромное животное из восточных саванн.

В принципе, как оказалось, саваннового слона действительно можно научить, как минимум, не бояться людей и терпеть их. Любопытный эксперимент был начат неким Рэндаллом Муром в конце 1980-х гг. [7]: нескольких животных из зоосадов вернули в дикую природу и стали катать на них туристов (лагерь Абу в Ботсване [8]). Но ответа на вопрос, поддаются ли саванновые слоны специальной дрессировке для использования на войне, этот эксперимент не даёт – в нём участвует слишком мало животных и людей, а условия максимально приближены к естественным. Хотя, разумеется, в его задачу это и не входит.

К тому же главная проблема, касающаяся африканских слонов, остаётся прежней. Во-первых, как указывают сразу несколько античных авторов, боевые животные были не больше азиатских (как саванновые слоны), а, напротив, меньше, слабее и пугливее их (Polyb. V. 84. 5–6; Plin. NH. VIII. 27; App. Syr. 31; Phil. Apoll. II. 12; Strab. XV. 1. 43 и др.). Во-вторых, на античных изображениях (монетах, рельефах и пр.) слоны в сравнении с людьми опять-таки выглядят небольшими. Это можно считать как художественной условностью, так и подтверждением письменных свидетельств.

Споры о том, как увязать античные данные о слонах с современными, идут уже больше ста лет [9]. В настоящее время в историографии продолжает доминировать (с теми или иными оговорками) теория вышеупомянутого У. Гоуэрса, заключающаяся в том, что египтяне и карфагеняне использовали в военных целях лесных слонов (действительно меньших по размерам, чем азиатские); в те времена ареал их обитания был гораздо шире и охватывал как Северную Африку, так и побережье Красного моря. Её придерживался и Г. Скаллард – автор классической монографии о слоне в греко-римском мире. По его словам, после выхода статьи У. Гоуэрса в *African Affairs* ведущий британский антиковед У. Тарн, который ранее оспаривал свидетельство Полибия, в частной переписке поздравил автора с «успешной реабилитацией» последнего [10]. Так, значительное число исследователей армии Карфагена в настоящее время относит пунийских слонов именно к этому виду [11].

Но если касательно карфагенских слонов в литературе достигнуто относительное единодушие, куда менее очевидно, каких животных ловили Птолеми. Так, Р. Сукумар вполне допускает присутствие лесных слонов в Античности на севере Африки (куда они могли мигрировать из нынешних мест обитания по атлантическому побережью и где впоследствии вымерли), но сомневается, что они добрались и до востока; следовательно, птолемеевские и карфагенские слоны относились к разным видам [12]. Особое место занимает позиция, озвученная, в частности, американским историком М. Тэйлором: боевые слоны (как карфагенские, так и египетские) могли относиться не к *L. a. cyclotis*, а к другой разновидности африканского слона – *L. a. pharaohensis*, давно вымершей [13].

Эта разновидность была описана зоологом из Шри-Ланки П. Дераниягалой в 1948 г. по нескольким палеонтологическим находкам (череп, нижняя челюсть, фрагмент бивня) и сохранившимся изображениям в Египте – отсюда и латинское название. Он реконструировал его как животное «средних размеров» (т. е., надо полагать, меньше саваннового) с недоразвитыми бивнями – короткими и тонкими, которые у некоторых особей могли просто отсутствовать. Ранее эти

слоны водились в Северной Африке между тропиком Рака и Средиземным морем, но почти везде были истреблены ещё в доисторическую эпоху и в Античности сохранялись только у Атласских гор. Там этих слонов и ловили карфагеняне – но не Птолемеи, так как среди прочего их охотничьи угодья находились гораздо южнее тропика Рака. Тем самым как некое «универсальное» боевое животное, общее и для Карфагена, и для Египта, *L. a. pharaohensis*, как считал Дераниягала, рассматриваться не может [14]. По другой версии, эти слоны в эпоху Античности продолжали обитать не только на севере, но и на северо-востоке Африканского континента (причём ареал был шире предложенного Дераниягалой), а значит, их могли использовать и Птолемеи [15].

Сам Дераниягала (по крайней мере, первоначально) определял «фараонова слона» просто как «вымершую расу» (an extinct race) африканского и никак не сравнивал его с ныне живущими – ни с лесным, ни с саванновым. До сих пор среди зоологов нет единого мнения относительно его таксономической принадлежности: одни считают *L. a. pharaohensis* разновидностью лесного слона [16], другие – саваннового [17], третьи (видимо, вслед за первооткрывателем) допускают его выделение в самостоятельный вид [18]. В первом случае, как представляется, дискуссия просто теряет смысл: если считать *L. a. pharaohensis* северным/северо-восточным подвидом *L. a. cyclotis* (принципиальная разница – размеры и форма бивней: длинных и почти прямых у последних и коротких и загнутых, если вообще имеющих, у первых), эта версия, по сути, совпадёт с господствующей. Впрочем, то же самое можно сказать и о версии с самостоятельным видом: если он никак не был связан с *L. a. africana*, то мог быть куда более восприимчив к дрессировке.

В начале 2014 г. были обнародованы результаты исследований, проведённых международной группой биологов в Эритрее [19]. Они изучали маленькое (около ста голов) изолированное стадо слонов из провинции Гаш-Барка на границе с Суданом и Эфиопией. Как выяснилось, это «чистые» саванновые слоны, не имеющие в своём генетическом коде никаких следов скрещивания с лесными. Морфологически они не отличаются от остальных саванновых, а значит, больше и лесных, и азиатских, т. е. налицо противоречие со свидетельствами античных авторов и прежде всего Полибия, поскольку птолемеевские охотники ловили слонов в том числе и на территории Эритреи [20]. Некоторые специалисты (в частности, исследователь мамонтов Дж. Маккэй) поспешили заявить в сети Интернет о маленькой сенсации [21].

Однако логику авторов сложно признать убедительной. Прежде всего сам Полибий (V. 84. 5) пишет не об *эфиопских* слонах, а о *ливийских*; этот нюанс есть в русском переводе Ф. Мищенко, но в английском переводе У. Пэтона, которым авторы и пользовались, отсутствует. К тому же неизвестно, как давно эти слоны живут в Гаш-Барка и их ли предков ловили птолемеевские охотники. Как с явной неохотой признают сами авторы, их выкладки не могут «полностью исключить» версию о том, что лесные слоны того или иного подвида могли водиться здесь в прошлом. Доказать, что изученные ими звери жили здесь не одну тысячу лет и ранее населяли всю Эритрею, они не в состоянии – следовательно, нет и прямой связи между ними и животными из птолемеевского корпуса.

Таким образом, коль скоро в настоящее время лесные и саванновые слоны считаются разными видами, они действительно могли приручаться по-разному. Сколько-нибудь весомых аргументов в пользу хорошей приручаемости саваннового слона пока что не выдвинуто, и озвученное ещё в 1948 г. мнение У. Гоуэрса до сих пор не опровергнуто. Возможно, чтобы внести ясность, действительно стоило бы (как справедливо указывал Б. Ксути ещё в 2006 г. [22]) детально изучить артефакты, сохранившиеся с древних времён. Так, среди находок археологической экспедиции С. Сайд-ботэма в Беренике – бывшей базе Птолемея на западном побережье Красного моря – обнаружился и зуб слона [23]. Возможно, его генетическое исследование и сравнение результатов с выводами экспедиции в Гаш-Барка и смогло бы поставить окончательную точку в этой затянувшейся дискуссии. Другим вариантом мог бы стать масштабный и сложный эксперимент по дрессировке саванновых слонов – где животных обучили бы носить на себе башни с людьми, слушаться команд, точно исполнять их в условиях, «максимально приближенных к боевым». Иными словами, был бы доказан на практике тезис о том, что видовая принадлежность африканских слонов действительно была не принципиальна: использовать на войне можно было и лесных, и саванновых.

Примечания

1. *Shoshani J.* Taxonomy, Classification, History, and Evolution of Elephants // *Biology, Medicine, and Surgery of Elephants* / ed. by M. E. Fowler, S. K. Mikota. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 6; *Turkalo A., Barnes R.* Order Proboscidea – Elephants // *Mammals of Africa*. Vol. I. L.; N. Y.; New Delhi; Sydney: Bloomsbury, 2013. P. 176, 178.

2. Подробнее см.: *Laplume J.* La Domestication des éléphants au Congo // *Bulletin Agricole du Congo Belge*. 1911. No. 2. P. 405–418; *Lepplae E.* La Domestication de l'éléphant d'Afrique au Congo Belge // *Bulletin Agricole du Congo Belge*. 1918. No. 9. P. 37–77.

3. *Gowers W.* African Elephants and Ancient Authors // *African Affairs*. 1948. Vol. 47. No. 188. P. 177, 179.

4. Zeuner F. R. A history of domesticated animals. London: Hutchinson & Co, 1963. P. 275, 280.
5. Sukumar R. The Living Elephants: Evolutionary Ecology, Behavior, and Conservation. Oxford: University Press, 2003. P. 88; Csuti B. Elephants in Captivity // Biology, Medicine, and Surgery... P. 15.
6. См., например: Бауэр Г. Книга о слонах. М.: Мысль, 1964. С. 84–85; Lister A. Proboscidea (Elephants) // Grzimek's Animal Life Encyclopedia². Vol. 15. Part IV. Farmington Hills (MI): Gale Group, 2003. P. 172.
7. Iversen E. The Domestication of the African Elephant // Pachyderm. 1995. No. 20. P. 67; Csuti B. Op. cit. P. 19–20.
8. URL: <http://www.abucamp.com/elephant.html> (дата обращения – 15.03.2015).
9. Подробнее см., например: Абакумов А. А. Боевые слоны в истории эллинистического мира. М.: Книга, 2012. С. 79–81.
10. Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 1974. P. 265, n. 32.
11. Wise T. Armies of the Carthaginian Wars 265–146 BC. L.: Osprey Publishing, 1982. P. 12; Lazenby J. F. The First Punic War: A Military History. Stanford (CA): University Press, 1996. P. 27; *idem*. Hannibal's War: A Military History of the Second Punic War. Norman (OK): University of Oklahoma Press, 1998. P. 15–16; Shean J. F. Hannibal's Mules: The Logistical Limitations of Hannibal's Army and the Battle of Cannae, 216 B. C. // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1996. Bd. 45. H. 2. S. 174; Charles M. B., Rhodan P. Magister Elephantorum: A Reappraisal of Hannibal's Use of Elephants // The Classical World. 2007. Vol. 100. No. 4. P. 364–365.
12. Sukumar R. Op. cit. P. 86.
13. Taylor M. J. Antiochus the Great. Barnsley: Pen & Sword Books, 2013. P. 45.
14. Deraniyagala P. E. P. Some scientific results of two visits to Africa // Spolia Zeylanica. 1948. Vol. 25. Part 2. P. 27.
15. Yalden D. W. et al. Catalogue of the Mammals of Ethiopia. Part 6 // Monitore Zoologico Italiano. 1986. N. S. Supplemento XXI. No. 4. P. 46; Laursen L., Bekoff M. Loxodonta africana // Mammalian Species. 1978. No. 92. P. 3, fig. 4 (карта).
16. Laursen L., Bekoff M. Op. cit. P. 1; Nowak R. M. Walker's Mammals of the World. 6th Ed. Vol. II. Baltimore (MA): The Johns Hopkins University Press, 1999. P. 1002; Eggert L. S. et al. The Evolution and Phylogeography of the African Elephant Inferred from Mitochondrial DNA Sequence and Nuclear Microsatellite Markers // Proceedings of the Royal Society. Biological Sciences. 2002. No. 269. P. 1993 (со ссылкой на работы У. Энселла).
17. Shoshani J. Order Proboscidea // Mammal Species of the World. A Taxonomic and Geographic Reference. 3rd Ed. Vol. I. Baltimore (MA): The Johns Hopkins University Press, 2005. P. 91 (со ссылкой на неопубликованное частное мнение К. Гроувза).
18. Sukumar R. Op. cit. P. 87.
19. Brandt A. L. et al. The Elephants of Gash-Barka, Eritrea: Nuclear and Mitochondrial Genetic Patterns // Journal of Heredity. 2014. No. 105 (1). P. 82–90.
20. Brandt A. L. et al. Op. cit. P. 88.
21. URL: <http://johnmckay.blogspot.ru/2014/01/the-elephants-of-raphia-and-gash-barka.html> (дата обращения – 15.03.2015).
22. Csuti B. Op. cit. P. 17.
23. Cohen G. M. The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley; L. A.; L.: University of California Press, 2006. P. 322; Sidebotham S. E. Berenike and the Ancient Maritime Spice Route. Berkeley; L. A.; L.: University of California Press, 2011. P. 32, 50.

Notes

1. Shoshani J. Taxonomy, Classification, History, and Evolution of Elephants // Biology, Medicine, and Surgery of Elephants / ed. by M. E. Fowler, S. K. Mikota. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 6; Turkalo A., Barnes R. Order Proboscidea – Elephants // Mammals of Africa. Vol. I. L.; N. Y.; New Delhi; Sydney: Bloomsbury, 2013. P. 176, 178.
2. Laplume J. La Domestication des éléphants au Congo // Bulletin Agricole du Congo Belge. 1911. No. 2. P. 405–418; Leplae E. La Domestication de l'Éléphant d'Afrique au Congo Belge // Bulletin Agricole du Congo Belge. 1918. No. 9. P. 37–77.
3. Gowers W. African Elephants and Ancient Authors // African Affairs. 1948. Vol. 47. No. 188. P. 177, 179.
4. Zeuner F. R. A history of domesticated animals. London: Hutchinson & Co, 1963. P. 275, 280.
5. Sukumar R. The Living Elephants: Evolutionary Ecology, Behavior, and Conservation. Oxford: University Press, 2003. P. 88; Csuti B. Elephants in Captivity // Biology, Medicine, and Surgery... P. 15.
6. Bauer K. Книга о слонах [The Book on Elephants]. Moscow: Mysl, 1964. S. 84–85; Lister A. Proboscidea (Elephants) // Grzimek's Animal Life Encyclopedia². Vol. 15. Part IV. Farmington Hills (MI): Gale Group, 2003. P. 172.
7. Iversen E. The Domestication of the African Elephant // Pachyderm. 1995. No. 20. P. 67; Csuti B. Op. cit. P. 19–20.
8. URL: <http://www.abucamp.com/elephant.html> (retrieved 15.03.2015).
9. Abakoumov A. A. Boyevyie slonyi v istorii ellinisticheskogo mira [The Elephantry in the Hellenistic Warfare]. Moskva: Kniga, 2012. S. 79–81.
10. Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 1974. P. 265, n. 32.
11. Wise T. Armies of the Carthaginian Wars 265–146 BC. L.: Osprey Publishing, 1982. P. 12; Lazenby J. F. The First Punic War: A Military History. Stanford (CA): University Press, 1996. P. 27; *idem*. Hannibal's War: A Military History of the Second Punic War. Norman (OK): University of Oklahoma Press, 1998. P. 15–16; Shean J. F. Hannibal's Mules: The Logistical Limitations of Hannibal's Army and the Battle of Cannae, 216 B. C. // Historia: Zeitschrift für

- Alte Geschichte. 1996. Bd. 45. H. 2. S. 174; Charles M. B., Rhodan P. Magister Elephatorum: A Reappraisal of Hannibal's Use of Elephants // The Classical World. 2007. Vol. 100. No. 4. P. 364–365.
12. Sukumar R. Op. cit. P. 86.
13. Taylor M. J. Antiochus the Great. Barnsley: Pen & Sword Books, 2013. P. 45.
14. Deraniyagala P. E. P. Some scientific results of two visits to Africa // Spolia Zeylanica. 1948. Vol. 25. Part 2. P. 27.
15. Yalden D. W. et al. Catalogue of the Mammals of Ethiopia. Part 6 // Monitore Zoologico Italiano. 1986. N. S. Supplemento XXI. No. 4. P. 46; Laursen L., Bekoff M. Loxodonta africana // Mammalian Species. 1978. No. 92. P. 3, fig. 4 (карта).
16. Laursen L., Bekoff M. Op. cit. P. 1; Nowak R. M. Walker's Mammals of the World. 6th Ed. Vol. II. Baltimore (MA): The Johns Hopkins University Press, 1999. P. 1002; Eggert L. S. et al. The Evolution and Phylogeography of the African Elephant Inferred from Mitochondrial DNA Sequence and Nuclear Microsatellite Markers // Proceedings of the Royal Society. Biological Sciences. 2002. No. 269. P. 1993.
17. Shoshani J. Order Proboscidea // Mammal Species of the World. A Taxonomic and Geographic Reference. 3rd Ed. Vol. I. Baltimore (MA): The Johns Hopkins University Press, 2005. P. 91.
18. Sukumar R. Op. cit. P. 87.
19. Brandt A. L. et al. The Elephants of Gash-Barka, Eritrea: Nuclear and Mitochondrial Genetic Patterns // Journal of Heredity. 2014. No. 105 (1). P. 82–90.
20. Brandt A. L. et al. Op. cit. P. 88.
21. URL: <http://johnmckay.blogspot.ru/2014/01/the-elephants-of-raphia-and-gash-barka.html> (retrieved 15.03.2015).
22. Csuti B. Op. cit. P. 17.
23. Cohen G. M. The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley; L. A.; L.: University of California Press, 2006. P. 322; Sidebotham S. E. Berenike and the Ancient Maritime Spice Route. Berkeley; L. A.; L.: University of California Press, 2011. P. 32, 50.

УДК 94

Ю. А. Балыбердин

Деятельность профессиональных союзов в Вятской губернии в период Первой российской революции

В статье рассматривается деятельность профессиональных союзов в Вятской губернии в период Первой российской революции. Основное внимание уделяется Союзу железнодорожников и Союзу Учителей и деятелей народного образования. Рассматривается механизм использования профсоюзов революционными партиями для политической борьбы.

The article discusses the activities of trade unions in the Vyatka province during the First Russian Revolution. The focus is on the Union of Railwaymen and the Union of Teachers and leaders of public education. The article examines mechanisms of the use of trade unions by revolutionary parties to wage political struggle.

Ключевые слова: Первая российская революция, профессиональные союзы, забастовки.

Keywords: the First Russian Revolution, trade unions, strikes.

Профсоюзное движение в России зародилось в конце XIX в., но широкий размах получило только в период Первой российской революции. В это время в стране появились профсоюзы инженеров (5 декабря 1904 г.), народных учителей (12 марта 1905 г.), адвокатов (28–30 марта 1905 г.), журналистов, затем возникли союзы профессоров, фармацевтов, лесоводов и статистов, конторщиков, врачей и медицинского персонала, агрономов, писателей, а также союзы – крестьянский, земских и городских деятелей и много других. В мае 1905 г. в Москве прошли съезды представителей этих союзов, на которых присутствовало около 27 тыс. чел. [1] В этот период они объединились в «Союз союзов» и определили общую цель – «совместная политическая борьба с государственным строем» [2]. Профсоюзное движение охватило прежде всего крупные города и торгово-промышленные центры, и оно, по мнению МВД, «искусственно насаждалось и поддерживалось революционными партиями» [3]. Серьезной антиправительственной силой становились и отраслевые профсоюзы, сыгравшие большую роль в революции 1905 г. Так, в октябре 1905 г. Всероссийский союз железнодорожников и мелких служащих, «объединивший в своем

лице большинство неблагонадежного элемента из состава служащих названной категории», стал организатором общей забастовки на всех ж/д линиях империи [4].

Среди профсоюзов были легальные и нелегальные, и отношение властей к ним было разное. Высшие чиновники МВД прекрасно понимали, что для антиправительственных сил легальные союзы представляют собою то преимущество, что отдают в руки революционеров готовый материал для обработки, где можно действовать открыто и с удобством, имея канцелярии и библиотеки и получая возможность делать сборы. Подпольная деятельность этих преимуществ не дает, тем более что в нелегальные союзы неохотно вступают членами беспартийные элементы [5].

С самого начала профессионального движения его возможности стали использовать революционные партии, особенно большевики. Отвергая меньшевистскую теорию нейтральности профсоюзов, они принимали самое активное участие в их строительстве и работе. Большевики вступали в члены профсоюзов, создавали там социал-демократические фракции и руководили их деятельностью. Они занимали там ключевые позиции в качестве членов правления, секретарей и, используя свое положение, распространяли там свою литературу, подстрекали рабочих и служащих к борьбе с правительством. Чиновник особых поручений при МВД Блажчук отмечал, что «в некоторых местностях путем террористических актов было достигнуто всеисчерпывающее движение масс в профессиональные общества; даже самые отсталые слои населения записывались в члены общества и вносили сборы... не состоящие членами насильственно удалялись с работ...» [6].

Профсоюзное движение приобретало большой размах. Так, уже в 1906 г. в профсоюзных обществах состояли более 200 тыс. чел. 79 профессий, обладающих 31 легальным профессиональным органом [7]. В ноябре 1907 г. по империи были зарегистрированы 1046 профессиональных обществ, из числа которых «за вредное направление» было закрыто 161, прекратили существование – 85. Кроме того, по данным МВД, рядом с зарегистрированными обществами существовали 94 нелегальных [8].

Организация и деятельность профессиональных союзов в Вятской губернии относится к 1905 г. Толчком к их созданию послужили уже образовавшиеся к этому времени профсоюзные организации всероссийского масштаба. Местные организации профессиональных союзов оформлялись как отделы всероссийских и вели свою работу в соответствии с указаниями центральных органов. Об образовании профессиональных союзов в регионе и их роли в общественно-политической жизни в период первой российской революции имеются упоминания в коллективных трудах местных историков [9].

На основании изученных архивов и с учетом данных, опубликованных в указанных работах, следует, что в период Первой российской революции на территории региона было создано 18 профессиональных союзов, из них: рабочих – 14, служащих – 3, крестьянских (с многочисленными отделами) – 1 [10].

Из общего количества профсоюзов самыми крупными и деятельными, оказывавшими заметное влияние на общественно-политическую жизнь, были профсоюз железнодорожников, а также учителей и деятелей народного образования.

Союз железнодорожников возник в октябре 1905 г. в период подготовки первой Всероссийской железнодорожной забастовки. Забастовка проходила под руководством созданных комитетов Союза. Союз в своей деятельности руководствовался Уставом, разработанным в Вятке на основе Устава Всероссийского союза железнодорожников, принятого на 2-м съезде железнодорожных делегатов в июле 1905 г. Главные положения Устава сводятся к требованию коренного улучшения материального и служебного положения железнодорожных рабочих и мелких служащих, которое возможно при условии выполнения следующих требований:

1. Увеличение заработной платы для служащих и рабочих до такой нормы, которая необходима для удовлетворения материальных и духовных нужд работника и его семьи.
2. Установление рабочего времени для всех без исключения железнодорожных работников не свыше 8 часов в сутки, или не более 48 часов в неделю.
3. Образование бюро или комиссии из выборных от служащих и рабочих для совместного разрешения с администрацией дороги вопросов об увольнении, перемещениях и приеме служащих и рабочих, а также для разрешения всех недоразумений, возникающих между служащими и администрацией дороги.
4. Участие рабочих и мелких служащих в организации распорядков на железной дороге [11].

В следующих пунктах Устава говорится об отмене сверхурочных работ, коренном преобразовании дела медицинской помощи, устройстве школ, библиотек, образовании клуба для собраний, свободном чествовании 1 мая и т. д. [12]

Ввиду того, что такой порядок, говорилось в Уставе, при нынешнем государственном строе России невозможен, то Союз выставляет требование созыва Учредительного собрания на основе все-

общего, прямого равного и тайного голосования, которое обеспечивало бы свободу слова, собраний, печати, союзов и стачек, необходимых для осуществления всех вышеизложенных требований.

Согласно Уставу членами Союза могли быть все рабочие и низшие служащие дороги, независимо от партийной принадлежности при условии обязательного принятия ими всех требований Устава. Хотя Союз и заявлял о своей внепартийности, но задачи, которые он выдвигал, свидетельствуют о его связи с социал-демократической партией. В числе руководителей Союза были в основном социал-демократы: в Вятке – И. И. Деришев, В. И. Калашников, И. А. Алпатов, В. С. Желваков, С. М. Леготкин; в Зуевке – сочувствующие социал-демократам З. Я. Свалов, А. И. Цигельберг; в Мурашах – К. С. Владимиров, В. А. Трейтер и др. [13]

В начале своей деятельности члены Союза объединялись в небольшие кружки [14], но затем произошло их укрупнение во главе с районными бюро (комитетами). На Центральный комитет дороги возлагались обязанности организовать новые группы, объединять и согласовывать деятельность групповых организаций, устраивать собрания, митинги, объявлять забастовки, проводить съезды, вести отчетность и т. д. Одним из направлений деятельности Союза была агитационная работа. Она заключалась в привлечении в Союз новых членов, проведении собраний с разъяснением значения Союза, в распространении листовок и прокламаций, сообщавших о деятельности не только своего, но и других союзов. На средства, получаемые от членских взносов, Союз издавал гектографированные бюллетени с информацией о том, что происходило на линиях. Благодаря этому вятские железнодорожники были в курсе всех происходящих событий не только на железных дорогах, но и в стране в целом. Комитеты Союза оказывали друг другу материальную и моральную помощь [15]. Так, когда Мурашинский комитет после безуспешной агитации по присоединению к забастовке не сумел добиться успеха, Вятский комитет командировал в Мураши слесарей депо, членов комитета Деришева и Земцова. Им удалось убедить мурашинцев присоединиться к забастовке. Когда Центральным комитетом Пермской железной дороги была разослана телеграмма об аресте 9 декабря членов комитета Толстоусова, Преображенского, Мальцева и Лебедева, Вятский, Зуевский и Мурашинский комитеты потребовали их немедленно освобождения, угрожая в противном случае беспорядками по всей линии [16].

Под руководством социал-демократов и профсоюзных лидеров (в основном это одни и те же люди) были проведены две самые крупные политические забастовки. Первая забастовка началась 15 октября 1905 г. Вятские железнодорожники по инициативе профкома и комитета РСДРП предъявили своему начальству петицию, содержащую экономические и политические требования. В большинстве своем документ содержал узкопрофессиональные требования: установление 8-часового рабочего дня, улучшение условий труда и быта и др. И лишь в последних трех пунктах заявлено о свободе слова, печати, собраний, сходов, неприкосновенности личности и жилища, всеобщем и равном избирательном праве при выборах в законодательные органы [17]. Авторы петиции не скрывали, что последние требования они предъявляют «в знак солидарности с общественными силами». Местное начальство отказалось удовлетворить требования железнодорожников, и тогда они обратились за помощью к рабочим города и получили их поддержку. В итоге городская дума вынуждена была удовлетворить все их экономические требования. Забастовка железнодорожников закончилась 25 октября. Ее окончанию предшествовало получение двух телеграмм. В телеграмме Центрального стачечного комитета предлагалось завершить забастовку в связи с выходом Манифеста 17 октября, а в другой телеграмме руководство железной дороги призывало железнодорожников приступить к работе, обещая прощение и выплату жалованья за период забастовки.

Таким образом, в ходе первой забастовки требования рабочих были в основном удовлетворены, а зачинщики и участники забастовки не понесли никакого наказания.

Вторая забастовка железнодорожников была проведена с 8 по 18 декабря 1905 г. Она началась с получением телеграмм от Центрального бюро Всероссийского союза железнодорожников и Центрального комитета Союза Пермской железной дороги с призывом ко всем железнодорожным рабочим выйти на всеобщую политическую забастовку под лозунгами борьбы с самодержавием и созыва Учредительного собрания [18]. В телеграммах содержалась критика властей за нарушение свобод, объявленных в Манифесте 17 октября, а само правительство называлось «мятежным», «крамольным» и «преступным». Накануне забастовки велась усиленная агитация со стороны активистов Союза. На рабочих собраниях ораторы призывали к созыву Учредительного собрания, ликвидации самодержавия и полиции, к установлению демократической республики. В начале декабря обозначились три основных центра забастовки. На станции Вятка-I особую активность проявили рабочие социал-демократы В. Калашников, В. Желваков, С. Леготкин, И. Деришев и др. На станции Зуевка подготовку забастовки осуществляли эсеры – слесари депо Зиновий Свалов и Андрей Цигельберг, а также помощник машиниста Иосиф Безирганов. На станции

Мураши Котласской линии усиленной пропагандой забастовки занимался железнодорожный врач Василий Алексеевич Трейтер. Включаясь в забастовку, железнодорожники постановили не препятствовать возвращению войск из Манчжурии, перевозке хлеба и продовольствия голодающим крестьянам и бастующим товарищам. Декабрьская забастовка железнодорожников, в отличие от октябрьской, закончилась поражением. 19 декабря работа возобновилась на прежних условиях, заработную плату за время забастовки не выплатили, а наиболее активных ее участников и руководителей привлекли к судебной ответственности [19].

Союз учителей и деятелей по народному образованию был организован в мае 1905 г. по возвращении делегации Вятского учительского общества с московского учительского совещания, состоявшегося 11–13 апреля 1905 г. От Вятского учительского общества на этом совещании были три представителя. Окончательное оформление Союза получил на губернском съезде учителей, проходившем в Вятке 6–9 августа 1905 г. В основу деятельности Союза был положен Устав, разработанный и принятый на первом Всероссийском учительском съезде, проходившем с 7 по 10 июня в Петербурге и Выборге. Этот Устав, состоявший из 16 пунктов, провозглашал, что Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию является профессиональным и политическим. Основными задачами Союза являются:

1. Борьба за политическую свободу России и за передачу власти в руки народа. Ради этого Союз считает необходимым: а) созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямой и тайной подачей голосов без различий пола и национальности; б) предварительное проведение и осуществление в жизни для всего населения неприкосновенности личности и жилища, свободы совести, слова, печати, организации, собраний и стачек, а также отмены решений и преследований – судебных и административных – по делам политическим и религиозным.

2. Борьба за коренную реорганизацию дела народного просвещения в России на началах свободы, демократизации и децентрализации его, понимая под этим осуществление следующих начал: а) согласование всех типов школ, чтобы общеобразовательная школа высшего типа составляла непосредственное продолжение школ низшего типа; б) введение всеобщего бесплатного и обязательного начального обучения и бесплатного среднего и высшего образования; в) исключение Закона Божия как обязательного предмета преподавания; г) установление общеобразовательного характера школы со свободным преподаванием; д) свобода преподавания на родном языке населения во всех типах школ; е) предоставление заведования делом народного образования органам местного самоуправления, образованным на началах всеобщего, без различия пола и национальности, равного, прямого и тайного голосования, и общественным организациям национального характера.

3. Для достижения поставленных в п. 2 основных целей Союз берет на себя выполнение следующих задач: а) открытая и свободная критика, путем устного и печатного слова, современного школьного строя и правительственной политики в области народного образования; б) образование коллективных протестов учащихся против действий администрации, вредных для школьного дела; в) коллективная разработка вопросов народного просвещения в духе принципов, указанных в п. 11, § 2; г) содействие в удовлетворении духовных потребностей учащихся (организация библиотек, снабжение учащихся произведениями периодической печати, устройство чтений и лекций для учащихся, организация кружков для совместной образовательной работы и т. п.); д) организация доступной помощи учащим и учащимся; е) организация взаимного страхования на случай потери места, вследствие политической и общественной деятельности с привлечением общественных учреждений к материальному участию в кассах взаимного страхования; ж) защита отдельных членов союза, учащихся и учащихся против произвола учебного начальства и общей администрации путем коллективного протеста и другими способами; з) привлечение общества и органов общественного самоуправления к защите учащихся и учащихся от произвола администрации и к материальной поддержке лиц, пострадавших за политическую и общественную деятельность; и) организация товарищеского суда чести; к) широкое распространение среди населения и реализация политических идей и задач, положенных в основу союза; л) совместная политическая деятельность с другими профессиональными союзами и политическими организациями в достижении общих целей [20].

В следующих пунктах этого тщательно разработанного документа говорится о порядке приема членов в Союз, о руководящих органах Союза, о порядке выборов и т. д. Устав подвергся серьезному и всестороннему обсуждению на губернском съезде учителей. Особенное внимание вызвали те его пункты, которые указывали на политический характер Союза [21]. Однако, несмотря на различие политических взглядов участников съезда, пункты устава о политической деятельности Союза были приняты единогласно. Первым шагом выбранного на съезде бюро бы-

ла организация уездных отделений или групп с вовлечением в них наибольшего количества учителей. В результате энергичной работы бюро к началу 1906 г. отделения Союза были созданы во всех уездах региона, работа которых проходила под большим влиянием политических партий. В Слободском и Глазовском уездах, где были сильны позиции эсеров, местные отделения учителей тяготели к Крестьянскому (эсеровскому) союзу, и все мероприятия проводили совместно под эсеровскими лозунгами. Вятское, Уржумское, Сарапульское уездные общества развивали свою деятельность под лозунгами социал-демократов.

Учительские союзы в основном находились под влиянием либеральных партий, выступающих за установление демократических свобод путем введения представительной власти. Многие учителя восторженно восприняли Манифест 17 октября, полагая, что царь пошел на уступки [22].

Некоторые учительские организации края находились под влиянием эсеров. Наиболее ярко это проявлялось в деятельности учителей Царевококшайского уезда, выпустивших прокламацию «Товарищи» под эсеровским лозунгом [23].

Политические разногласия членов Союза со всей очевидностью проявились на 2-м губернском учительском съезде, состоявшемся 1–7 августа 1906 г., на котором возник вопрос о легализации Союза. Прозеровски настроенные учителя выступили за его легализацию, хотя бы для этого потребовалось исключить из Устава пункты о политических задачах. С их точки зрения, чисто профессиональная платформа Союза может объединить в нем людей разной политической ориентации и таким образом содействовать росту его рядов. Политические же задачи Союз может осуществлять и без включения этих требований в устав. Социал-демократы считали, что Союз не должен замыкаться в узко профессиональные рамки. В условиях переживаемых событий он не может отказаться от политических требований. Если включение политических задач в устав служит препятствием к его легализации, то необходимо от этой легализации отказаться. 2-й губернский съезд принял точку зрения социал-демократов и остался нелегальным [24].

Мы располагаем сведениями о деятельности уездных отделений, из которых следует, что многие учителя вели большую работу, направленную против существующего строя, но она не стала массовой, так как за всеми учителями был установлен бдительный надзор со стороны администрации учебных заведений и полиции. Преследованиям подвергались даже те учителя, которые никакого отношения к революционной работе не имели, например среди особо опасных и вредных лиц в политическом отношении для населения Слободского уезда местные власти называли учителя Косинского училища М. В. Лубнина и его жену Дарью Степановну. Их неоднократно арестовывали, высылали, однако каждый раз восстанавливали в должности по суду. По-видимому, они вели некоторую просветительскую работу, но в революционной агитации участия не принимали [25].

Созданные организации учителей имели преимущественно профессионально-политический характер. Учителя подвергали критике современное школьное дело и правительственную политику в области народного образования, выражали протесты против несправедливых действий администрации, искали пути улучшения учебно-воспитательной работы и т. д. Значительная часть учителей в соответствии со своими убеждениями о необходимости модернизации политической, экономической, социальной и культурной сфер общественной жизни принимала участие в работе кружков, участвовала в проведении сходов и собраний, занималась пропагандистской деятельностью. Например, учительница Верхосунской школы С. Я. Катаева была одним из организаторов крестьянского комитета в Глазовском уезде [26]. Они вместе с крестьянином С. Ф. Лубниным и практикантом Верхосунской земской фермы М. Ф. Мосуновым проводили сходы, распространяли революционные прокламации и листовки. Под их влиянием крестьяне отказывались платить налоги.

Активную работу среди удмуртов вел учитель Сосновской школы И. И. Шкляев. Он вместе с другими учителями распространял среди крестьян переведенную на удмуртский язык революционную литературу и прокламации, перевел на удмуртский язык «Марсельезу» [27].

Большую агитационную работу среди марийского населения вел учитель социал-демократ К. И. Касаткин. Он был создателем первого революционного кружка в с. Юрино, в который входили не только рабочие, но и учителя. Члены кружка сначала вели культурно-просветительскую работу: устраивали вечера, спектакли, чтение литературы и т. д., а потом стали распространять нелегальную литературу и листовки, авторами которых были К. И. Касаткин и А. А. Качалов [28]. Подобную деятельность среди населения вели учителя Козмодемьянска и Санчурска. В работе революционных кружков в с. Кокшамары в 1905 г. принимали участие шесть учителей (Н. М. Орлов, А. В. Боброва-Ишпайкина и др.). Революционные идеи доводились до марийского народа на родном языке. Переводом нелегальной литературы занимались учителя В. Кириллов и А. Баронов. Они перевели на марийский язык ряд прокламаций, а П. Григорьев, работавший в Унжинской школе Царевококшайского уезда, сам писал марийские листовки. В них говорилось, что на-

род страдает под гнетом царизма, крестьяне обделены землей, а помещики и кулаки владеют большей ее частью. П. Григорьев закончил одну из своих листовок призывом: «Землю помещиков и государственной казны передать крестьянам» [29]. В его листовках содержались требования свободы слова и печати, амнистии политическим заключенным. В воззваниях П. Григорьева нередко чувствуется влияние народнических идей, которые находили благодатную почву в отсталой марийской деревне.

Многие учителя участвовали в митингах и демонстрациях. Так, когда с 9 по 19 апреля 1905 г. проходили политические демонстрации против самодержавно-полицейского произвола в Вятке, среди участников демонстрации, как об этом сообщал вятский губернатор в департамент полиции, было много учителей. Часть учителей принимала участие в демонстрациях и маевках в Елабуге, Глазове, Ижевске и других городах и поселках. Сельские учителя, тесно связанные с крестьянами, пользовались их доверием и любовью. Известно немало выступлений крестьян в защиту местных учителей. Когда в с. Пержа Яранского уезда 27 февраля 1906 г. для ареста учительницы Никифоровой за революционную пропаганду явились полицейский надзиратель, урядник и стражник, крестьяне категорически не разрешили этого сделать. Арестовать учительницу удалось лишь с помощью 20 конных стражников [30]. На сельских сходах выносились приговоры с протестом против ареста учителей, но противостоять вооруженной страже в большинстве случаев крестьяне не могли.

Многие сельские учителя не только вели пропаганду в деревнях, но и участвовали в крестьянских выступлениях. Рапорты полицейских и жандармских чинов полны донесений о «разлагающем влиянии» учительства на крестьян.

Во всех отчетах вятского губернатора за 1905–1907 гг. отмечается особенное участие учительства в революционном движении [31]. В уезды заведующим начальных училищ идут строгие телеграммы министра народного просвещения: никаких митингов и собраний, никаких преступных воззваний и запрещенных изданий и никаких знакомств с лицами, находящимися под властным надзором, никаких бесед по вопросам политического характера с крестьянами...

В 1906 и 1907 гг. после подавления московского вооруженного восстания участие учителей в общественно-политической жизни региона пошло на спад. Наиболее активные их представители были арестованы, а другие – напуганы и отошли от активной общественно-политической работы, были лишь отдельные случаи участия молодых учителей в распространении нелегальной литературы, в митингах и демонстрациях (К. И. Касаткин, И. И. Шкляев и др.).

В одном из полицейских донесений (1906 г.) указывалось, что в Уржумском уезде в обезоруживании стражи принимал участие учитель Данилов [32]. Среди марийского населения губернии продолжал заниматься распространением революционных идей на марийском языке учитель Уньжинской школы Царевококшайского уезда П. Г. Григорьев. Составленное им антиправительственное воззвание под видом диктанта было продиктовано ученикам, которые увезли его в родные деревни и распространили среди населения. Сам П. Г. Григорьев ходил по селениям Шиньшинской и Моркинской волостей, читал и распространял воззвания, пока не был арестован жандармами [33].

За антиправительственную деятельность учителей наказывали. В Яранском уезде за организацию митингов, распространение нелегальной литературы и участие в крестьянских собраниях были арестованы 8 учителей, в том числе 5 учителей Нартасской сельскохозяйственной школы [34]. За участие в крестьянском движении в Мунтанской волости были арестованы и высланы несколько учителей [35]. Учительница Казанской школы Уржумского уезда Ковалева была арестована за то, что читала крестьянам листки Крестьянского союза.

По сообщению директора народных училищ Анастасиева, только в течение 1906 г. по обвинению в политической неблагонадежности уволили 37 учителей и учительниц начальных народных училищ [36].

Итак, профессиональные союзы региона, созданные в период революции, вели некоторую работу, направленную на улучшение условий труда и быта своих членов. Самыми активными среди них являлись Союз железнодорожных рабочих и Союз учителей и деятелей народного образования. В организации и деятельности профсоюзов активную роль играли революционные партии, которые использовали профсоюзные организации в своей борьбе.

Примечания

1. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 722. Л. 1.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же. Д. 717. Л. 36.
5. Там же. Д. 722. Л. 1 об.

6. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 722. Л. 1 об.
7. Там же. Л. 2.
8. Там же. Л. 1 об.
9. Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1965. Ч. 1. С. 175.
10. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 722.
11. Устав Союза железнодорожников // 1905 год в Вятской губернии. Вятка, 1925. С. 207–208.
12. Там же.
13. Там же. С. 209.
14. Там же.
15. Там же. С. 215–216.
16. Там же. С. 214.
17. Там же. С. 47–48.
18. Там же. С. 70.
19. Там же. С. 78–79.
20. Устав Союза учителей и деятелей по народному образованию // 1905 год в Вятской губернии. С. 216.
21. Там же. С. 217–218.
22. Там же. С. 219.
23. МАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 901. Л. 20–20 об.
24. Устав Союза учителей и деятелей по народному образованию. С. 219.
25. Мильчаков А. Лубнины. Киров, 1998. С. 79.
26. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 354. Л. 4, 5.
27. Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1 / редкол. И. П. Емельянов (гл. ред.) [и др.]. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. С. 224.
28. Очерки истории Марийской АССР / ред. кол. А. В. Хлебников (отв. ред.) [и др.]. Йошкар-Ола: И. О. Маркнигоиздат, 1965. С. 266.
29. Там же.
30. Папырина А. А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905–1907 гг. Киров, 1975. С. 133.
31. Отчеты Вятского губернатора за 1905–1907 гг.
32. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 145.
33. Очерки истории Марийской организации КПСС. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1968. С. 30.
34. Очерки истории Марийской АССР. С. 282.
35. Папырина А. А. Указ. соч. С. 130.
36. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 3529. Л. 289.

Notes

1. RSHA. F. 1282. Sh. 1. File 722. Sh. 1.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Ibid. File 717. L. 36.
5. Ibid. File 722. L. 1 turn.
6. RSHA. F. 1282. Sh. 1. File 722. Sh. 1 turn.
7. Ibid. Sh. 2.
8. Ibid. Sh. 1 turn.
9. Oчерки istorii Kirovskoj organizacii KPSS - Essays on the history of the Kirov organization of the CPSU. Kirov: Volga- Vyat. publishing house. 1965. Part 1. P. 175.
10. RSHA. F. 1282. Sh. 1. File 722.
11. The Charter of the Union of railwaymen // 1905 in Vyatka province. Vyatka. 1925. Pp. 207-208. (in Russ.)
12. Ibid.
13. Ibid. P. 209.
14. Ibid.
15. Ibid. Pp. 215-216.
16. Ibid. P. 214.
17. Ibid. Pp. 47-48.
18. Ibid. P. 70.
19. Ibid. Pp. 78-79.
20. The Charter of the Union of teachers and leaders for public education // 1905 in Vyatka province. P. 216. (in Russ.)
21. Ibid. Pp. 217-218.
22. Ibid. P. 219.
23. MART. F. 1. Sh. 4. File 901. Sh. 20-20 turn.
24. The Charter of the Union of teachers and leaders for public education. P. 219. (in Russ.)
25. Milchakov A. Lubniny [The Lubnins]. Kirov. 1998. P. 79.
26. GAKO. F. 1. Sh. 1. File 354. Sh. 4, 5.
27. Oчерки istorii Udmurtskoj ASSR - Essays on the history of the Udmurt ASSR. Vol. 1 / editorial board. I. P. Emelyanov (ed) [etc.]. Izhevsk. Udm. publishing house. 1958. P. 224.

28. Ocherki istorii Marijskoj ASSR - Essays on the history of the Mari ASSR / ed. by A. V. Khlebnikov (resp. ed.) [et al.], Yoshkar- Ola. I. O. Marknigoizdat. 1965. P. 266.
29. Ibid.
30. Papyrina A. A. Revolyucionnoe dvizhenie v Vyatskoj gubernii v 1905–907 gg. [Revolutionary movement in Vyatka province in 1905-1907]. Kirov. 1975. P. 133.
31. Otchety Vyatskogo gubernatora za 1905–907 gg.- Reports of the Governor of Vyatka for 1905-1907
32. Ocherki istorii Kirovskoj organizacii KPSS - Essays on the history of the Kirov organization of the CPSU. P. 145.
33. Ocherki istorii Marijskoj organizacii KPSS - Essays on the history of the Mari organization of the CPSU. Yoshkar- Ola. Mari publishing house. 1968. P. 30.
34. Ocherki istorii Marijskoj ASSR - Essays on the history of the Mari ASSR. P. 282.
35. Papyrin A. Op. cit. P. 130.
36. GAKO. F. 574. Sh. 2. File 3529. Sh. 289.

Родоначальница детектива Анна Катарина Грин

Впервые в отечественном литературоведении изучается вклад американской писательницы А. К. Грин в становление жанра детектива, рассматривается национальный и европейский контекст ее литературной деятельности (Э. А. По, Л. М. Олкотт, М. Ф. Виктор, У. Коллинз, Э. Габорио и др.). Повесть “XYZ: A Detective Story” (1883) рассматривается с точки зрения функционирования в ней основных принципов поэтики «домашней детективной прозы», гриновской поэтики двоичности и игры с измененными идентичностями, изучается реализации в ней семантического поля концепта *counterfeit*. Рассматриваются причины громкого успеха первого романа Грин «Дело Ливенвортов» (1878) и ее полной утраты популярности в начале XX в., что связывается, в частности, с особенностями мелодраматического, хоульного идиостиля писательницы.

For the first time in Russian literary studies the paper introduces “the mother of the detective fiction” A. K. Green and examines her role in the history of the detective genre viewing it in the context of her national and European contemporaries (E. A. Poe, L. M. Alcott, M. F. Victor, W. Collins, E. Gaboriau et al). “XYZ: A Detective Story” (1883) is analyzed as a sample of “domestic detective fiction” and as an illustration of Green’s poetics of dualities and hidden identities. The premises for the unquestionable success of the early works of Green and her loss in popularity in the 20th century are studied, sociocultural shifts and idiosyncrasies of her style being main reasons for it.

Ключевые слова: американский детективный канон, генезис детектива, популярная литература, феномен читательского успеха, образ сыщика, поэтика детектива.

Keywords: American detective canon, genesis of the detective genre, popular literature, phenomenology of success, a serial detective, poetics of detective genre.

Американская писательница Анна Катарина Грин (1846–1935) практически неизвестна отечественному читателю. В недавно завершеном шеститомном издании «Истории американской литературы», подготовленной ИМЛИ РАН, ее имя даже не упоминается. Не повезло ей и с русскими переводами: единственная доступная русскоязычному читателю новелла А. К. Грин «Женщина, которая ходила во сне» [1] оставляет впечатление набившей оскомину вторичности (как, впрочем, и большинство других текстов, включенных в антологию «Не только Холмс: детектив времен Конан Дойля»: оригинальные находки и изобретения авторов антологии давно уже стали топосами детективного жанра, многократно повторенными и потерявшими обаяние новизны).

Вместе с тем любой разговор об истории и становлении детективного жанра не обходится без упоминания имени этой писательницы. Само слово «детектив» (detective), столь прочно укоренившееся для обозначения криминального расследования в литературе, впервые было использовано не Эдгаром По, который по праву считается родоначальником этого жанра, а забытой ныне Анной Катариной Грин, которую порой называют «матерью детективной прозы» [2]. Ее имя и творческое наследие (тридцать четыре романа, три сборника рассказов, поэзия, драма), во всяком случае, в его детективной ипостаси, достойно изучения, во-первых, для того, чтобы определить место столь знаковой фигуры в истории детектива; во-вторых, чтобы разобраться в причинах феноменального успеха, выпавшего на ее долю в конце XIX в. («Дело Ливенвортов» стало первым национальным бестселлером, распроданным в количестве 750.000 экземпляров за 15 лет, а к концу жизни писательницы эта цифра достигла миллиона экземпляров [3]), – и безнадежно угасшего в XX в., когда ее имя было вытеснено именами ее последователей и последовательниц.

Долгое время каноническая история детективного жанра в США брала отсчет с имени Эдгара Алана По, чьи «рационации» появились в начале 1840-х гг., и была отмечена неким пятидесятилетним зиянием – вплоть до публикации в США произведений Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе в начале 1890-х. Однако новейшие исследователи [4], более чуткие к явлениям преходящей популярности, не ограничиваются явлениями первого ряда и смело деконструируют

патриархатные каноны, настаивая, что американские литераторы, начиная, по крайней мере, с 1860-х гг., активно экспериментировали со структурными компонентами жанра, заложенными Эдгаром По. Причем самая активная роль в этих экспериментах принадлежала, как ни странно, женщинам. В эти годы в американской литературе сложилось особое жанровое образование, которое К. Р. Никерсон предлагает называть «домашней детективной прозой» (domestic detective fiction) [5]. Право Грин носить звание «матери детективной прозы» существенно поколеблено в исследованиях последнего десятилетия. Наряду с ее именем в ряды авторов, имеющих отношение к возникновению детективной прозы, попадают и Мэри Элизабет Брэддон (1837–1915), и Луиза Мэй Олкотт (1832–1888), и Мета Фуллер Виктор (1831–1885). Все это, в сущности, только подтверждает справедливость наблюдений Цветана Тодорова о специфическом соотношении уникального и универсального в массовой литературе: «Как правило, литературный шедевр нельзя отнести к какому-то определенному жанру – он сам создает этот жанр. Однако, что касается шедевра популярной литературы, то тут мы имеем дело с прямо противоположным: им всегда будет книга, наилучшим образом соответствующая требованиям своего жанра <...> Если мы примем это во внимание, описывая жанры популярной литературы, то для понятия “шедевр” просто не останется места. Все популярные романы сделаны по одному рецепту; и лучшим будет тот, про который нечего сказать (и который ничем не выделяется)» [6]. Если учесть также суждение Тодорова о специфике эстетического измерения в популярной литературе, то, сопоставляя вклад авторов в развитие детективного жанра, вполне объективно можно говорить только о некоторых хронологических приоритетах, о различной адресации произведений и о степени профессионализма автора, причем для сочинителя детектива профессионализм будет в большой мере складываться не только из беллетристического дара, но и осведомленности в работе правоохранительных органов и криминалистической грамотности.

Анна Катарина Грин происходила из семьи адвоката, и бесконечные домашние разговоры о судах, о только что учрежденной городской нью-йоркской полиции повлияли на круг ее интересов. Кроме того, она получила хорошее образование, закончив частный женский колледж Рипли в Вермонте в 1866 г., что было достаточно редким явлением по тем временам. Она происходила из семьи с пуританскими корнями и всю жизнь принадлежала к пресвитерианской церкви, что, безусловно, наложило отпечаток на представления писательницы о справедливости, раскаянии и возмездии. Она мечтала стать поэтессой и, для того чтобы заработать деньги на издание собственных стихотворений, принялась писать детективный роман, над которым тайком работала шесть лет. Литературный дебют тридцатидвухлетней А. К. Грин имел оглушительный успех, который объяснялся, конечно, тем, что выход в свет «Дела Ливенвортов» (The Leavenworth Case: A Lawyer's Story, 1878) пришелся на время растущей популярности детективного жанра. (Не случайно именно с Грин хотел встретиться сэр Артур Конан Дойль в Буффало во время своего путешествия с туром лекций по Америке в 1894 г.) Успеху способствовал и удачный выбор издателя: Джоном Патнем сотрудничал с женщинами-писательницами и отстаивал ценности викторианской морали, которой неукоснительно следовала Грин. Кроме того, именно Грин первой стала активно осваивать Нью-Йорк, сделав его местом действия большинства своих произведений. Вслед за У. Коллинзом и Э. Габорио, она чаще всего обращалась к жизни светского общества, и это стало еще одним фактором читательского успеха. Ее целевой аудиторией был средний класс («читатели газет», как она сама говорила), и она замешивала свои детективы на двух наиболее горячо любимых газетных разделах – светской и судебной хрониках. На страницах книг Грин впускала своего демократического читателя в гламурные особняки нью-йоркской элиты на Пятой авеню.

Роман «Дело Ливенвортов» начинается с драматического известия о смерти нью-йоркского миллионера богача бизнесмена Хорейшо Ливенворта, которое получает его молодой адвокат Эверетт Рэймонд (от его лица ведется повествование в большей части романа). Ливенворта утром находят застреленным в библиотеке его шикарного особняка на Пятой авеню. Таким образом, основная сюжетная коллизия романа строится по принципу «убийства в запертом доме», которое впервые использовал Э. По в «Убийствах на улице Морг» (The Murders in the Rue Morgue, 1841), а позже и А. Конан Дойль.

Для расследования убийства Ливенворта приглашен профессиональный детектив Эбенезер Грайс – мрачноватый полицейский пятидесяти с лишком лет, человек ничем не выдающейся внешности, да еще и страдающий ревматизмом. Этот герой, чьей единственной примечательной особенностью является манера избегать прямого визуального контакта с собеседником, абсолютно лишен элемента незаурядности, которым отмечен романтический детектив Дюпен у Эдгара По и которым через десять лет в полной мере будет отмечен Шерлок Холмс. Лишен Грайс и элемента этнической инаковости, существенного для Эркюля Пуаро у Агаты Кристи. Образ Грайса словно бы создается в полемике с уже заявившими о себе штампами повествований о расследовании. Так, ад-

вокат Рэймонд комментирует: «И позвольте мне отметить, что мистер Грайс был совсем не похож на художавого, жилистого индивидуума с пронзительным взглядом, которого вы, конечно же, вообразили себе при слове “детектив”. Наоборот, мистер Грайс был полноватым, уютным персонажем, а взгляд его не только никого не пронзал, но даже ни на ком и не задерживался» [7].

Обладающий недюжинной пронизательностью в сочетании со способностью понимать людей и сочувствовать им, сдержанный герой А. К. Грин не делает шоу из своих профессиональных и человеческих качеств. Его образ четко социально детерминирован – он происходит из среднего класса и защищает его ценности, нравственные и религиозные. Ему неуютно в кругу нью-йоркских аристократов, и он наделен своего рода комплексом социальной неполноценности, прекрасно понимая, что ни он, ни кто-то другой из его коллег «не смогут сойти за джентльмена» [8]. Поэтому адвокат Рэймонд становится неофициальным помощником Грайса в расследовании, беря на себя в том числе переговоры с социально недоступными для него людьми. Грайс и Рэймонд периодически обмениваются соображениями по делу и сопоставляют свои версии, что, кстати, свидетельствует о несомненной творческой смелости писательницы: одно дело, когда автор детектива излагает одну по видимости убедительную версию, чтобы потом ошеломить читателя ее абсурдностью. Другое дело – когда сочинитель развенчивает сразу несколько таких версий и не теряет при этом читательского доверия и внимания. Эту модель представления на читательский суд нескольких равноправных версий преступления Грин будет использовать во всех своих романах. Позже за доверие читателя будут конкурировать версии Грайса и любознательной старой девы Эмили Баттерворт (см., например, роман «Преступление по соседству» (“That Affair Next Door”, 1880), которую по праву считают предшественницей мисс Марпл Агаты Кристи.

Все персонажи первого романа Грин обрисованы выпукло и психологически достоверно. В этом плане особенно убедителен избранный тон повествования от лица молодого человека, влюбленного в одну из подозреваемых. Замечательно выстроена этическая двусмысленность, которой окутаны образы племянниц убитого Элинора и Мэри: попеременно то та, то другая попадают под подозрение. В свое время Агата Кристи будет восхищаться тем, как изображены две сестры – блондинка и брюнетка – и как умело Грин переносит подозрения с одной на другую [9].

Первый детективный роман Грин привлек внимание Уилки Коллинза, который писал в 1893 г.: «Она обладает уникальной изобретательностью: у нее богатое воображение, а главное – она абсолютно верит, в то, что она говорит (для нашего искусства это и есть самое важное достоинство)... Читая роман «Дело Ливенвортов», я множество раз останавливался, не в силах сдерживать восхищения перед ее неиссякаемой изобретательностью, тонким владением криминальным материалом и пронизательностью в исследовании влияния преступления на психологию персонажей» [10]. Соотечественников сочинительница «Дела Ливенвортов» так поразила своей осведомленностью в юридических вопросах, что этот роман использовали на факультете права Йельского университета для демонстрации того, на какой ложный путь может завести следователя опора на косвенные улики [11].

Грин никогда не писала о преступниках-психопатах и маньяках. Продолжая, в сущности, готтовские традиции, она полагала и старалась внушить своему читателю, что почвой, которая рождает преступления, является эгоизм и замкнутость на себе самом. В статье «Почему люди интересуются преступлениями» она так и писала: человеческая природа от века неизменна, никакой технический прогресс ее не может улучшить, и главные пороки всегда связаны с эгоцентризмом [12]. Обязательное раскаяние преступника станет матрицей всех гриновских финалов. Если, скажем, Эмиль Габорио также заканчивал свои произведения очной ставкой и разоблачением, то для Грин, с ее религиозными взглядами, не менее важно продемонстрировать торжество справедливости и нравственности. Поэтому «Дело Ливенвортов» заканчивается саморазоблачением убийцы, а скажем, в финале романа «Ребенок-миллионер» (Millionaire Baby, 1905) главный злодей-похититель доктор Пул усыновляет бездомного сироту... Как напишет через несколько десятилетий У. Х. Оден, задача детектива не только решить загадку, но и вернуть в мир божественную благодать [13].

Детективы Грин во многом опираются на романтическую поэтику контрастов и бинарных оппозиций, которая, ввиду своей очевидности и видимой простоты, была благополучно усвоена и клиширована популярной литературой. Конструируя сюжет, систему образов, хронотоп своего первого романа, Грин опирается на систему двойничества. В «Деле Ливенвортов» – два убийства (Хорейшо Ливенворта и горничной Ханны Честер); два главных подозреваемых (Элинора и Мэри Ливенворт); два сыщика (Грайс и Реймонд); два места действия (Нью-Йорк и Саратога Спрингс). Это система двойничества на всех структурных уровнях становится фирменным знаком детективной прозы Грин, как и обязательные переодевания. Так, кульминацией повести “XYZ: A Detective Story” (1883) становится сцена маскарада, устроенного владельцем богатого особняка в небольшом новоанглийском городке. Сквозной темой этой детективной повести становится искусно обыгры-

ваемая на всех уровнях художественной структуры тема подлога, подделки, переодеваний, измененных идентичностей – всего того, что включает в себя ключевое понятие текста *counterfeit*.

Возможно, подражая Эдгару По, Грин начинает свою повесть с обобщения, правда, в отличие от По, достаточно лапидарно заявленного: «Опыт детектива показывает, что иногда в ходе расследования тайны одного преступления можно ненароком найти ключ к другому. Однако вряд ли когда-то это происходило при более непредсказуемых и интересных обстоятельствах, чем в том случае, о котором я сейчас хочу рассказать» [14]. Безымянный детектив, от лица которого ведется повествование, осенью 1881 г. выезжает из Вашингтона в западный Массачусетс, чтобы расследовать деятельность шайки фальшивомонетчиков (*counterfeiters*). Внимание вашингтонской тайной полиции привлек тот факт, что на почту городка Брэндон в Массачусетсе загадочному адресату с инициалами XYZ ежедневно приходят многочисленные письма. Установив слежку за адресатом таинственной корреспонденции, детектив случайно получает возможность ознакомиться с их содержанием. При этом его внимание привлекает записка в голубом конверте: «Все идет хорошо. Время пришло; все идет свои чередом, к верному успеху. Будь в кустарнике в северо-восточном углу площадки точно в 9 час вечера; тебе дадут маску и все необходимое, для достижения твоей цели. Мы застанем его врасплох. Слово, по которому ты сможешь опознать друзей, – Counterfeit (здесь: подставное лицо. – О. А.)» [15]. У местных жителей детектив узнает, что единственный дом, рядом с которым есть кустарник и площадка – это особняк местного богача Бенсона, приехавшего сюда два года назад из Бостона. У него двое детей, сын Хартли и дочь Эдит. Есть еще третий сын, но где он сейчас и чем занимается – никому неизвестно. Таким образом, и в этой повести явлена пара братьев, традиционно противопоставленных друг другу по степени добропорядочности.

Горожане судачат о том, что Бенсоны, никого и никогда не впускавшие в свой дом, ни с того ни с сего затеяли маскарад – развлечение, абсолютно чуждое для уклада пуританской Новой Англии: «Грех закрывать лицо маской и наряжаться в причудливые одежды» [16]. Проявив чудеса изобретательности, детектив проникает в дом Бенсонов, заручается доверием миллионера-отца семейства и получает приглашение на закрытую вечеринку в качестве лица, обеспечивающего охрану. Следуя записке, детектив оказывается в нужное время в кустарнике, получает маску и желтое домино и далее фланирует в толпе гостей маскарада, которые принимают его за кого-то другого. Постепенно, из случайных реплик детектив складывает мозаику семейной тайны. Сначала он становится невольным участником дьявольской интриги, которую подстраивает Хартли Бенсон, по видимости – вполне добропорядочный человек, а на самом деле изощренный негодяй, оклеветавший брата перед отцом. Далее детектив становится свидетелем убийства Бенсона-отца, коварно подстроенного тем же Хартли. Таким образом, будучи совершенно посторонним в доме, детектив оказывается вовлечен в самую сердцевину преступной тайны, внесшей непоправимый разлад в семью Бенсонов. Стоит обратить внимание на то, как он отвечает на обвинения Хартли Бенсона в «подломе» проникновении в частный дом, в подслушивании и подглядывании: «Мистер Бенсон, Вы называете меня шпионом, я и есть шпион; но шпиона на службе Правительства США не так-то просто упрятать за решетку. Сэр, я детектив, связанный с Секретной Службой в Вашингтоне. Моя профессия состоит в том, чтобы вынюхивать преступления и распознавать мошенников под любым прикрытием» [17].

Купаясь в возможностях, которые предоставляют мнимые идентичности маскарада, Грин мастерски выстраивает сюжет повести, в которой сцена вечеринки, когда все персонажи скрыты под масками, а идентичности перепутаны, оказывается самой плодотворной в плане расследования – благодаря аналитическим способностям детектива-профессионала. Итак, семейный подлог разоблачен. А повесть кончается очаровательной иронической виньеткой: «Что же касается фальшивомонетчиков (*counterfeiters*), то их нашли и арестовали. Но без моего участия» [18].

Итак, с одной стороны, Грин стала несомненной продолжательницей национальной традиции. Воспроизводя, как и другие сочинительницы «домашней детективной прозы», отдельные структурные элементы новелл По, она вместе с тем уже в первых своих произведениях обрела собственный голос. От патриарха американского детектива ее отличало очевидное предпочтение романного жанра новеллистическому; местом, где совершались и расследовались преступления, у нее была Америка, а не Франция. Как и По, Грин использовала переходящий из произведения в произведение образ сыщика. Однако она не дает ему в сопровождающие исполненного восхищением хроникера, не начинает повествования с анекдотов, иллюстрирующих его незаурядные способности. У Эбenezера Грайса, которому А. К. Грин дала жизнь, конечно, есть своя литературная родословная, но восходит она, пожалуй, не к Эдгару По. С одной стороны, свойский, внешне вполне заурядный американский полицейский ничем не походит на французского аристократа Дюпена. С другой стороны, комплекс социальной неполноценности, которым наделяет Грин Грайса, вовсе не был характерен для служителей правосудия в демократических Соединенных

Штатах. Об этом, в частности, пишет А. Э. Мерч, со ссылкой на мемуары первого американского сыщика Алана Пинкертона [19], и связывает это с французским влиянием. В этом плане Грин ближе к французскому автору Эмилю Габорио (1832–1873), чьи книги были переведены в США за десять лет до её литературного дебюта.

Он и стал для Грин главным образцом для подражания. Его роман “L’affaire Lerouge” («Дело вдовы Леруж»), увидевший свет в 1863 г., очень скоро появился в США в пиратских изданиях. Габорио работал судебным репортером и привносил неприукрашенную правду жизни в свои «уголовные романы». В них он умело переплетал семейные скандалы, переодевания и убийства с криминалистическим анализом, отдавая должное современным научным открытиям. Все это мы обнаруживаем и у Грин. Скорее всего, именно у Габорио Грин переняла манеру дополнять текст планом помещения, где происходит действие. Быть может, важнейшее сходство – у обоих авторов детективы принадлежат к полицейским (государственным) структурам. Возможно, именно подражая Габорио, Грин тщательно следовала американским полицейским и законодательным процедурам. И этот «кинсайдерский» взгляд на работу полиции во многом способствовал коммерческому успеху ее книг у массового читателя.

Габорио, как известно, давал своим романам подзаголовок *le roman judiciaire*. То же самое сделала и Грин, дав роману «Дело Ливенвортов» подзаголовок “Lawyer’s Story” – «Рассказ адвоката». В следующем своем романе «Странное исчезновение» (A Strange Disappearance, 1880) повествование начинается с упоминания успешного «Дела Ливенвортов» и идет уже от лица молодого детектива Q, и, следовательно, – это уже и есть настоящая Detective’s Story – рассказ детектива, или детективная история. Подзаголовки, которые Грин давала своим первым произведениям – это, думается, не только дань Габорио, но, может быть, и желание паратекстуально выделить свои тексты на фоне множества других «женских романов».

Уже к рубежу XIX–XX вв. популярность Грин стала падать. Ее продолжали читать только преданные поклонники. Думается, это связано во многом с особенностями стиля писательницы. Он удивительно архаичен, даже для прозы XIX в. Тексты Грин отличает выспренность, мелодраматизм, неестественная формальность тона. Это чувствовали уже читатели-современники. Так, в рецензии на роман «Темная дыра» (Dark Hollow, 1914) журнал «Бостон Транскрипт» писал: «Зловещая серьезность тона, длинные предложения и ходульные фразы, которые романистка вкладывает в уста своим героям, начисто лишают роман правдоподобия» [20]. Манера изъясняться и у автора и персонажей не просто старомодна. В то время как современники Грин – М. Твен, У. Д. Хоуэллс, Г. Джеймс, Т. Драйзер и др. – стремились к тому, чтобы речь их персонажей была социально, этнически и культурно маркирована, Грин продолжала тиражировать то ли восходящую к сентиментализму мелодраматическую манеру дамских романов с их неизменными ампула и речевыми шаблонами, то ли современный ей юридический дискурс, столь же далекий от живого языка, как далека она и сегодня. Чем дальше, тем больше этот архаический дискурс приходил в противоречие с изобретательно выстроенным сюжетом и ослаблял то напряжение, под действие которого попадал читатель.

Видимо, есть своя закономерность в том, что опубликовав в 1923 г. свой роман «Ступенька лестницы», Грин перестала печататься. Со времени ее литературного дебюта динамично развивавшаяся детективная проза резко изменилась. Романы о расследованиях теряли популярность, уступая место новелле – жанру более компактному и более пригодному для журнального чтения, к которому все больше склонялся массовый читатель. Под напором новых исторических событий вышел из моды «домашний очаг» как центр, к которому тяготели основные события (в том числе и преступления) в «домашней детективной прозе» и многих викторианских романах. Наступала эра научного детектива.

Примечания

1. Грин А. К. Женщина, которая ходила во сне // Не только Холмс: Детектив времен Конан Дойля: антология / сост. А. Борисенко, В. Сонькин. М.: Иностранка, 2009.
2. Maida P. D. Mother of Detective Fiction. The Life and Works of Anna Katherine Green. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State Univ. Popular Press, 1989. Mallory M. The Mother of American Mystery: Anna Katharine Green // Mystery Scene. 2006. N 94. http://mysteryscenemag.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1867:the-mother-of-american-mystery-anna-katharine-green&catid=20:articles&Itemid=191
3. Anna Katharine Green [Obituary] // Publishers Weekly. N 127. 20 April 1935. P. 1599.
4. The Cambridge Companion to American Crime Fiction / Ed. By C. R. Nickerson. N. Y.: Cambridge univ. press, 2010. 190p.; Nickerson C. R. The Web of Iniquity: Early Detective Fiction by American Women. N. C.: Duke univ. press, 1998. 275 p.
5. The Cambridge Companion to American Crime Fiction / Ed. By C. R. Nickerson. N. Y.: Cambridge univ. press, 2010. 190 p.
6. Todorov Tz. The Poetics of Prose. Ithaca (N. Y.) Cornell University Press, 1977. P. 42–52.

7. Green A. K. The Leavenworth Case (1878). Ebook. Release Date: January 8, 2010 (Ebook #4047). Last updated: February 7, 2013. <http://www.gutenberg.org/files/4047/4047-h/4047-h.htm>
8. Ibid.
9. Christie A. An Autobiography. New York: Dodd, Mead, 1977. P. 147.
10. Цит. по: Maida P. D. Mother of Detective Fiction. The Life and Works of Anna Katherine Green. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State Univ. Popular Press, 1989. P. 4.
11. Mallory M. The Mother of American Mystery: Anna Katharine Green// Mystery Scene. 2006. N 94. http://mysteryscenemag.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1867:the-mother-of-american-mystery-anna-katharine-green&catid=20:articles&Itemid=191
12. Maida P. D. Mother of Detective Fiction. The Life and Works of Anna Katherine Green. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State Univ. Popular Press, 1989. P. 78.
13. Auden W. H. the Guilty Vicarage. Notes on the Detective Story, by an Addict// Auden W. H. The Complete Works: In 5 v. / Ed. By E. Mendelson. Princeton univ. press, 2002. V. 2. 1939-1948. P. 267.
14. Green A. K. XYZ: A Story Told by a Detective. New York: G. P. Putnam's Sons, 1883. Ebook. Release Date: September 10, 2010 (EBook #33695). <http://www.gutenberg.org/files/33695/33695-h/33695-h.htm>
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Ibid.
19. Murch A. E. The Development of the Detective Novel. London: Peter Owner Ltd, 1958. P. 161.
20. Цит. по: Maida P. D. Mother of Detective Fiction. The Life and Works of Anna Katherine Green. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State Univ. Popular Press, 1989. P. 53.

Notes

1. Green A. K. ZHenshchina, kotoraya hodila vo sne [Woman who was sleepwalking] // Ne tol'ko Holmes: Dektiv vremen Konan Dojlya: antologiya - Not only Holmes: Detective of Conan Doyle's time: an anthology / ed. A. Borisenko, V. Sonkin. M. Inostranka. 2009.
2. Maida P. D. Mother of Detective Fiction. The Life and Works of Anna Katherine Green. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State Univ. Popular Press, 1989. Mallory M. The Mother of American Mystery: Anna Katharine Green// Mystery of the Scene. 2006. N 94. http://mysteryscenemag.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1867:the-mother-of-american-mystery-anna-katharine-green&catid=20:articles&Itemid=191
3. Anna Katharine Green [Obituary]// Publishers Weekly. N 127. 20 April 1935. P. 1599.
4. The Cambridge Companion to American Crime Fiction/ Ed. By C. R. Nickerson. N. Y.: Cambridge univ. press, 2010. 190p.; Nickerson C. R. The Web of Iniquity: Early Detective Fiction by American Women. N. C.: Duke univ. press, 1998. 275 p.
5. The Cambridge Companion to American Crime Fiction/ Ed. By C. R. Nickerson. N. Y.: Cambridge univ. press, 2010. 190 p.
6. Todorov Tz. The Poetics of Prose. Ithaca (N.Y.) Cornell University Press, 1977. Pp. 42-52.
7. Green, A. K. The Leavenworth Case (1878). Ebook. Release Date: January 8, 2010 (Ebook #4047). Last updated: February 7, 2013. <http://www.gutenberg.org/files/4047/4047-h/4047-h.htm>
8. Ibid.
9. Christie A. An Autobiography. New York: Dodd, Mead, 1977. P. 147.
10. Cit. by: Maida P. D. Mother of Detective Fiction. The Life and Works of Anna Katherine Green. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State Univ. Popular Press, 1989. P. 4.
11. Mallory M. The Mother of American Mystery: Anna Katharine Green// Mystery of the Scene. 2006. N 94. http://mysteryscenemag.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1867:the-mother-of-american-mystery-anna-katharine-green&catid=20:articles&Itemid=191
12. Maida P. D. Mother of Detective Fiction. The Life and Works of Anna Katherine Green. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State Univ. Popular Press, 1989. P. 78.
13. W. H. Auden the Guilty Vicarage. Notes on the Detective Story, by an Addict// W. H. Auden, The Complete Works: In 5 V. / Ed. By E. Mendelson. Princeton univ. press, 2002. V. 2. 1939-1948. P. 267.
14. Green A. K. XYZ: A Story Told by a Detective. New York: G. P. Putnam's Sons, 1883. Ebook. Release Date: September 10, 2010 (EBook #33695). <http://www.gutenberg.org/files/33695/33695-h/33695-h.htm>
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Ibid.
19. A. E. Murch The Development of the Detective Novel. London: Peter Owner Ltd, 1958. P. 161.
20. Cit. by: Maida P. D. Mother of Detective Fiction. The Life and Works of Anna Katherine Green. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State Univ. Popular Press, 1989. P. 53.

Способы выражения концепта «путешествие/travel/səyahət» в английской и азербайджанской лингвокультурах

В данной статье произведена попытка определить границы концепта «*nyumeshchestvie/travel/səyahət*» в современном английском и азербайджанском языках путем выделения лексем-репрезентантов. Для этого используются толковые, синонимические и антонимические, а также фразеологические словари. По результатам исследований выяснилось, что лексем-репрезентантов концепта «*nyumeshchestvie/travel/səyahət*» в английском языке больше, чем в азербайджанском. Это объясняется тем, что Англия, нежели Азербайджан, развивалась ускоренными темпами. Новые открытия, новые средства и способы передвижения предполагают возникновение новых лексических единиц для их описания. Подобное многообразие лексических единиц, выражающих анализируемый концепт, говорит о его актуальности для носителей азербайджанского, а особенно английского языка. Невозможно показать полное многообразие лексем, репрезентирующих концепт «*nyumeshchestvie/travel/səyahət*», так как с ними рядом могут находиться другие лексемы, представляющие пограничные концептуальные области, которые сложно четко классифицировать. Сфера функционирования концепта «*nyumeshchestvie/travel/səyahət*» постоянно растет, включая в себя все новые и новые концепты, репрезентируемые новыми лексическими единицами.

In this article an attempt is made to define the boundaries of the concept «*nyumeshchestvie/ travel / səyahət*» in modern English and Azerbaijani languages by significating the lexical representants. For this purpose we have used monolingual, synonymous, antonymous and idiomatic vocabularies. The survey shows that the number of the lexical representants of the concept «*nyumeshchestvie/ travel / səyahət*» in English predominates. This is explained by the fact that England has evolved rapidly than Azerbaijan. New discoveries, new means and methods of movement suggest the emergence of new lexical units to describe them. This diversity of lexical units expressing the analyzed concept shows its relevance to the Azerbaijani, and especially to the English language. It is impossible to display a complete variety of the tokens that represent the concept of «*nyumeshchestvie/ travel / səyahət*», since next to them may be other tokens representing conceptual border areas that are difficult to classify. The functioning of the concept «*nyumeshchestvie/ travel / səyahət*» is constantly growing, including new concepts, represented by new lexical units.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура.

Keywords: concept, linguistic culture.

В настоящее время проблематика национально-культурного своеобразия фразеологической системы языка является предметом исследования многих лингвистов. Повышенное внимание к проблеме соотношения языка и культуры в последние годы обусловлено новым импульсом развития складывающейся сейчас антропологической парадигмы современной лингвистики.

Новые подходы к выявлению национально-культурных особенностей фразеологизмов развиваются в рамках лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, которые в настоящее время относятся к наиболее интенсивно развивающимся лингвистическим направлениям.

Лингвокультурологический подход к изучению фразеологии «ориентирует исследователя на изучение соотношения фразеологизмов и знаков культуры и актуализирует значение системы эталонов, стереотипов, символов и т. п. для описания культурно-национальной специфики фразеологической системы» [1].

В рамках этого подхода В. Н. Телия понимает глубинный смысл наличия фразеологии «в системе любого языка как способность фразеологизмов выступать в роли экспонентов культурных знаков, не только синхронно включаясь в действующую систему культурно-национального миропонимания, но и транслируя ее фрагменты из поколения в поколение, участвуя тем самым в формировании миропонимания, как отдельной языковой личности, так и всего языкового коллектива» [2].

При рассмотрении национально-культурной специфики фразеологизмов важное место занимают проблемы анализа во фразеологическом аспекте концептов как «структур национального сознания, единых для всех представителей данного социума» [3]. Теорию культурных концептов разрабатывают также А. Вежбицкая [4] и Ю. С. Степанов. Ю. С. Степанов понимает концепт как «сгусток культуры, в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [5].

Поскольку именно ценностная картина мира, концептосфера национального языка признается в лингвокультурологии стержнем духовной культуры, одной из важнейших задач стано-

вится выявление и анализ ее ключевых терминов, важнейших в миропонимании носителей языка. В лингвострановедении ключевые слова понимались как типичные, наиболее значимые слова той или иной эпохи. В аспекте лингвокультурологии «ключевые слова культуры творчески формируют картину мира, оставаясь неизменяемыми даже при глобальной смене мировоззрений, так как они непосредственно связаны с системой наиболее общих миропредставлений человека» [6]. Привлечение фразеологического материала, рассмотрение внутренней формы фразеологизма в качестве ключа к пониманию содержания того или иного концепта культуры является характерной чертой лингвокультурологических исследований.

Путешествие же относится к базовым элементам культуры, имеющим всеобщий характер, и являющимся, таким образом, одним из компонентов картины мира английского и азербайджанского народов. «Путешествие является одним из значимых концептов культуры, так как он непосредственно связан с такими основополагающими, составляющими основу картины мира понятиями, как движение, время и расстояние, что способствует его метафоризации» [7].

В данной статье мы попытаемся определить границы концепта «*путешествие/travel/səyahət*» в современных английском и азербайджанском языках, выделив группы лексем-репрезентантов.

Для определения значения лексемы *travel*, репрезентирующей концепт *travel*, мы выявили антонимы для данной лексемы в обоих языках с тем, чтобы найти релевантные признаки путешествия. В английском языке “*travel*” противопоставляется “*stay in place*”, в азербайджанском языке слову “*səyahət*” соответствует “*evdə qalmaq*”. Таким образом, мы видим, что в обоих языках существенным дифференциальным признаком является «непокидание дома», при этом обращает на себя внимание ключевая роль дома как отправной точки в обеих лингвокультурах.

Для выявления лексем-репрезентантов, характеризующих концепт «путешествие» в современном английском и азербайджанском языке, мы воспользовались толковыми словарями, словарями синонимов.

Заглянув в словари английского и азербайджанского языков, мы нашли такое определение понятий “*travel/səyahət*”:

Travel – 1 [INTRANSITIVE, TRANSITIVE] *to go from one place to another, especially over a long distance* 2 [INTRANSITIVE] (+ *adverb/preposition*) *to go or move at a particular speed, in a particular direction, or a particular distance* 3 [INTRANSITIVE] (OF FOOD, WINE, AN OBJECT, ETC.) *to be still in good condition after a long journey.* 4 [INTRANSITIVE] (+ *adverb/preposition*) (OF A BOOK, AN IDEA, ETC.) *to be equally successful in another place and not just where it began.* 5 [INTRANSITIVE] *to go fast.* 6. [INTRANSITIVE] (in basketball) *to move while you are holding the ball, in a way that is not allowed* [8].

В азербайджанском толковом словаре А. Оруджева дается такое толкование слова *səyahət*:

Səyahət – müəyyən məqsədlə (elmi, bir erlə tanışlıq, idman və s.) ayaqla, və miniklə yaşadığı yerdən uzaqlara getmə, səfər etmə [9].

Как мы видим, в английском языке слово *travel* является многозначным, оно используется во многих областях человеческой деятельности (спорт, питание, книги и т. д.). В азербайджанском же языке слово *səyahət* не имеет столь широкого толкования, как в английском языке, оно используется для обозначения передвижения из одной точки в другую пешком либо на авто.

Данный концепт очень важен для обеих культур. Именно этим и объясняется наличие такого большого количества синонимов в обоих языках. Синонимические словари обоих языков помогли нам составить синонимические ряды понятия «путешествие» в английском и азербайджанском языках.

Для английского слова «путешествие» мы нашли следующие варианты: *travel, travelling, journey* (преимущественно сухопутное), *voyage* (морское или воздушное), *trip, tourism, excursion, expedition, jump, locomotion, peregrination* (книжное странствовать), *progress* (редкое выражение), *tour, trek, visit, wandering, wayfaring, jaunt, seafaring, sail sing* (по воде), *a change of scenery, perdition* (книжное шутливое), *cruise* (морское путешествие), *hop* (полет на самолете), *the road* (сленг), *schlep* (сленг), *shlep* (сленг).

Доминантой для английского синонимического ряда является слово *travel*. Именно оно является стилистически нейтральным и наиболее употребительным, в то время как остальные слова обладают либо стилистическими, либо семантическими особенностями.

Следует отметить, что для обозначения понятия «путешествие» в английском языке мы можем найти 27 слов.

Тем временем в азербайджанском языке для обозначения данного понятия можно найти всего 11 слов: *səfər, səyahət, səyahətçilik, səyahliq, tənəzzöh, yol, xarici səyahət, dəniz səyahəti* (морское или воздушное), *səyahətnamə, araşdırılıq, turizm*.

Доминантой для данного синонимического ряда является слово *səyahət*. Именно оно в азербайджанском языке может быть соотнесено со словом *travel* в английском языке.

Такая разница в количественном отношении лексических единиц для описания понятия «путешествие» в английском языке объясняется, вероятнее всего, тем, что Англия развивалась ускоренными темпами в отличие от Азербайджана. Новые открытия, новые средства и способы передвижения предполагают возникновение новых лексических единиц для их описания. Это многообразие лексических единиц, выражающих концепт «путешествие», говорит о его актуальности для носителей азербайджанского, а особенно английского языка.

Привычное нашему сознанию разделение пространства на три сферы – земля, вода, воздух – должно быть дополнено еще одним направлением путешествий – «космическим» (*space-travel, kosmos səfəri*). Освоение космического пространства, бурное развитие данной отрасли нашло отражение в сравниваемых нами языках (англ.: *space -ship, space-port, space-flight, space-shuttle, space-station, space-craft, spaceman, space-carrier*; азерб.: *kosmik gəmi, kosmik uçuş, kosmik servis, kosmik-stansiyası, kosmik aparatlar, kosmonavt*). Однако следует отметить, что такого разнообразия лексем для обозначения космических путешествий, как в английском языке, в азербайджанском не наблюдается. Это объясняется тем, что космическая наука на Западе ушла далеко вперед, по сравнению с развитием данной отрасли в Азербайджане.

Важные для человеческого сознания аспекты путешествий послужили основой для появления лексем, отражающих данные аспекты. Так, помимо лексем нейтральных значений, отражающих путешествие вообще (англ.: *journey, trip, travel*; азерб.: *səyahət, səfər*), мы можем видеть дифференциацию поездок, в которых отражена оппозиция «отдых/работа». Мы можем выделить группу развлекательных путешествий (англ.: *outing, joy-ride, stroll, jaunt, saunter, ramble*; азерб.: *gezinti, cövlan etmək*), а также группу путешествий, связанных с работой (англ.: *business trip, errand, duty*; азерб.: *business səfər, ezamiyyət*), что является отличительной чертой развития культуры путешествий в наше время.

Особняком стоит лексема *tourism/turizm*, так как она представляет другой сложный концепт – «туризм», который сам по себе является многогранным явлением, к которому приближены такие концептуальные области, как досуг (англ.: *leisure*; азерб.: *asudə*), развлечения (англ.: *entertainment*; азерб.: *əyləncə*), спорт (англ.: *sport*; азерб.: *idmançılıq*), границы между которыми размыты.

Нам кажется невозможным показать полное многообразие лексем, репрезентирующих концепт «путешествие/*travel/səyahət*», так как с ними рядом могут находиться другие лексемы, представляющие пограничные концептуальные области, которые сложно четко классифицировать. Сфера функционирования концепта «путешествие *travel/səyahət*» постоянно растет, включая в себя все новые и новые концепты, репрезентируемые новыми лексическими единицами.

Примечания

1. Кириллова Н. Н. Предметы и методы исследования идиоэтнической фразеологии. Л., 1998. С. 18.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 308.
3. Шаховский В. И., Панченко Н. Н. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 285–288.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков (грамматическая семантика, ключевые концепты культур, сценарии поведения). М., 1999.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 40.
6. Постовалова В. И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А. Ф. Лосевым // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 207–214.
7. Ма Т. Ю. Национальное самосознание в контексте языка и культуры: на материале американского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. С. 37.
8. Advanced Learner's Dictionary of Current English: Sixth edition. Oxford: Oxford University Press, 2000. 1541 с.
9. Оруджев А. Русско-азербайджанский словарь. Баку: Ин-т лингвистики, 1990.

Notes

1. Kirillova N. N. Predmety i metody issledovaniya idioetnicheskoj frazeologii [Subjects and methods of study idioethnic phraseology]. L. 1998. P. 18.
2. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic, and linguistic and cultural aspects]. M. Languages of Russian culture. 1996. P. 308.
3. Shakhovskiy V. I., Panchenko N. N. Nacional'no- kul'turnaya specifika koncepta «obman» vo frazeologicheskom aspekte [National- cultural specificity of the concept of "deception" in phraseological aspect] // Frazеologiya v kontekste kul'tury - Phraseology in the context of culture. M. 1999. Pp. 285-288.

4. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov (grammaticheskaya semantika, klyuchevye koncepty kul'tur, scenarii povedeniya) [Semantic universals and description of languages (grammatical semantics, the key concepts of cultures, behaviour scenarios)]. M. 1999.

5. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya [Constant. Dictionary of Russian culture. Experience of research]. M. Languages of Russian culture. 1997. P. 40.

6. Postovalova V. I. Sud'ba kak klyuchevoe slovo kul'tury i ego tolkovaniye A. F. Losevym [Fate as a keyword of culture and its interpretation by A. F. Losev] // Ponyatie sud'by v kontekste raznyh kul'tur - Concept of fate in the context of different cultures. M. 1994. Pp. 207-214.

7. Ma T. Y. Nacional'noye samosoznanie v kontekste yazyka i kul'tury: na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk [National identity in the context of language and culture: on the material of American English: dis. ... Cand. of Philology]. M. 2001. P. 37.

8. Advanced Learner's Dictionary of Current English: Sixth edition. Oxford: Oxford University Press. 2000. 1541 p.

9. Orudzhev A. Russko- azerbajdzhanskij slovar' [Russian- Azerbaijani dictionary]. Baku. Institute of linguistics. 1990.

УДК 378.147:81

Л. Х. Шарипова

Анализ словарных лексем “true/lie” в англоязычных лексикографических источниках

Словарная статья представляет собой самостоятельный тип текста, обладающий специфической структурой и содержанием. Н. А. Красавский справедливо отмечает, что словарная статья вербально фиксирует «алфавит идей», биографические данные того или иного понятия, мыслительных образований и, следовательно, в целом историю развития человеческой цивилизации. Именно в словарных статьях в сжатом виде представлены результаты освоения носителями того или иного этноса объективного и субъективного мира.

The entry represents the independent text type possessing specific structure and the contents. N. A. Krasavsky fairly notes that the entry verbally fixes "the alphabet of ideas", biographic data of this or that concept, cogitative educations and, therefore, in general history of development of a human civilization. In entries results of development are in summary form presented by carriers of this or that ethnos of the objective and subjective world.

Ключевые слова: статья, лексема, английский язык, анализ.

Keywords: the article, lexeme, English, analysis.

В современном словаре “Longman Dictionary of the English Language and Culture” (LDELС) лексема truth имеет следующее толкование:

1. The true facts about something, rather than what is untrue, imagined, or guessed.

Первое номинативное значение лексемы truth определяется как «подлинные факты относительно чего-либо, в большей степени, чем неверного, воображаемого или предполагаемого». Выделяются следующие признаки: 1) правда; 2) истина; 3) неложь; 4) факт [1].

Как отмечалось выше, для лингвокультурологического анализа важны языковые иллюстрации ключевого слова [2]. Рассмотрим значение данной лексемы на следующих иллюстративных примерах:

She'd come to find out the truth about her family (признак – правда понимается как факты о чем либо).

In the end she was forced to reveal the truth (признак – правда в значении истины).

How do we know you're telling the truth? (признак – правда в значении неложь).

You can't punish a man for speaking the truth (признак – правда).

The way he was looking at her, it was obvious he knew the truth (признак – истина).

I'll get the truth out of him somehow (признак – правда).

The plain truth is that you'll never get to university (признак – факт).

He began to realize the awful truth about her past (признак – истина).

2. Из анализа второго номинативного значения лексемы truth рассматриваемой словарной статьей “being true [uncountable] the state or quality of being true” следует, что эта лексема опреде-

ляется как «качество или свойство чего-либо подлинного». Выделяется следующий признак лексемы: 1) правда / подлинность / истина / достоверность. Рассмотрим иллюстрацию данной лексемы в примере: *There was some truth in the accusations* (признак – достоверность).

3. Третье номинативное значение “Important ideas [countable, usually plural] form an important fact or idea that is accepted as being true” данная словарная статья определяет как «важные идеи, представления; формально – важный факт или мысль, признанные достоверными». Здесь выделяется признак: 1) факты. Например:

The experience has taught us some basic truths (признак – факты).

It is in his interest to hide unhappy truths about his agency's performance (признак – факты).

Словарь “Longman Dictionary of the English Language and Culture” предлагает 8 значений лексемы “truth”. Значения, рассмотренные выше, выражены существительным в исходном языке и представляют собой базовые значения. Остальные 5 значений представляют собой словосочетания или устойчивые выражения [3]. Рассмотрим их:

4. *In truth / in fact [= really] – «действительно / в действительности».*

Early independence leaders were in truth little better than rebels (признак – факт).

5. *If (the) truth be known/told used when telling someone the real facts about a situation, or your real opinion.* В данном сочетании лексема “truth” употребляется в случаях передачи информации относительно ситуации или вашего мнения: *If the truth be known, I felt a little left out at school* (признак – правда).

Аналогичным является шестое значение рассматриваемой лексемы:

6. *To tell (you) the truth (spoken) used when giving your personal opinion or admitting something – (разг.) применяется в случаях выражения собственного мнения или признания чего-либо.*

To tell the truth, I was frightened to death (признак – признание).

7. *Nothing could be further from the truth used to say that something is definitely not true – употребляется в случаях, когда что-либо определенно не является правдой. Номинативным признаком лексемы truth в данном случае является признак «правда» [4].*

8. *The truth will out old-fashioned used to say that even if you try to stop people from knowing something, they will find out in the end – (стар.) данное устойчивое сочетание обозначает неизбежность раскрытия правды, не важно, как тщательно она бы ни скрывалась. Признаком рассматриваемой лексемы в данном случае является также признак «правда».*

Таким образом, в словаре “Longman Dictionary of the English Language and Culture” выделяются следующие значения лексемы truth:

1) правда;

2) истина;

3) неложь;

4) факт;

5) достоверность;

6) подлинность;

7) признание ч.-л. или в ч.-л.

Рассмотрим толкование лексемы truth в словаре “Collins COBUILD English Dictionary” (CCOBUILDED).

1. В первом номинативном значении “the truth about something is all the facts about it, rather than things that are imagined or invented” лексема truth понимается как совокупность фактов о чем-либо.

I must tell you the truth about this business (признак – правда).

The truth of the matter is that we had no other choice (признак – правда).

In the town very few know the whole truth (признак – правда).

2. Во втором номинативном значении “If you say that there is some truth in a statement or story, you mean that it is true, or at least partly true” рассматриваемая лексема понимается как достоверность / подлинность информации.

There is no truth in this story (признак – правда).

Is there any truth to the rumors? (признак – правда).

3. Следующее значение «a truth is something that is believed to be true» понимается как общепринятый факт [5].

It is an almost universal truth that the more we are promoted in a job, the less we actually exercise the skills we initially used to perform it (признак – факт).

Четвертое, пятое и шестое значения лексемы truth представляют собой устойчивые сочетания, в большей степени тождественные с рассмотренными выше сочетаниями в словаре “Longman Dictionary of the English Language and Culture”.

4. Home truth; moment of truth – горькая правда; момент истины. Очевидными признаками лексемы truth в иллюстративных примерах являются: 1) правда; 2) истина.

5. You say in truth in order to indicate that you are giving your honest opinion about something. На уровне фразового единства лексема truth понимается как правдивое мнение относительно чего-либо.

In truth, we were both unhappy (признак – мнение).

6. You say to tell you the truth or truth to tell in order to indicate that you are telling someone something in an open and honest way, without trying to hide anything. Значения данных выражений понимаются как «открытое» выражение признания относительно какой-либо информации или события без сокрытия деталей. Данные сочетания объединены одним общим признаком: 1) признание.

To tell you the truth, I was afraid to see him (признак – признание).

Таким образом, в словаре выделяются следующие значения лексемы truth:

- 1) правда;
- 2) факт;
- 3) истина;
- 4) мнение;
- 5) признание [6].

Аналогичные лексические значения и номинативные признаки лексемы truth были выделены при анализе статей таких словарей, как “Oxford Student’s Dictionary of Current English”, “Webster’s Third New International Dictionary of the English Language” и “Macmillan English Dictionary for Advanced Learners”.

Итак, проанализировав словарные статьи англоязычных лексикографических источников, мы выявили 8 номинативных значений лексемы “truth”:

- 1) правда;
- 2) истина;
- 3) неложь;
- 4) факт;
- 5) достоверность;
- 6) подлинность;
- 7) признание ч.-л. или в ч.-л.;
- 8) мнение.

Несколько иной представляется проблема функционирования лексемы lie в английском языке. Lie – многозначное слово, у которого в разных словарях выделяются несколько значений, лишь одно из которых является антонимичным по отношению к лексеме truth. В современном словаре “Longman Dictionary of the English Language and Culture” (LDELС) лексема lie имеет следующее толкование:

1. В первом значении “something that you say or write that you know is untrue” [countable] лексема lie обозначает что-либо изложенное устно или письменно как заведомо ложное. Выделяются следующие признаки лексемы: 1) ложь / неправда; 2) оправданная ложь;

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие данную лексему:

I told her a lie about what I was doing (признак – ложь).

I always know when he's telling lies (признак – ложь).

Those little white lies that we all tell (признак – оправданная ложь) [7].

Остальные значения лексемы представляют собой варианты базового значения (lie – ложь) и являются устойчивыми сочетаниями, содержащими лексему lie. Рассмотрим их:

2. Give the lie to something (formal). Данное устойчивое сочетание определено как “to show that something is untrue” – указание на недостоверность положения дел или вещей. На уровне фразового единства выделяются следующие признаки: 1) уличение; 2) раскрытие правды.

This report gives the lie to the company's claims (признак – раскрытие правды).

3. The lie of the land/ the way the land lies. Третье значение “the way that a situation is developing at a particular time” определяется как положение дел. Значение данного устойчивого сочетания не имеет ничего общего с исследуемыми концептами «правда / ложь и truth / lie», следовательно не подлежит рассмотрению [8].

4. (I) tell a lie [BE spoken]. Used when you realize that something you have just said is not correct. Значение данного сочетания определяется как представление ошибочных сведений. Выделяются следующие признаки: 1) оговорка; 2) ошибка.

It was £25, no, tell a lie, £35 (признак – ошибка).

Таким образом, в данном словаре мы выделили следующие номинативные значения лексем lie:

- 1) ложь / неправда;
- 2) оправданная ложь;

- 3) уличение;
- 4) раскрытие правды;
- 5) оговорка;
- 6) ошибка [LDELС].

Словарь "Oxford Student's Dictionary of Current English" предлагает аналогичные трактовки рассматриваемой лексики:

1. "An intentionally false statement". Данное значение определяется как намеренно ложное утверждение:

а) "used with reference to a situation involving deception or founded on a mistaken impression". В этом случае лексема lie применяется относительно ситуаций, в которых имеет место обман или основанных на ложном представлении. Выделяются следующие признаки лексики: 1) ложь; 2) обман; 3) обманчивое представление.

All their married life she had been living a lie (признак – обман).

The whole thing is a pack of lies (признак – ложь).

Итак, согласно словарным статьям рассмотренного источника мы выделяем три признака лексики lie:

- 1) ложь;
- 2) обман;
- 3) обманчивое представление.

Дефиниции лексики lie являются идентичными в других толковых словарях английского языка, таких, как "Webster's Third New International Dictionary of the English Language" [9] и "Macmillan English Dictionary for Advanced Learners".

Таким образом, проанализировав словарные статьи англоязычных лексикографические источники, мы выделили следующие номинативные значения признаки лексики lie, а именно:

- 1) ложь / неправда;
- 2) оправданная ложь;
- 3) уличение;
- 4) раскрытие правды;
- 5) оговорка;
- 6) ошибка;
- 7) ложь;
- 8) обман;
- 9) обманчивое представление.

Мы можем сделать вывод о том, что в английской языковой культуре отношение к правде неоднозначно: с одной стороны, истина и правда – ценность, которую невозможно переоценить, цель, к которой стремятся, с другой стороны, истина и правда – неприятность, которая причиняет боль, мешает жить. Однако отношение к истине и правде, более к правде, эмоционально окрашено ярче. Наличие в тематическом поле концепта таких фразеологических единиц, как излить душу, открыть душу, душа нараспашку, разговаривать по душам, подтверждает важность этого концепта для носителей английской языковой культуры.

Примечания

1. Худяков А. А. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996.
2. Береснев Л. Ф. Терминологическая фразеология // Вопросы частной лингвистики: тр. каф. ин. яз. Свердловск: Изд-во Свердл. гос. мед. ин-та, 1960.
3. Зимняя И. А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
4. Collins COBUILD English Dictionary. London: Macmillan Press, 1998. 1008 p.
5. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Информационные процессы и системы. М., 1992.
6. Зимняя И. А. Указ. соч.
7. Longman Dictionary of the English Language and Culture. London: Pearson, 2005. 1620 p.
8. Collins COBUILD English Dictionary. London: Macmillan Press, 1998. 1008 p.
9. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. UK: Merriam-Webster, 1998. 1664 p.

Notes

1. Khudyakov A. A. Konzept i znachenie [Concept and the value] // YAzykovaya lichnost': kul'turnye koncepty - Linguistic identity: cultural concepts. Volgograd, Arkhangelsk. Peremena. 1996.
2. Beresnev L. F. Terminologicheskaya frazeologiya [Terminological phraseology] // Voprosy chastnoj lingvistiki: tr. kaf. in. yaz.- Issues of private linguistics, proc. of Dept. foreign lang. Sverdlovsk. Publishing house of Sverdlovsk State Med. Institute. 1960.

3. Zimnyaya I. A. Sposob formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya [The method of forming and formulating thoughts as the reality of linguistic consciousness] / YAzyk i soznanie: paradoxal'naya racional'nost' - Language and consciousness: paradoxical rationality. M. 1993.
4. Collins COBUILD English Dictionary. London. Macmillan Press. 1998. 1008 p.
5. Frumkina R. M. Konceptual'nyj analiz s tochki zreniya lingvista i psihologa [Conceptual analysis from the point of view of the linguist and psychologist] // Informacionnye processy i sistemy - Information processes and systems. M. 1992.
6. Zimnyaya I. A. Op. cit.
7. Longman Dictionary of the English Language and Culture. London. Pearson. 2005. 1620 p.
8. Collins COBUILD English Dictionary. London. Macmillan Press. 1998. 1008 p.
9. Merriam- Webster's Collegiate Dictionary. UK. Merriam- Webster. 1998. 1664 p.

УДК 811.111'374

А. Е. Евтушевская

Фиксация базовых цветоименований и их лексикографическое описание в словарях различных типов

Статья посвящена исследованию особенностей отражения базовых цветоименований в современных словарях английского языка различных типов. Рассматриваются гипотеза языковой относительности, или концепция Сепира – Уорфа и теория Берлина – Кея об универсальном характере эволюции цветоименований. Проводится глубокий анализ базовых цветоименований цвета на уровне мега-, макро- и микро-структуры словарей различных типов. Рассматриваются организация и структура словарных статей, посвященных цветоименованиям. Микроструктура для цветоименований цвета в анализируемых словарях следующая: заглавное слово, фонетическая транскрипция, дополнительная семантико-функциональная характеристика (ДСФХ), толкование и вербальные иллюстрации. В результате анализа было показано, что базовые цветоименования в данных справочниках представлены достаточно полно, причем наиболее качественную лексикографическую разработку они получают в словаре Longman Dictionary of English Language and Culture.

The paper deals with the peculiarities of basic colour terms representation in modern English dictionaries of different types. The linguistic relativity hypothesis (Sapir-Whorf hypothesis) and Berlin and Kay's theory of colour universals are analyzed. The article gives the profound analysis of basic colour categories in terms of dictionary mega-, macro- and microstructure. The organization and structure of basic colour terms dictionary entries are under study. The microstructure consists of the following components such as headword (lemma), phonetic transcription, semantic and functional sub-comment, definition and verbal illustrations. Our analysis shows that basic colour terms representation is quite complete, the most profound entry treatment being given in Longman Dictionary of English Language and Culture.

Ключевые слова: базовые цветоименования, лингвоцветовая картина мира, мега-, макро- и микро-структура словаря.

Keywords: basic colour terms, linguistic colour picture of the world, dictionary mega-, macro- and micro-structure.

Проблема цвета издавна привлекает исследователей как естественных, так и гуманитарных наук. В XXI в. изучение цветоименований (далее – ЦИ) становится одним из актуальных направлений лингвистических исследований. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, понятие «цвет» связано с многообразием окружающего нас мира и присутствует практически во всех сферах жизнедеятельности человека, с другой стороны, оно связано с особенностями мышления человека и его языковой картиной мира [1]. Так, Н. М. Охрицкая определяет цвет как «универсальную ментальную категорию», которая характеризует свойства объектов материального мира, воспринимаемых через зрительные ощущения и получающих свое выражение в языке через цветоименования цвета. ЦИ представляют собой организованную и динамическую систему, способную к саморазвитию в разных направлениях: в плане цветоименования цветов и оттенков в разных сферах человеческой деятельности, в плане морфологической и семантической деривации [2].

С. Г. Тер-Минасова отмечает, что окружающий человека мир представлен в трех формах: реальная картина мира, культурная (понятийная, концептуальная) картина мира, языковая картина мира [3]. **Реальная картина мира** – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окру-

жающий человека. **Культурная (понятийная, концептуальная) картина мира** – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное. Культурная картина мира специфична и различается у разных народов. Это обусловлено многими факторами: географией, климатом, природными условиями, историей, социальным устройством, верованиями, традициями, образом жизни и т. п. [4] Языковую картину мира рассматривают как важную составную часть культурной (концептуальной) картины мира. **Языковая картина мира** определяется как система представлений, отраженная в языке [5].

Национальная культурная картина мира гораздо богаче, чем языковая картина мира, но ведь именно язык реализует, вербализует, хранит и передает ее из поколения в поколение. У разных народов эти картины будут различаться также и своими красками. Так, русским словам *синий* и *голубой* соответствует лишь одно слово *blue* в английском языке, при этом и русскоязычные, и англоязычные люди смотрят на один и тот же кусочек спектра. Несомненно, англичане видят все доступные человеческому глазу оттенки цвета и обозначают их следующим образом: *dark blue* [синий, темно-синий], *navy blue* [темно-синий], *sky blue* [голубой, лазурный], *pale blue* [светло-голубой] [6].

Система концептов цвета, составляющих концептосферу цвета, демонстрирует собой **цветовую картину мира** и является совокупностью представлений и знаний о цвете и средством ориентирования человека в окружающем мире. **Лингвоцветовая картина мира** представляет собой совокупность концептов цвета, получивших экспликацию лексическими средствами, имеющими в своей семантике элемент цветообозначения. Лингвоцветовая картина мира является важной частью языковой картины мира. Именно в форме цветообозначений она реализуется в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах [7]. Языковое выражение и членение цветового пространства во многом отличаются в разных языковых системах, что позволяет нам говорить о национальной специфике лингвоцветовых картин мира. Природно-климатические, культурно-исторические и социальные факторы оказывают огромное влияние на весьма значительные расхождения в членении различными этносами лингвоцветовой картины мира.

Как известно, цвет окружен системой ассоциаций, смысловых значений, символов, толкований и становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей [8]. В разных культурах имеются не только универсальные черты, но и огромные отличия в цветовосприятии и названии цветов. Это связано с различиями в картинах мира представителей разных культур, со сложившимися географическими, климатическими, религиозными, культурно-историческими и многими другими особенностями.

Таким образом, культурная (понятийная, концептуальная), языковая, цветовая и лингвоцветовая картины мира тесно взаимосвязаны, постоянно взаимодействуют и восходят к реальному миру, окружающему человека (к реальной картине мира).

При всем многообразии подходов и направлений ЦН остаются недостаточно изученными, разработанными и систематизированными в лексикографическом и культурологическом аспектах. В связи с этим цель данной работы состоит в выявлении основных особенностей фиксации базовых наименований цвета в авторитетных английских словарях для учебных целей.

В первой половине XX в. была сформулирована гипотеза языковой относительности, или концепция Сепира – Уорфа. Согласно этой гипотезе окружающий человека мир мыслится и воспринимается им по законам функционирования того языка, который является для него средством общения [9]. В связи с этим восприятие цветов людьми непосредственно зависит от того набора цветообозначений, которым располагает их язык.

Цветообозначения экзотических языков считаются наиболее ярким примером, подтверждающим гипотезу Сепира – Уорфа. Системы цветообозначений этих языков во многом отличаются от большинства европейских языков. Отмечается как разница в общем количестве цветообозначений в разных языках, так и неравномерность распределения названий цветов по категориям. Многие ученые (Ф. Н. Шемакин, С. Г. Тер-Минасова и др.) полагают, что количество ЦН, а также членение цветового спектра в разных языках зависят как от практической потребности людей отличать цвета друг от друга и давать им обозначения, так и от того, как часто те или иные цвета встречаются в окружающем человека мире. Существенные различия в членении окружающего мира и цветового континуума исследователи объясняют разными условиями жизни и труда людей и вытекающей отсюда практической необходимостью в более детализированном или, наоборот, в более обобщенном отражении действительности в языке [10].

Сторонники лингвистического универсализма, напротив, пытаются выявить общие закономерности в эволюции терминов цвета в разных языках. Фундаментальная работа американ-

ских ученых Б. Берлина и П. Кея «Базовые цветоименования: их универсальность и эволюция» появилась в 1969 г. и является образцом систематического описания лексической группы слов. Исследовав 98 языков мира, ученые выделили группу «базовых» (основных), универсальных для всех языков цветообозначений и описали эволюцию их развития. Базисные положения сторонников данного подхода сводятся к следующему:

1. Цвет представляет собой семантическую универсалию.
2. Цвет характеризуют три независимых признака: оттенок (hue), яркость (brightness), насыщенность (saturation).

3. Основной единицей является «Основной цветовой термин» (далее – ОЦТ) ("Basic Color Term"), который должен отвечать определённым критериям:

- 1) ОЦТ должен быть моноксемой, т. е. производным, и не относиться к сложным словам;
- 2) значение ОЦТ не должно быть уже значения другого цветового термина, указывающего на какой-либо близкий оттенок;

- 3) ОЦТ должен обладать широкой сочетаемостью;

- 4) для носителей данного языка ОЦТ должен быть «психологически значимым» ("psychologically salient"), т. е. появляться в начале списка в эксперименте, где информантов просят перечислить известные им цвета или записать их, обладать устойчивым денотативным значением и присутствовать во всех идиолектах данного языка.

4. Итак, были выявлены 11 основных ЦН: "The eleven basic color categories are *white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, and grey*" [11]. Существует определенная эволюционная последовательность возникновения основных цветообозначений, которая состоит из 7 этапов, т. е. каждый язык приобретает основные ЦН в одном и том же порядке: на стадии I во всех языках имеются обозначения для «белого» и «черного» цветов; на стадии II к двум цветам добавляется третий, и это всегда термин, указывающий на «красный» цвет; на стадиях III–IV добавляется всегда по одному термину из двух, обозначающие «зеленый», «желтый» цвета; на стадии V появляется обозначение для «синего» цвета; на стадии VI добавляется седьмой термин, обозначающий «коричневый» цвет; высшая стадия VII характеризуется появлением сразу четырех терминов, которые обозначают «розовый», «оранжевый», «фиолетовый» и «серый» цвета.

5. Язык в данный момент времени может находиться только на одном из эволюционных этапов при условии прохождения всех предыдущих [12].

В дальнейшем теория Б. Берлина и П. Кея дорабатывалась в сотрудничестве с другими учеными и дала толчок для появления множества других работ в этой области, в некоторых из них она находит положительный отклик, в других – подвергается критике. Так, В. Saunders, Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич и др. считают, что предложенные критерии определения состава «основных» ЦН нельзя считать однозначно понятными. Б. Берлина и П. Кея критиковали также за игнорирование социального значения цветов в культуре, их использование в символах и ритуалах [13]. Многие лингвисты полагают, что данная теория является условной и требует дальнейшего рассмотрения. Несмотря на критику, теория Б. Берлина и П. Кея внесла огромный вклад в развитие лингвистической науки. С одной стороны, гипотеза Сепира – Уорфа о лингвистической относительности и теория Берлина и Кея об универсальном характере эволюции цветоименований противоречат друг другу, с другой же стороны, они дополняют друг друга. Многие ученые опираются на положения этих теорий при проведении исследований ЦН в разных лингвистических направлениях и на материале разных языков [14].

Как известно, важными характеристиками цвета являются **цветовой тон, светлота, яркость и насыщенность**. **Цветовой спектр** – это недискретный континуум, образуемый плавным изменением длины световой волны. «Цветовое пространство», «цветовой континуум», «цветовой спектр» – так называется то многообразие цветов, которое воспринимается нашей зрительной системой. Различия в длине световой волны воспринимаются глазом как разные цвета [15].

С целью определения полноты отражения базовых ЦН в английских словарях различных типов нами был проведен лексикографический анализ следующих справочников: Cambridge Advanced Learner's Dictionary with CD-ROM. Cambridge: Cambridge University Press, 2008 (далее – CALD) [16]; Longman Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh: Longman, 2005 (далее – LDELIC) [17]; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London: Macmillan Education, 2006 (далее – MEDAL) [18]. Выбор вышеперечисленных словарей обусловлен их авторитетностью.

Словарь CALD продолжает серию словарей известного британского издательства CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS. Справочник LDELIC опубликован авторитетным английским издательством Longman и является третьим, дополненным и усовершенствованным переизданием одноименного словаря, впервые вышедшего в 1992 г. Издательство Macmillan предлагает своим пользователям словарь MEDAL. Данные словари предназначены для пользователей с высоким

уровнем владения английским языком. При характеристике типа анализируемых справочников уместно применить комплексный подход, выработанный отечественными и зарубежными лексикографическими школами. По объекту/способу описания входных единиц словари CALD, LDELС и MEDAL являются справочниками, совмещающими в себе черты лингвистических и энциклопедических словарей. По языку описания – одноязычные; по порядку расположения входных единиц – алфавитные; по размеру/объему – средние; по оформлению – печатные; по охвату лексики – для общих целей. Каждый из анализируемых словарей имеет учебную и культурологическую направленность. Их отличительной особенностью являются разная степень и способы описания культуры Великобритании. В зависимости от перспективы описания языка – синхронические; по лексикографической форме – толковые; по полноте/дифференциальности словника – полные, или регистрирующие; по полноте/дифференциальности лексикографической разработки входных единиц – дифференциальные. Использование различных цветов для выделения входных единиц и большинства помет говорит о развитой системе полиграфических средств и делает справочники более удобными и интересными для пользователей.

Мегаструктура исследуемых нами словарей имеет традиционную трехчастную структуру: введение, словник и ряд приложений. Введение к данным словарям отражает современную лексикографическую тенденцию и состоит из содержания, краткого предисловия и руководства по использованию справочника, выполненного в виде наглядной схемы. Многочисленные приложения свидетельствуют об учебной направленности справочников и могут оказать огромную помощь изучающим английский язык. Корпуса CALD, LDELС и MEDAL характеризуются прерывной структурой. Так, в середине словников CALD и MEDAL имеются популярные графические иллюстрации, относящиеся к изучению ряда тем: House, Kitchen, Office, Fruit, Vegetables и др. В середине LDELС располагается иллюстративная вставка, освещающая важнейшие аспекты англоязычной культуры (Decades, Christmas, Education, Festivals, Holidays, Shakespeare, Weddings, Works of Art, Famous Films and Film Stars...). Здесь представлена информация о музыке, одежде, танцах, мировоззрении людей различных эпох, а также сведения о географическом положении и общественно-политическом устройстве Великобритании и США и др. Главный интерес для нашего исследования представляет информация о цветах (**Colours and Their Associations**). Авторы словаря подчеркивают, что, являясь важной составляющей культур Великобритании и США, цвет играет огромную роль в жизни людей. Важно, что во всех культурах различные ЦН вызывают разные ассоциации. В данной статье авторы рассматривают следующие ЦН: red, blue, purple, green, grey (gray), black, white, pink. Вероятно, выбор этих ЦН объясняется их универсальностью и тем, что именно данные цвета являются культурнозначимыми для стран Великобритании и США. Познание национально-культурных особенностей ЦН является важным условием для успешного взаимопонимания в рамках межкультурной коммуникации. В связи с этим словарь выступает как средство отражения культуры общества, его национальной уникальности, особенностей его жизни и деятельности [19]. Слова, обозначающие цвет, в которых соединяется лингвистическое и экстралингвистическое содержание, являются лингвокультуремами. Они представлены как отдельными лексемами, так и в словосочетаниях и идиоматических выражениях (red in the face, red carpet, blue rinse, blue-collar, purple prose, purple with rage, green belt, green-eyed monster, grey day, black magic, black sheep, white flag, pink round) [20]. Примечательно, что текст проиллюстрирован большим количеством рисунков и цветных фотографий, такая подача информации необходима при изучении ЦН и способствует эффективному усвоению материала. Как видно, на уровне мегаструктуры LDELС выгодно отличается от словарей CALD и MEDAL, поскольку ориентированность на толкование культурных особенностей ЦН наглядно прослеживается в организации материала средней части справочника (Colours and Their Associations).

Макроструктура анализируемых словарей организована в прямой алфавитной последовательности. Входные единицы представлены в канонической или словообразовательной форме. В качественном отношении словники CALD, LDELС и MEDAL включают как языковые, так и культурно-ориентированные единицы. В данной статье исследовались цветообозначения, называемые Б. Берлином и П. Кеем «базовыми» ЦН, в которые входят спектральные цвета радуги (*red, orange, yellow, green, blue, purple*), а также неспектральные (*brown, pink*) и ахроматические цвета (*grey, white, black*).

Структура словарных статей для ЦН в словарях CALD, LDELС и MEDAL следующая: заглавное слово, фонетическая транскрипция, дополнительная семантико-функциональная характеристика, толкование и вербальные иллюстрации. Во всех анализируемых словарях входные единицы словарных статей выделены жирным шрифтом в разных цветах. Транскрипция присутствует в символах Международного фонетического алфавита. ДСФХ включает следующие пометы:

грамматическая (v, n, adj), стилистическая (lit, fml), региональная (AmE, BrE) и др. Так выглядит словарная статья к ЦН **black** (adj) в словаре **CALD**:

black /фонетические символы/

► **adjective COLOUR** → **1 E** being the darkest colour there is, like the colour of coal or of a very dark night: *black shoes* **PEOPLE** → **2 E** relating or belonging to people with black or dark brown skin, especially people who live in Africa or whose family originally came from Africa: *black culture* ◦ *black Americans* **BAD** → **3** without hope: *The future looked black*.

► idioms **not be as black as you are painted** not to be as bad as people say you are • **paint a black picture of sth / sb** to describe a situation or person as extremely bad

Как видно, ЦН **black** характеризуется многозначностью. Все значения заглавной единицы пронумерованы и выделены тематически (**COLOUR**, **PEOPLE**, **BAD**). В словарную статью включены идиоматические выражения, в составе которых присутствует заглавное слово (**not be as black as you are painted**, **paint a black picture of sth / sb**), их знание необходимо изучающим английский язык для успешной коммуникации. Данная эксплицитная семантизация является удобным способом демонстрации многообразия языкового знака, позволяющим увидеть различные оттенки значения, которые слово или выражение приобретают в определенном контексте [21].

LDELС: black /фонетические символы/ *adj* **1** of the colour of night; completely without light: *black shoes* | *black clouds* | *her thick black hair* | (*fig.*) *Go wash your hands – they're black!* (=very dirty) **2 a)** (of a person) of a dark-skinned race, especially of the Negro race: *a black American* **b)** of or for black people: *black Africa* | *He's trying to win the black vote.* → see (USAGE); compare **WHITE 3** (of coffee) without milk or cream: *I'll have my coffee black, please.* → opposite **WHITE 4** very bad, threatening, or hopeless: *According to the latest sales figures, things look very black for us.* | *black despair* | *She painted a black picture of the company's prospects.* → see also **BLACK COMEDY**, **BLACK HUMOUR 5** full of anger, hate, or evil: *He gave me a black look.* | (*lit*) *a black-hearted villain* | (*lit*) *his black deeds 6 especially BrE* not approved of, or not to be handled, by members of a trade union during a **STRIKE**: *a black cargo* | *black labour 7 you can have any colour so long as it's black* quote a phrase used by Henry Ford when he was asked what colours were available for a particular kind of car **8 not as black as one is painted** not as bad as people say you are → see also **BLACKLY**, **BLACK AND WHITE**, **PITCH-BLACK** and see Feature on page A7 – ~**ness** *n* [U]

Примечательно, что в словарной статье приводится большое количество вербальных иллюстраций, словосочетаний и предложений, заимствованных из банка языковых данных Longman Corpus Network, включающего в себя более 330 миллионов слов из письменных текстов и устной речи. Следует особо подчеркнуть, что во всех анализируемых словарях все иллюстративные примеры взяты из газет, журналов, книг и наглядно показывают словоупотребление той или иной лексической единицы. В словарной статье фиксируются различные значения входной единицы, от прямого до метафорического и переносного. Наряду с идиоматическими выражениями в данной словарной статье указана цитата (слова, произнесенные Генри Фордом: "**You can have any colour so long as it's black**"). Данная цитата позволяет проследить хронологическую историю употребления лексической единицы, а также представляет общую картину употребления этой лексемы в различных ситуациях речевого общения. Также обращает на себя внимание присутствие отсылочных помет к другим словарным статьям (→ opposite **WHITE**; → see also **BLACK COMEDY**, **BLACK HUMOUR**), а также к иллюстративной вставке, расположенной в середине словаря (see Feature on page A7) или к разделу **USAGE** (→ see **USAGE**). Раздел **USAGE**, в котором приведена важная информация относительно использования ЦН **black** и его синонимов (**coloured**, **Negro**) в различных контекстах, делает данный словарь настоящим учебным справочником.

USAGE Compare **black**, **coloured**, and **Negro**. **Black** is the word which is preferred by many black people. **Coloured** and especially **Negro** are now considered by many black people to be offensive. In the US, many black people prefer to be called **African-Americans** in formal situations such as in newspapers or government statements.

Следует отметить, что данная словарная статья снабжена разделом **CULTURAL NOTE** (культурологический комментарий), который предоставляет пользователю возможность глубже постичь мировую культуру и обогатить свои фоновые знания.

CULTURAL NOTE In the US and UK, people traditionally wear black clothes when they go to a funeral, as a sign of sadness. In some old stories and films, especially **WESTERNS**, the bad character wears black clothes, and the good character wears white clothes.

Таким образом, в результате анализа видно, что словарь **LDELС** является учебным справочником, сочетающим в себе черты толкового, лингвистического и энциклопедического словарей. Пользователь получает много полезной информации об употреблении и функционировании заглавной единицы.

MEDAL: black /фонетические символы/ *adj* ★★★

- 1 having darkest colour 5 showing anger / sadness
 2 of a race with dark skin 6 about unpleasant things
 3 with no milk in it 7 evil / cruel
 4 involving sth bad / sad

1 having the darkest colour, like the sky at night when there is no light: *He was wearing black shorts.* ♦ *Black cats are sometimes thought to be lucky.* ♦ *clouds of thick black smoke*

2 **black** or **Black** belonging or relating to a race of people with dark skin, especially people whose families were originally from Africa: *She was the first black woman barrister in the UK.* ♦ *Dr King was a leader in the Black community.* ♦ *a famous black actor*

3 tea or coffee that is black has no milk in it: *Do you take your coffee black or white?*

4 making people feel unhappy or lose hope: *one of the blackest moments in British history* ♦ *It's a black day for the car industry.*

5 showing angry or unhappy feelings: *a black look* ♦ *a black mood*

6 relating to sad or unpleasant things such as death or illness: *black humour*

7 literary evil or cruel: *a black deed*

Words that avoid giving offence: black

Use the adjective **black** (sometimes spelt **Black**) to refer to people with dark skin whose families originally came from Africa. Avoid using **black** as a noun because this is sometimes considered offensive. Black people in the UK whose families originally came from the Caribbean often prefer to be called **African-Caribbean**. Black Americans usually prefer to be called **African-American**. In Australian English, use **black** to refer to the people whose families were living in Australia before Europeans arrived and settled.

Как и в LDELС, в данном словаре фиксируется много значений у ЦН **black**, а также большое количество иллюстративных примеров. Необходимо обратить внимание на то, что если входная единица имеет пять и более значений, то вначале приводится «меню», по-видимому, для упрощения работы со словарной статьей. Наряду с орфоэпической, грамматической, стилистической пометами имеется частотная помета, которая представлена в виде звездочек. Чем чаще употребляется слово, тем больше звездочек оно будет иметь. Для выделения наиболее употребительных слов также используется красный цвет. В словарной статье имеется культурологическая справка **Words that avoid giving offence**, способствующая устранению типичных ошибок, возникающих в процессе межкультурной коммуникации.

Итак, как видно, анализ базовых ЦН проводился на уровне мега-, макро- и микроструктуры учебных словарей CALD, LDELС и MEDAL. На уровне мегаструктуры несомненным плюсом словаря LDELС, по сравнению с другими справочниками, является включение в иллюстративную вставку культурологической информации о ЦН (**Colours and Their Associations**). Анализируемые словари отличает красочное полиграфическое оформление, что способствует лучшему восприятию материала. На уровне микроструктуры достоинством словарей LDELС и MEDAL является обилие иллюстративных примеров, демонстрирующих реальное воспроизведение лексической единицы и выражений в речи. Базовые ЦН характеризуются многозначностью и представляют собой культурные артефакты. Обращает на себя внимание тот факт, что в словарных статьях LDELС и MEDAL регистрируются различные значения входных единиц. Эти справочники обладают культурологической направленностью, о чем свидетельствует включение в словарную статью специальных разделов, где содержится большое количество информации, способствующей формированию межкультурной компетенции пользователей. Репертуар ДСФХ достаточно широко развит и включает разные виды помет, однако существенным недостатком является отсутствие этимологической пометы. Ведущим методом семантизации базовых ЦН является описательное толкование. Метаязык словарных статей, а также организация мега-, макро- и микроструктуры анализируемых словарей являются простыми и доступными для пользователей. Наиболее информативным с точки зрения отражения культурных особенностей базовых наименований цвета является словарь LDELС (использование полиграфической семиотики, подробные приложения, разветвленные словарные статьи). В целом базовые ЦН в данных справочниках представлены достаточно полно, но наиболее качественную лексикографическую разработку они получают в словаре LDELС.

Примечания

1. Голубь Л. А. Сквозные мотивы языковой картины мира (на примере лексико-семантического поля «ЦВЕТ» в английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 2.
2. Охрицкая Н. М. Лингвокультурологический аспект многозначности цветоименований: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. С. 5.

3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. С. 41.
4. Там же.
5. Гуз Ю. В. Экспериментальное исследование базовых концептов цвета (на материале русского, английского, немецкого и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010. С. 8.
6. Тер-Минасова С. Г. Указ. соч. С. 48.
7. Охрицкая Н. М. Указ. соч.; Гуз Ю. В. Указ. соч. С. 8.
8. Охрицкая Н. М. Указ. соч. С. 3.
9. Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. № 1. С. 169–182.
10. Тер-Минасова С. Г. Указ. соч. С. 41–48.
11. Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 2.
12. Ibid. P. 2–5.
13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 77.
14. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. С. 16.
15. Там же. С. 15; Голубь Л. А. Указ. соч. С. 8–9.
16. Cambridge Advanced Learner's Dictionary with CD-ROM. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1699 p.
17. Longman Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh: Longman, 2005. 1620 p.
18. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London: Macmillan Education, 2006. 1692 p.
19. Карпова О. М. Английская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. С. 26.
20. Longman Dictionary of English Language and Culture. P. A6-A7.
21. Ужова О. А. Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2011. С. 218.

Notes

1. Golub L. A. Skvoznye motivy yazykovoy kartiny mira (na primere leksiko-semanticheskogo polya "TSVET" v angliyskom i russkom yazykakh). Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Similar motives of linguistic view of the world (on the material of the lexical-semantic field of "COLOUR" in English and Russian). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow. 2006. P. 2.
2. Okhritskaya N. M. Lingvokulturologicheskiy aspekt mnogoznachnosti tsvetonaimenovaniy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Colour names polysemy from linguistic and cultural point of view. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Chelyabinsk. 2012. P. 5.
3. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsyya. Uchebnoe posobie [Language and intercultural communication. Textbook]. Moscow. Slovo. 2000. P. 41.
4. Ibid.
5. Guz Yu. V. Eksperimentalnoe issledovanie bazovykh kontseptov tsveta (na materiale russkogo, angliyskogo, nemetskogo i kitayskogo yazykov). Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Experimental study of basic colour terms (on the material of Russian, English, German and Chinese). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Barnaul. 2010. P. 8.
6. Ter-Minasova S. G. Op. cit. P. 48.
7. Okhritskaya N. M. Op. cit.; Guz Yu. V. Op. cit. P. 8.
8. Okhritskaya N. M. Op. cit. P. 3.
9. Uorf B. L. Nauka i yazykoznanie [Science and Linguistics]. Novoe v lingvistike. Moscow. Foreign Literature Publ. 1960, No. 1, pp. 169–182.
10. Ter-Minasova S. G. Op. cit. Pp. 41–48.
11. Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 2.
12. Ibid. Pp. 2–5.
13. Stefanenko T. G. Etnopsikhologiya. Uchebnik dlya vuzov [Ethnopsychology. University textbook]. Moscow. Aspekt Press. 2004. P. 77.
14. Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke [Colour and colour names in Russian]. Moscow. KomKniga. 2005. P. 16.
15. Ibid. P. 15; Golub L. A. Op. cit. Pp. 8–9.
16. Cambridge Advanced Learner's Dictionary with CD-ROM. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1699 p.
17. Longman Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh: Longman, 2005. 1620 p.
18. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London: Macmillan Education, 2006. 1692 p.
19. Karpova O. M. Angliyskaya leksikografiya. Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy [English lexicography. Textbook for University students of Philological Departments]. Moscow. "Akademiya" Publ. 2010. P. 26.
20. Longman Dictionary of English Language and Culture. Op. cit. Pp. A6-A7.
21. Uzhova O. A. Leksikograficheskoe otrazhenie angliyskoy kultury v slovaryakh angliyskogo yazyka. Istoriiko-tipologicheskoe issledovanie. Dis. dokt. filol. nauk [Lexicographic description of English culture in English dictionaries. Historical and typological study. Philology Doct. Diss.]. Ivanovo. 2011. P. 218.

Составные фитонимы в тульских говорах

В статье анализируются составные названия растений, существующие на территории тульских говоров. Автор останавливается на различных видах составных фитонимов. В лингвистике до сих пор имеется проблема однозначного определения составных наименований. Большинство подобных названий растений относится к атрибутивным словосочетаниям, в которых существительное обозначает родовое понятие, а прилагательное – видовую разновидность. В большинстве случаев в состав фитонимов входят относительные или притяжательные прилагательные. В структуре многих названий используются общеизвестные слова, однако, соединяясь, они образуют региональные фитонимы, которые существуют в речи жителей определенной территории. К фразеологизмам можно отнести те названия, которые образованы в результате метафорического переосмысления. Небольшую группу фитонимов, известных в тульских говорах, составляют названия, в состав которых входят диалектные единицы.

The article analyzes the compound names of plants that exist on the territory of Tula dialects. The author dwells on the different types of composite phytonymes. In linguistics there is still the problem of unambiguous definition for component names. Most of these names of plants refers to the attribute phrases in which the noun refers to the attribute phrases in which the noun refers to a generic term, and adjective – to species variation. In most cases, the composition of phytonym includes relative or possessive adjectives. In the structure of many names there are common words, but when combined, they form a regional phytonym that exist in the speech of the inhabitants of a certain territory. To the idioms those names can be included, which are formed in the metaphorical reinterpretation. A small group of phytonym known in Tula dialects, are names which include dialectal units.

Ключевые слова: диалект, тульские говоры, фитонимы, составные названия.

Keywords: dialect, Tula dialects, phytonymes, compound names.

Природа является важнейшей составляющей жизни человека, именно поэтому в народной речевой стихии лексика окружающего мира представлена огромным количеством единиц, которые не просто именуют, называют те или иные природные реалии, но и выражают отношение человека к ним. Мы остановимся на наименованиях растений, распространенных на территории Тульского края. Традиционно к фитонимам относят названия трав, деревьев, кустарников, грибов. Мы за пределами своего рассмотрения оставляем группу миконимов.

Лексико-фразеологическая система тульских говоров на сегодняшний день изучена недостаточно, поэтому, на наш взгляд, столь ценным является обращение к материалу, бытующему в указанных говорах. Диалектные фитонимы были зафиксированы нами в ходе полевых разысканий (непосредственного наблюдения над речью диалектоносителей), рассмотрения этнографической и специальной литературы (работы Н. И. Анненкова, В. А. Лёвшина, Г. Г. Мясоедова), словарных материалов [1].

Диалектные названия растений неоднократно становились предметом рассмотрения лексикологов, диалектологов, ботаников, например к ним обращались Н. Д. Голев, В. А. Иванов, В. Б. Колосова, Н. И. Коновалова, Г. Т. Марсакова, В. А. Меркулова, Н. И. Панасенко, Н. П. Ульянова и многие другие.

Предметом нашего анализа являются неоднословные фитонимы, которые исследователями также определяются как двухсловные, чаще всего такие названия по структуре представляют собой атрибутивное словосочетание, в котором главное слово является именем существительным, а зависимое выражено прилагательным. Проблема составных (неоднословных) названий до сих пор не является однозначно решенной в языкознании. Лингвистами неоднократно подчеркивалась разная степень структурно-семантической спаянности компонентов внутри таких сочетаний, разная степень их разложимости. Например, А. П. Мордвилко относит подобные наименования к фразеологическим оборотам терминологического характера, в качестве примеров фразеологических оборотов, употребляемых как термины, он приводит такие: «*петуший гребешок (название декоративного растения), звездичное дерево, мастиковое дерево, мускатное дерево, уксусное дерево, фиговое дерево, заячья капуста*» [2]. С одной стороны, подобные составные названия можно отнести к устойчивым словосочетаниям, так как они воспроизводятся в речи в целостном виде, по выражаемой семантике равны значению слова. С другой стороны, они могут

быть разложимы. Особенно разложимость на составляющие компоненты ощущается в тех случаях, когда определяемое слово является обозначением родового понятия, а определяющий компонент указывает на видовую разновидность. Среди анализируемых фитонимов именно таких оказалось преобладающее количество.

В составе неоднословного наименования и родовое название, и видовое могут относиться к литературному языку. Однако, соединяясь, видовой и родовой компонент дают региональную специфику, то есть образуют такие названия, которые отсутствуют в литературном языке. Среди собранного нами материала подобных единиц довольно много. Например: ЛОШАДИНЫЙ (КОНСКИЙ) ЩАВЕЛЬ. Растение *Potentilla erecta* Hampe семейства резанных; лапчатка прямая; корень этого растения, употребляемый в народной медицине. *Лошадиный щавель от желудка оттапливают.* (с. Селиваново, Щёк.). МАЙСКАЯ ПОЛЫНЬ. Растение *Artemisia potentillaefolia*; полынь лапчатколистная; это растение в мае обладает целебными свойствами. *Майской полыни надо набрать, нежно пахнет.* (с. Селиваново, Щёк.). ПОЛЕВОЙ ГОРОШЕК. Растение *Coronilla varia* семейства бобовых; вязель пестрый, вязель разноцветный. *Горошки полевые, хоть и очень хлеб засоряют, но по удобному отделению зерна их вреда не наносят. Даже полезны тем, что служат в корм домовым животным.* (Лёвшин). СЛЯПОЙ МАК. Растение *Paráveg* семейства маковых; мак. *Сляпой мак был такой, у него головки такие здоровые, и никто не вырывал его.* (с. Апухтино, Одоев.). ЧЁРНАЯ МАЛИНА. В названии ягоды ежевики: черная малина. *Черная малина у всех понасажена, она вроде полезная, а я-то не ем её, не люблю, прям много семечек каких-то* (п. Ильинка, Лен.).

В данном случае видовая разновидность передается согласованным определением, выраженным прилагательным, а определяемое слово в структуре подобных составных наименований указывает на родовое понятие, на такую особенность названий неоднократно указывали как лингвисты, так и биологи. Следует отметить, что в целом ряде народных составных фитонимов в качестве определяемого слова выступает слово предельно обобщенного характера, гипероним. В тульских говорах часто встречаются составные названия с определяемым словом *трава*: ЛИХОРАДОЧНАЯ ТРАВА. Растение *Gratiola officinalis* L. семейства норичниковых, то же, что *благодать аптекарская.* (Лёвшин). ЖАБНАЯ ТРАВА. Растение *Potentilla argentea* L. семейства розанных; лапчатка серебристая. (Анненков). ЖИВАЯ ТРАВА. Растение *Cirsium heterophyllum* All. семейства сложноцветных; бодяк разнолистный. (Анненков). БОГОРОДИЦКАЯ ТРАВА. Многолетний полкустарник *Thymus serpyllum* из рода тимьянов семейства яснотковых; тимьян ползучий. *Герб сего города составляют в серебряном поле разматанных девять ветвей травы, называемой богородицкая во означение его именованья.* (Лёвшин). ШИЛЬНАЯ ТРАВА. Дрок красильный (*Genista tinctoria*), вид растений рода дроков семейства бобовые. *Дрок, или шильная трава (Genista tinctoria), равномерно красит в желтое.* (Лёвшин). МАТЕРИНСКАЯ ТРАВА. Трава *Origanum* L. семейства яснотковых; душица. *Материнской травы заваривают, может, и поможет.* (г. Белёв, Бел.). ГУСИНАЯ ТРАВКА. Горец птичий (*Polygonum aviculare*), однолетнее травянистое растение семейства гречишных (*Polygonaceae*), молодая придорожная трава, обычно потребляемая домашней птицей. *Придорожная зеленюшка так и зовётся – гусиная травка. Гуси её очень уважают, всегда щипают.* (с. Нарышкино, Т-Огар.).

Иногда в качестве определяемого слова выступает название части растения: ЛЕСНАЯ ЯГОДА. *Fragaria vesca* L. семейства розовых; земляника. *Грибы подосиновки, подберёзовки, синие, лесные ягоды, пойдём в лес – всего наберём.* (п. Арсеньево, Арсен.). *Ну земляника это и есть лесная ягода.* (с. Рождествено, Сувор.). КРАСНЫЙ КОРЕНЬ. Растение *Potentilla erecta* Hampe семейства резанных; лапчатка прямая; корень этого растения, употребляемый в народной медицине; растение калган. Щёк. *Красный корень хорошо рвётся, растёт по лугам.* (с. Селиваново, Щёк.). ЖИВОТНОЙ КОРЕНЬ. Травянистое растение *Polygonum bistorta* L. семейства гречишных; горец змеиный. *Оттапливали животной корень-то, сил он давал* (с. Архангельское, Ясн.). ЗАВЯЗНОЙ КОРЕНЬ. Вид травянистых растений *Thormentilla creota* семейства розовых; лапчатка прямостоячая. В медицине используют вяжущие, бактерицидные, кровоостанавливающие и противовоспалительные свойства корневищ. *Завязной корень. Корень сей травы оттапливают с квасом и пьют от поносов с пользой.* (Лёвшин). В подобных названиях наблюдается, с одной стороны, некоторое сужение семантики определяемого слова (травя, корень, ягода): не трава вообще, а именно разновидность травы, не ягода, а именно земляника, эта конкретизация подчеркивается и входящим в структуру названия определением; с другой стороны, наблюдается некоторое расширение семантики: не корень как часть растения, а все растение (правда, именно корень может обладать особыми свойствами).

Определения в составе указанных выше наименований чаще всего обозначают признак по принадлежности, предназначению кому-то (гусиный, материнский, лошадиный). Этот маркер может обобщенно характеризовать тот субъект, который чаще всего потребляет это растение, которому оно может принести пользу или на который оно может походить внешне. Определения могут указывать на признак по месту произрастания (полевой, лесной), на особые свойства:

время, назначение, цвет и др. (майский, завязной, красный и т. д.), подчеркнем, что в составе отмеченных фитонимов практически не встречаются качественные прилагательные, то есть в номинации растения все-таки важнее передать характеристику, например, по месту произрастания, по назначению и т. д.

Среди составных наименований встречаются и такие, у которых, наоборот, совпадают определения (то есть указания на видовые признаки), отличаются при этом сами родовые понятия: ЛЕСНОЙ РЕПЕЙ. Растение *Centaurea austriaca* Willd семейства сложноцветных. (Отмечено СРНГ как тульское). ЛЕСНОЙ ЧЕСНОК. Многолетнее травянистое растение *Allium ursinum* семейства луковых; черемша. *Черемша, она как чеснок, можно еще назвать лесной чеснок, в лесу растёт, после снегу прям собирать можно.* (п. Одоев.). ЛЕСНАЯ ЯГОДА. *Fragaria vesca* L. семейства розовых; Земляника. Одоев. *Собирали лесную ягоду – да это земляника, ее полно было за Юшковым.* (д. Ново-Архангельское, Одоев.). В приведенных примерах определение указывает на одинаковое место произрастания разных растений – лес.

Среди зафиксированных нами фитонимов имеются и такие, при образовании которых наблюдается заметная лексико-семантическая трансформация, прежде всего, метафорический перенос. Подчеркнем, что говорить о фразеологических единицах среди составных наименований растений можно только в том случае, когда имеется семантическая трансформация, то есть когда значение составного названия не выводится из значений составляющих его компонентов, об этом, например, неоднократно писал в своих работах Н. Д. Голев [3]. Например: АНЮТКИНЫ ГЛАЗКИ. Нет точного соотнесения с латинским эквивалентом, по определениям сельских жителей, это лесной кустарник с ягодами, похожими на глаза. *Анюткины глазки – это такой куст, кустарник растёт.* (с. Воскресенское, Дуб.). ЖЕНСКИЙ ВОЛОС. Растение *Vicia cracca* L. семейства розанных; горох мышиный. (Анненков). БЛАГОДАТЬ АПТЕКАРСКАЯ. Растение *Gratiola officinalis* из рода авранов семейства норичниковых; авран лекарственный. *Утверждают некоторые хозяйки, что трава лихорадочная, или благодать аптекарская, ...составляет верное средство к прекращению сего зла, когда кормить рогатых скотов.* (Лёвшин). БУДСКАЯ ЗЕЛЁНКА. Сорт яблоны. *Будская зеленка. Прививки сего дерева приходят с плодом в тот же срок, как и Апортовья, и цена прививкам оным одинакая. Яблоки видом, величиною и вкусом сходны к свинцовкам. ...Могут лежать до новых.* (Лёвшин). ЗМЕИНЫЙ ЯЗЫК. Растение *Ophioglossum* семейства ужовниковых; папоротник-ужовник. *Змеиный язык с корнем с успехом дают от укушения бешеной собаки, в порошке на хлебе насыпав.* (Лёвшин). КУКУШКИНЫ СЛЁЗЫ. Травянистое растение *Orchis mascula* L. семейства орхидных; ятрышник мужской. *В роце приискивают траву кукушкины слезы на таком месте, где бы всем можно было усестья.* (Лёвшин). МЕДВЕЖЬИ ПУЧКИ. Род травянистых растений *Angelica* семейства зонтичных; дудник, ангелика. *Медвежьи пучки – ангелика, так же именуются молодые стволы сего растения.* (Лёвшин). СОРОЧЬЯ ПРЯЖА. Растение *Cuscuta europaea* семейства вьюнковых; повилика европейская. *Повой, или сорочья пряжа, – опасное растение хлебным породам, а паче льну, который совсем оплетает, спутывает и рост его уничтожает.* (Лёвшин). ПЕТРОВ БАТОГ. Растение *Cichorium intybus* семейства сложноцветных; цикорий обыкновенный. *Петровы батог голубые, коленчатые. Павилики миндальные зацвели.* (Толстой, Дневники). РАКОВЫЕ ШЕЙКИ. Травянистое растение *Polygonum bistorta* семейства гречишных. *Раковые шейки тут растут вон, да видала ты, от поноса их можно.* (с. Рождествено, Сувор.). Приведенные здесь названия явно основаны на метафорическом переносе. Определяемое слово в структуре таких фразеологизированных названий чаще всего соотносимо с антропонимической основой: голова, слезы, глаза, язык, шея, волосы. Может быть также отнесено и к реалиям предметного мира: пряжа, батог, пучки, зелёнка. А согласованные определения только лишь уточняют и конкретизируют переносное употребление. Видимо, подобные фразеологизированные названия растений основаны на сходстве внешних признаков. Внешнее сходство, определенные морфологические признаки растения могут подчеркиваться и тем, что в структуре таких названий присутствуют притяжательные прилагательные: кукушкин, змеиный, сорочий, медвежий.

В основном в приведенных выше примерах фитонимов присутствуют слова, известные в литературном языке, однако среди отмеченных нами названий растений есть и такие (их, правда, немного), в состав которых входят диалектные единицы, например: ПУХОВАЯ ГОЛОВНИЦА. Растение *Trifolium arvense* L. семейства мотыльковых; клевер пашенный. (Анненков). ПОЛЕВОЙ РЖАНЕЦ. 1. Растение *Secale cornutum* семейства спорыньевых; спорынья. 2. Общее название некоторых полевых и луговых растений (например, тимофеевки и др.). *Травы, составляющие наши сена суть большей частью: дикий клевер, полевой ржанец, или дикая тимофеевка, пырей, трилистник медуница, иван-да-марья, дикий горошек; а по лесам баранчик, подкопытник, вредящие сенокосам травы каковы: чемерица и бурьян, истребляются очень немногими хозяйствами; в полях наиболее сеют вику, клевер и тимофеевку, а на прочие травосеяния делались только малоуспеш-*

ные опыты; скот летом не держится на стойлах ни кем, и никто не берёт в расчет, что скотина на пастве, съедая пуд сена, затаптывает два пуда. (Архив ТОКМ, Мясоедов.). КИЛЬНАЯ ТРАВА. Растение *Herniaria* семейства гвоздичных. Трава с розовыми цветочками, произрастающая на болоте, помогает при лечении килы. *Кильная трава на болоте растет.* (с. Жемчужниково, Одоев.).

Подчеркнём, что составные фитонимы весьма разнообразны и неоднородны по своей структуре, принципам номинации и выражаемому значению, часть их с определенной степенью уверенности можно отнести к фразеологизмам, некоторые же тяготеют к составным наименованиям терминологического характера. Народные названия многих растений не только указывают на их видовую специфику, но и отражают их восприятие человеком.

Примечания

1. Все выборки фитонимов вошли в выпуски «Материалов к словарю тульских говоров». См.: Романов Д. А., Красовская Н. А. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 1–6. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2008–2014 (продолжающееся издание).

2. Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты). М.: Просвещение, 1964. С. 51.

3. Голев Н. Д. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (наблюдения над ролью прагматического фактора) // Русские говоры населения Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 76–88.

Notes

1. All samples of phytonyms are included in the editions of "Materials for the dictionary of Tula dialects". See: Romanov D. A.; Krasovskaya N. A. Materialy k slovaryu tul'skih govorov [Materials for the dictionary of Tula dialects]. Issues 1-6. Tula. Publishing house of Tula State Ped. Univ. named after L. N. Tolstoy. 2008-2014 (ongoing publication).

2. Mordvilko A. P. Oчерki po russkoj frazeologii (imennye i glagol'nye frazeologicheskie oboroty) [Essays on Russian phraseology (nominal and verbal phraseological units)]. M. Prosveshcheniye. 1964. P. 51.

3. Golev N. D. Voprosy otozhdestvleniya, klassifikacii i nominacii v russkoj narodnoj leksike flory i fauny (nablyudeniya nad rol'yu pragmaticheskogo faktora) [The issues of identification, classification and nomination in the Russian folk lexicon of flora and fauna (observations on the role of pragmatic factors)] // Russkie govory naseleniya Sibiri - Russian dialects of Siberia population. Tomsk. Publishing house of Tomsk State University. 1983. Pp. 76-88.

УДК 811

А. А. Матусевич

Актуальная лексика социальных сетей как отражение развития интернет-технологий

В статье (на примере языкового материала сайта «ВКонтакте») анализируется актуальная лексика, возникающая в социальных сетях и отражающая новые возможности, которые постоянно появляются у пользователей Интернета благодаря развитию информационных технологий. Показывается, что эта лексика, в основном имеющая англоязычное происхождение, активно осваивается русским языком: развивает вариантность написания, вступает в словообразовательные отношения, приобретает свою сочетаемость. Особо отмечается тот факт, что явления, называемые такими лексемами, как *лайк*, *репост*, *селфи*, *дакфейс* и др. в сетевом общении получают определённую оценку, становятся маркерами одобряемого или неодобряемого, приемлемого или неприемлемого поведения и, таким образом, отражают не только активные процессы в языке, но и тенденции формирования сетевого этикета и сетевой культуры.

In the article (on the example of language material of the website "VKontakte") the actual lexicon evolving from social networks and reflecting new opportunities which constantly appear at Internet users thanks to development of information technologies is analyzed. It is shown that this lexicon which generally have an English-speaking origin actively accustoms Russian: develops alternativeness of writing, enters the word-formation relations, gains the compatibility. That is especially marked out the fact that the phenomena called by such lexemes as *like*, *repost*, *selfie* *duckface* etc. in network communication receive a certain assessment, become markers of the approved or not approved, accepted or unacceptable behavior and, thus, reflect not only active processes in language, but also a tendency of formation of netiquette and network culture.

Ключевые слова: коммуникация, интернет-дискурс, активные процессы в языке.

Keywords: communication, Internet-discourse, active processes in language.

В настоящее время появляется все больше технических возможностей для реализации потребностей пользователя Интернета: это и модернизация инструментов социальных сетей, и появление мобильных устройств с выходом в Интернет и наличием фотокамеры, и многое другое. Именно технические возможности сейчас в немалой степени определяют особенности сетевого общения и ярко отражаются в речи в виде актуальной лексики [1].

Цель настоящей статьи – на примере актуальной лексики интернет-дискурса показать влияние технического прогресса на процесс коммуникации (на материале социальной сети «ВКонтакте» [2]).

Одна из причин привлекательности социальных сетей для человека состоит в том, что там пользователь может почувствовать, что его ценят, понимают и принимают, к его мнениям и оценкам прислушиваются. Такое ощущение создаётся во многом благодаря существованию таких двух инструментов соцсетей (которым нет аналогов за пределами виртуального мира), как 'лайк' и 'репост'.

Лайк (от англ. *like* – 'нравится, одобряю') – это условное выражение одобрения опубликованного пользователем материала (фотографии, видеозаписи, высказывания и др.), осуществляющееся путём нажатия одной кнопки, после чего рядом с одобренной («лайкнутой») публикацией появляется знак «сердечко». На русском языке эта кнопка называется «мне нравится». Поставленный «лайк», казалось бы, означает внимание и признание, но на самом деле он не значит ничего: в силу нулевой собственной значимости он обретает любое значение в зависимости от текста, под которым стоит. Лайк под фотографией девушки означает восхищение, под политическим манифестом – голос на виртуальных выборах, под шуткой – смех и т. д. Ср., напр. (здесь и далее в примерах сохраняются орфографические и стилистические особенности языка авторов сообщений): *Ставлю лайк // Спасибо любимочки за лайки! // класс!!) уже 7 лайков // Если под этим постом нажать лайк, справа появится вот "Ничоси" // еще какой лайк! // я вот думаю, ставить ему лайк? // я там лайк поставил, злорадствую // твой котэ себерет сотни лайков!!! // Ты использовала мой излюбленный приём – завершение беседы лайком) // 20 лайков в первый день! Крутяк //*

Существуют примеры, когда слово 'лайк' употребляется в функции призыва, повелительного наклонения, что аналогично фразе 'ставь лайк, поставь лайк' и т. д. При этом часто задаётся определённое условие для лайка с целью получить больше отзывов от пользователей, которые попадают под это условие. Ср.: *Со всех по лайку // С пацана по лайку // С каждого по лайку, если влюблен // Лайк, если жизнь – боль // Лайк, если понял шутку // Лайк если помнишь // Лайк, если бум-шака-лака // если ты девушка и не куришь с тебя лайк, вообще полюбому // Лайк, если хочешь такую же // Лайк, если нет парня или девушки.*

Количество лайков в социальной сети автоматически подсчитывается, поэтому они легко становятся средством гонки за признание, за престиж [3]. Отсутствие или недостаток лайков некоторыми пользователями воспринимается болезненно и приводит к огорчению, разочарованию, зависти, злости, требованиям, угрозам и т. д. Ср.: *Хочу больше лайков! // Почему всегда так мало лайков? // Завидуешь лайкам и большому количеству подписчиков? // у тебя там и так до*ера лайков // Пока не будет лайков – не будет новых постов:(// и ты хочешь все это уравновесить сотней лайков?*

Также в Интернете встречается искажённое название лайка – 'лойс' (от цепочки искажений 'like – laik – loic – лойс'). Его употребление характерно прежде всего для школьников [4]. Ср., напр.: *норм видос лойс) // а мне не стыдно ставить тебе лойсы // лойс на аву если не трудно // Мы за сегодняшний день не наберем пятьсот лойсов // Не понравилось, но лойс поставил // хочу больше лойсов! // ПРОСТО СТАВЬ ЛОЙС И ВСЕ // Лойс если из Тулы // вау, круто, лойс // Лойс таланту :) // Леня репостить, поставил лойс.*

Среди сервисов социальной сети существует и ещё один важный инструмент, служащий для выражения одобрения и поддержки – репост. **Репост** (*repost* от англ. *re* – 'снова, ещё раз'; *post* – 'сообщать, объявлять о чём-то', русский аналог – «перепост») – это повторная публикация какого-либо сообщения в пределах одного ресурса. Люди делились информацией всегда, но с появлением функции репоста этот процесс значительно упростился, к тому же с помощью этого инструмента любое сообщение можно передать совершенно идентично. Таким образом, репосты облегчили обмен контентом, распространение информации, провели «мост дружбы» между социальными сетями и другими интернет-ресурсами, а также стали эффективным инструментом для раскрутки, рекламы и ведения бизнеса [5].

Рассмотрим на примерах, как реализуются основные функции репоста: сохранение нужной, интересной или полезной информации (А), распространение важных новостей (Б) и реклама товаров или услуг, раскрутка групп и пабликов (В):

А) Лучшие фотки мы будем **репостить** и в основную группу МОТО! // Просто обязан был **сделать репост** :D // **Репостну** я пожалуй, очень интересная статья // Неудержимый **репост!!** В таких случаях часто в ход идут клишированные фразы типа «репост, если»: **репост, если не жадный)** // **Репост, если болеешь за Германию** // **делай репост, если считаешь так же!** // **Сделай репост если не лох** // **репост если любишь пушистых котиков;**

Б) Давайте поможем САШЕНЬКЕ найти новых родителей. Сейчас он находится в областном Доме ребенка в г Ярославль. ЗА **РЕПОСТ** ЗАРАНЕЕ СПАСИБО // ПРОПАЛ МУЖЧИНА!!!!!!! МАКСИМАЛЬНЫЙ **РЕПОСТ**, ПОЖАЛУЙСТА!!! // СЕГОДНЯ 04.04.2015 УКРАЛИ ВЕЛОСИПЕД. ПОЖАЛУЙСТА МАКСИМАЛЬНЫЙ **РЕПОСТ!** // Срочно! Максимальный **репост!** Отдам питбуля в добрые руки! Для таких записей характерно использование устойчивых оборотов с просьбой или благодарностью: **Репост приветствуется!** // **Максимальный репост** // **Заранее спасибо за репост** // **Буду благодарен за репост!** // **Репост – +100 к карме** // **за репост +5 к карме);**

В) Группа подарит БЕСПЛАТНУЮ повязку с цветами или галстук бабочку своему случайному подписчику сделавшему **репост** данной записи // Привет всем для раскрутки нашей группы мы решили сделать очередной розыгрыш. Правила: вступить в нашу группу, нажать мне нравится, рассказать друзьям (**сделать репост**) // Продается дача 9 соток. Поселок Гранный 2-х этажный дом, баня, беседка, 2 теплицы, насаждения. Очень хорошее место))) **МАКС. РЕПОСТ!** // Великая распродажа! Великий **репост!** // Конкурс! Вам нужно: 1) лайк этой записи 2) **репост** этой записи.

Стоит отметить, что в настоящее время подобный способ продвижения групп пользуется огромной популярностью как со стороны администраторов групп, желающих заполучить большую аудиторию, так и со стороны обычных пользователей, заинтересованных в вероятности стать обладателем ценного приза за одно лишь нажатие кнопки «поделиться». Поэтому сейчас на просторах «ВКонтакте» всё чаще можно встретить пользователей, чьи стены полностью состоят из репостов конкурсов, что вызывает неоднозначную реакцию у окружающих и становится предметом для иронических замечаний типа: **Постоянно участвуешь в конкурсах на репосты и до сих пор ни разу ничего не выиграл? Друзья уже давно скрыли твои новости из ленты, потому что ты остервенело репостишь** одинаковые конкурсы, надеясь хоть раз выиграть ну хотя бы какой-то самый завялящий никому ненужный чехольчик от айфона? Тебе не достается ничего даже в конкурсах, где участвует всего два человека – ты и такой же любитель **порепостить** всякого? Так может, дело не в тебе? Возможно, ты просто родился не с той ноги и у тебя несчастливая рука, жмущая тщетный **репост**? Так как же определить, что ты лох по жизни, и на удачу тебе лучше впредь не полагаться? Очень просто! Жми “поделиться с друзьями” под этим постом и через неделю возвращайся. Генератор случайных чисел определит одного из **репостнувших** и он... не получит ничего. Абсолютно все остальные **отрепостившие** получат ценные призы – катера, квартиры, сони плейстейшн, кашпо, крючки для вязания, чехлы для айфона и сами айфоны. А суперлох не получит НИЧЕГО. Испытай удачу! Может ты тот самый, избранный? [6].

Социальная сеть – это результат развития высоких технологий, благодаря которым каждый человек может создать в Интернете свою персональную страницу, включающую описание его личности, а также графическое изображение данной личности. Так, например, неограниченная возможность загружать в сеть свои фотографии привела к появлению модных направлений при создании таких снимков и, соответственно, к появлению названий таких направлений. Рассмотрим некоторые из них.

Селфи (*selfie* от англ. *self* – ‘сам, себя’) – автофотопортрет, снятый на фронтальную камеру мобильного телефона. Фотографии в жанре селфи считаются самыми популярными в социальных сетях. Задача селфи – привлечь внимание и вызвать оценку, чаще всего положительную. Поэтому часто слово *селфи* употребляется с качественными или относительными прилагательными в зависимости от того, какую оценку дал ему пишущий или от того, где, кем и как оно было сделано. Ср.: **Мое первое селфи** // **Отличное селфи** // **Самое милое селфи** // **Не самое удачное селфи** // **гаражное селфи** // **чего стоят эти тпшные селфи у зеркала.**

Слово *селфи* можно считать современным синонимом слова *фотография*, поэтому в Сети встречаются соответствующие сочетания, аналогичные сочетаниям *сделать фотографию, получилась на фотографии, фотография с кем-то* и т. д. Ср.: **Еле уговорила Дашу сделать селфи** // **Делаю селфи у окна** // **Моя кошаня не любит селфи** // **Сфоткали как я делаю селфи** // **лучше всех получилась на селфи** // **всю жизнь мечтала с ней селфи сделать** // **Селфи с каким-то бородачом.** Часто слово *селфи* употребляется с разнообразной лексикой, обозначающей время, место, род деятельности и т. д., что придаёт данному слову широкую лексическую сочетаемость. Ср.: **сегодня самый подходящий день для селфи** // **Селфи напоследок** // **Когда нечего делать я делаю селфи** // **Инженерное селфи** // **Селфи пилотов из разных стран** // **селфи со съёмки передачи.**

К селфи, сделанным на рабочем месте, в обществе отношение неоднозначное: пока ещё не определена граница между свободой самовыражения в соцсети и недопустимым поведением.

Речь идёт о череде таких инцидентов, когда за селфи, по какой-то причине показавшееся работодателю неприемлемым, сотрудника увольняли. Так, например, в конце 2014 года две российские медсестры подверглись резкой критике за публикацию в Интернете своих фотографий на фоне пациентов, а также снимков из операционной [7]. Это ещё раз доказывает, что виртуальная активность может иметь реальные последствия. Массовая популярность селфи даже сравнивается с заболеванием, одержимостью и т. д. Ср.: **Я один не делаю никакие селфи // На что люди готовы ради селфи // Три вида селфи-расстройств (зависимости от селфи): Пограничный селфит** – фотографирование себя 2–3 раза в день без особого желания выставить снимки в социальные сети; **Острый селфит** – фотографирование себя минимум 3 раза в день и размещение фоток в соцсетях; **Хронический селфит** – фотографирование в любой удобный момент с активным последующим размещением снимков в социальных сетях.

Существуют и русскоязычные аналоги слова *селфи*: **себяшка** и **самострел**. Примечательно, что второй вариант чаще всего употребляется пользователями мужского пола. Ср.: *Селфи по иностранному, а по нашему себяшка // Себяшка на телефон // Хватит себяшки делать // Себяшка с Кириллом Николаевым // Обещанная себяшка // Правильная себяшка // кидай себяшку // Ну как можно удержаться от себяшки в этот день // себяшки-кривляшки // Солнечная себяшка // Давно не было упоротой себяшки // Делайте себяшки уже сейчас и у вас будет больше шансов на победу! // Первоапрельская офисная себяшка // Что еще делать в обед? дурачимся, себяшки мутим // норм мужики самострелы не делают // себяшка тоже как то фу. Самострел лучше // Наканецта крутые фотки, а не идиотские самострелы в туалете с губами // самострел в пробке // Саша пошел по наклонной, самострелы ног это начало, скоро будет туалетолук // Как уж без рабочего самострела // Вы надеетесь на понимание человека, у которого на аватарке сразу 2 самострела, сделанных айпадом // извините за самострел с телефона // Самострел перед сном // Я, мой первый самострел // Тренируюсь делать самострелы // юра постит самострелы // с папой мы перед сном лепим самострелы.*

Кратко рассмотрим ещё несколько разновидностей селфи.

Белфи (от англ. *butt* – ‘ягодицы, попка’ и *selfie*) – фотография с участием ягодиц. Ср.: **белфи** – новый звездный тренд // А как будто вы не делали белфи // Ты считаешь что парни, делающие белфи это нормально? // давайте конкурс белфи лучше, селфи надоели // Шикарное белфи.

Релфи (от англ. *relationship selfie* – ‘селфи отношений’) – фотография с любимым или близким человеком. Ср.: **релфи** с Ксюнчиком // не забывайте делать селфи, а ещё лучше релфи // релфи двух творческих душ // позитивное релфи наших хоккеисток // лучшее место для РЕЛФИ этого вечера // вот в таком лифте я хочу и селфи и релфи.

Данные лексемы пока только внедряются в русскоязычную языковую интернет-среду и часто ошибочно используются в качестве синонима *селфи*.

Мамфи (от англ. *mother* + *selfie* – ‘селфи с мамой’) – фотография с мамой. Ср.: **Мамфи и папфи** разом // **Мамфи** с мамулей // **Мамфи**. Фото сделано в «день матери» // Сын наловчился делать **мамфи**.)

Лук (от англ. *look* – ‘вид, внешность, наружность, выражение лица’) – фотография или вид человека в полный рост, а также образ, стиль в одежде. Слово *лук* подразумевает что-то модное, популярное и чаще всего имеет положительный оттенок. Ср.: **лук просто супер // Обожаю их луки // У Мики нравится лук, ей хорошо так // луки подобраны очень хорошо // А можно вещи с разных луков же собрать? // Хочу последний лук сильно // продемонстрируй свой лук // блин печально, подбираю себе лук, не знаю какой купить... // Спортивный лук.**

Лифтолук – разновидность лука, снимок, сделанный в зеркало лифта; одно из самых популярных проявлений селфи. По мнению современного интернет-сообщества, именно лифтолуки отражают современный стиль молодёжи, и именно они являются средством донесения до всех окружающих своего собственного неповторимого образа. Ср.: **Оранжевый лифтолук с приветом для Среды // Мой первый лифтолук // первый лифтолук и тот неудачный // Неканоничный лифтолук // Практика, и еще раз практика, все победит, когда-нибудь я стану серьезным и во время лифтолуков // Деньрожденченский лифтолук // Какой день, такой и лифтолук // Плохой лифтолук // сегодняшний лифтолук // Лифтолук с утра)) // ночной лифтолук // Лифтолук с Алиской // Давно не делала рабочих лифтолуков // забыл тупой беспонтовый брутальный воскресный лифтолук повесить! // Лёгкий лифтолук перед работой.**

Чрезмерная страсть пользователей к лифтолукам породила множество примеров, где данное явление приравнивается к чему-то обязательному, необходимому, безоговорочному, неизбежному, постоянному. Ср.: **Как же без лифтолука // Пункт "Лифтолук" Выполнено // наконец-то и нам поставили новый лифт! По этому случаю тройное урра и тройной лифтолук // Вечный лифтолук // Типичный лифтолук // Ежедневный лифтолук // Лифтолук добрался и до меня!!! // это просто “болезнь лифта” эти лифтолуки.**

Туалетный лук – разновидность лука; снимок, сделанный с помощью зеркала в ванной, туалете. Ср.: Нижегородского **туалетного лука** вам! // Мне стыдно за все эти **“туалетные луки”**, честно // **Туалетный лук** запилен! // Поговаривают, что это называют **туалетным луком** // как же без **туалетного лука** // **туалетный лук** на прощание

Дакфейс (от англ. *duckface* – ‘утиное лицо’) – разновидность снимка в стиле селфи с так называемым «утиным лицом» – популярной гримасой, во время которой человек неестественно надувает и вытягивает губы, позируя для фото. Распространено среди женской половины пользователей. В процессе создания дакфейса девушки чересчур надувают губы, что вызывает скорее комический эффект, нежели желаемое впечатление сексуальности и привлекательности. В последнее время дакфейс считается моветоном; несмотря на это, такие снимки можно часто увидеть на страницах соцсетей у многих девушек. Ср. примеры высказываний с нейтральной или положительной оценкой: *Теперь я как все девочки делаю дакфейс // превосходный дакфейс! // делал дакфейс до того как это стало мейнстримом // Так мало ценителей “дакфейса”// тренировки нужны во всем. Даже в дакфейсе // Научила мужа делать дакфейс // дакфейс в моде при любой погоде // Все люди как люди. А я даже дакфейс приличный сделать не смогла // Дакфейс в нашем исполнении // Не всё то селфи, что дакфейс // надо еще большие черные очки и дакфейс, но у меня лицо в него не складывается.*

В Интернете преобладает негативная оценка дакфейса, так как сложился стереотип о том, что это выглядит неестественно, некрасиво, банально. А девушки, которые делают дакфейс, считаются глупыми, незрелыми, необразованными, неприличными, озабоченными своей внешностью и т. д. Ср.: *Они вообще приличные, даже селфи с дакфейсами не делают // милая, но дакфейс-то есть // я была обязана сделать дакфейс // не делай на фотках дакфейс, это ужасно // У неё в ленте сначала идёт разукрашенный дакфейс в зеркале, а затем мем “Любите душу, а не то, что снаружи” // дакфейс вообще смерть для меня // кому я объясняю... .малолетней ТП с дакфейсами в альбомах // Губки не выпячивай, а то к дакфейсу еще и носогубные складки прибавляются // Идея состоит в том, чтобы заполнить соц. сети произведениями искусства вместо надоевших дакфейсов // Да я не быдло с дакфейсом на аве // ему можно простить дакфейс // дакфейсы неактуальны уже... // я уже машинально представляю блондинку с дакфейсом, когда слышу или читаю подобные выражения // завидую твоей новостной ленте, в моей же сплошные дакфейсы от разных “меня трудно найти – легко потерять” // выпендриваться с дакфейсом // дакфейс и унитаз созданы друг для друга // дакфейс уже во всю паразитирует на твоём лице // Как низко мы пали... еще и с дакфейсами... // дакфейс убрать, и симпатичные девушки // Мы рычали, отправляли воздушные поцелуйчики (это не дакфейс!!) // Единственный дакфейс, который смотрится отлично // ДакФейс? Так фоткаются ток дуры // Лол, дакфейс на каждой фотографии. И правильно уволили // хороша когда дакфейс не делает.*

В некоторых случаях слово дакфейс даже приравнивается к оскорблению. Ср.: *по своим суждениям вы не превышаете 13-летнего подростка. Тем более, с дакфейсом на аватарке // любой нормальный мужик увидев такое фото с дакфейсом в сортире не подумает о серьезных отношениях // а кто нормальный? люди с дакфейсом на аве? // если бы у меня был дакфейс я бы молчал // Забавно это будет смотреться в лентах инстаграма: рядом с котиками, суши, дакфейсами и прочими атрибутами современного маразма // дакфейс такую фоточку запарол! // ты задолбала со своими дакфейсами.*

Стоит отметить, что рассмотренные нами лексемы изначально являлись англо-американизмами, но, попав русский язык, они приобрели ряд адаптационных особенностей. Так, некоторые исследователи также выявляют факт орфографической вариативности и родовых колебаний заимствованных единиц [8]. Ср.: *селфи и селфи; моя селфи – моё селфи* и т. д.

Таким образом, рассмотрев данные примеры, мы приходим к выводу, что на сегодняшний день технический прогресс определяет особенности сетевого общения, внедряя в него всё новые слова и понятия. При этом важно отметить, что за каждым таким понятием стоит целое явление, рождающее определённые стереотипы мышления в сетевом языке, развивающее особую культуру употребления данной лексики, создающее целый сетевой мир с особой системой правил. Комплексное изучение актуальной лексики в интернет-дискурсе позволяет лучше понимать устройство виртуального мира и активные процессы, происходящие в языке.

Примечания

1. Рязанцева Т. И. Некоторые особенности реализации коммуникативных принципов и стратегий в условиях компьютерного опосредованного общения // Вестник Московского университета: Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 202–211.

2. URL: <http://vk.com/> (личная информация пользователей, статусы, личные сообщения и т. д.).

3. Лайк, репост и нравственный закон внутри нас В. Берхин. URL: <http://foma.ru/lajk-repost-i-nravstvennyij-zakon-vnutri-nas.html>. дата обращения 5.04.2015
4. URL: <http://www.wikireality.ru/wiki/Лайк>
5. Калинина Л. В. Вербальная конкуренция в пространстве Интернета: реклама, репайт, репост // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 3. С. 80–88.
6. URL: http://vk.com/by_duran?w=wall-25336774_6876 Дата обращения: 5.04.2015.
7. 10 фотографий в соцсетях, приведших к увольнению URL: <http://tjournal.ru/paper/last-selfie>. Дата обращения: 6.04.2015.
8. Долгова Т. В. К вопросу об англоязычных заимствованиях в современном русском языке // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск, 2015. № 44. С. 86–91.

Notes

1. T. I. Ryazantseva Nekotorye osobennosti realizacii kommunikativnyh principov i strategij v usloviyah komp'yuternogo oposredovannogo obshcheniya [Some features of the communicative principles and strategies in computer mediated communication] // Vestnik Moskovskogo universiteta- Herald of Moscow University, Ser. 19, Linguistics and intercultural communication. 2007, No. 1, pp. 202-211.
2. Available at: <http://vk.com/> (personal information of users, statuses, private messages, etc.). (in Russ.)
3. [Like, repost and the moral law within us] V. Berkhin. Available at: <http://foma.ru/lajk-repost-i-nravstvennyij-zakon-vnutri-nas.html>. (accessed 5.04.2015) (in Russ.)
4. Available at: <http://www.wikireality.ru/wiki/Лайк> (in Russ.)
5. Kalinina L. V. Verbal'naya konkurenciya v prostranstve Interneta: reklama, rerajt, repost [Verbal competition in the Internet space: advertising, rewrite, repost] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 3, pp. 80-88.
6. Available at: http://vk.com/by_duran?w=wall-25336774_6876 (date of access: 5.04.2015). (in Russ.)
7. 10 photos in social networks, which led to the dismissal Available at: <http://tjournal.ru/paper/last-selfie>. (Date of access: 6.04.2015). (in Russ.)
8. T. V. Dolgova K voprosu ob angloyazychnyh zaimstvovaniyah v sovremennom russkom yazyke [To the question of English borrowings in the modern Russian language] // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii - In the world of science and art: issues of Philology, art history and cultural studies. Novosibirsk. 2015, No. 44, pp. 86-91.

УДК 002.2

Е. В. Динер

Книга как тип документа: к постановке проблемы

Статья посвящена проблемам методологии книги. Опираясь на теорию нечёткой логики, новейшие исследования по философии и книговедению, автор обосновывает возможность изучения книги с позиций документологического подхода, то есть как типа документа. Тип документа «книга» рассматривается как размытое множество предметов, члены которого обладают некоторыми существенными признаками, являющимися типологическими. Исходя из этого, в статье отмечается необходимость рассмотрения понятия «книга» в функциональном и субстанциональном значениях: субстанциональный аспект характеризует книгу как научную категорию, функциональный – как конкретный предмет, имеющий определённые признаки, позволяющие отнести его к книге. В статье содержится положение о том, что в субстанциональном значении понятие «книга», как и понятие «документ», является условным, относительным и конвенциональным, что определяет новый подход к анализу книги в современном книговедении.

The article investigates the methodology of the book. Based on the theory of fuzzy logic, the latest research in philosophy and book science, the author proves the possibility of studying the book from the perspective of documentological approach, that is, as the document type. Document type "book" is regarded as a fuzzy set of objects, whose members have certain intrinsic characteristics that typological. From this perspective, the article notes the need to consider the concept of "book" in the functional and palpable values: the substantial aspect characterizes the book as a scientific category, functional – as a concrete object that has certain features that allow it to carry the book. The article contains a provision that in the substantial meaning of "book" as the concept of "document" is conditional, relative and conventional, that defines a new approach to the analysis of the book in the modern bibliography.

Ключевые слова: документологический подход к анализу книги, книга как тип документа, нечёткое множество, лингвистическая переменная, субстанциональное и функциональное значения термина «книга», условность, относительность и конвенциональность понятия «книга».

Keywords: documentological approach to the analysis of the book, the book as a document type, fuzzy set linguistic variable, the substantial and functional meaning of the term "book" conditionality, relativity and conventional concept of "book".

В современном книговедении всё более укрепляется мнение о том, что книгу следует рассматривать как определённого рода документ, обладающий специфическими признаками. Однако изучение книги с позиций документологического подхода требует решения задач, главными из которых являются следующие: а) определение места книги в системе документивной [1] коммуникации (книга – это вид или тип документа); б) определение свойств книги, присущих ей как документу. Эти проблемы пока не нашли достаточного освещения ни в рамках книговедения, ни в рамках документологии.

Попытка решить вопрос о месте книги в системе документивной коммуникации присутствует, например, в трудах Г. Н. Швецово-Водки. Определяя круг объектов, имеющих отношение к документу, автор выделяет восемь значений слова «документ», одно из которых соответствует книге как объекту коммуникации, однако не соотносится ни с видами, ни с типами документа. В рамках «Документа IV», к которому, согласно Г. Н. Швецово-Водке, относится и книга, дается классификация литературных изданий по признакам, имеющим характер классовобразующих в большинстве книговедческих работ: социальному назначению, возрастному признаку (читательскому адресу), языковому признаку (оригинальное или переводное). Более подробная классификация производится автором на основе понятия «жанр литературного произведения» и является традиционной классификацией изданий [2]. В учебно-практическом пособии «Документ в свете ноокоммуникологии» Г. Н. Швецова-Водка отмечает, что типологическая характеристика книги охватывает разные её категории и в этом плане «типологию книги можно рассматривать как подраздел типологии документа» [3], но это положение в её трудах не получило дальнейшего развития.

Н. Н. Кушнарченко в учебнике «Документоведение» определяет книгу как вид, разновидность документа [4]. Эти понятия она употребляет в качестве синонимов, что неверно, так как вид – более широкое понятие, чем разновидность. Автор отмечает, что в системе документивной коммуникации самым широким является термин «документ», он поглощает понятия «книга» и «издание». Термин «книга», согласно Н. Н. Кушнарченко, уже, чем термин «издание» [5]. Однако это положение противоречит существованию книги в пространственно-временном континууме. Как объект коммуникации, она может распространяться в качестве издания, если прошла редакционно-издательскую подготовку и имеет выходные сведения, а может быть опубликована, то есть обнародована, например, в авторской редакции и не иметь выходных сведений как таковых. Если согласиться с логикой рассуждений Н. Н. Кушнарченко, то к книге нельзя отнести рукописную книгу, депонированное произведение, аудиокнигу, электронную книгу, распространяющуюся через Интернет, а это существенно сужает круг документов, относимых к книге в современном коммуникационном пространстве.

Определяя видообразующие свойства книги, Н. Н. Кушнарченко рассматривает её как документ:

1) текстовый; если содержание документа, отмечает автор, передано другими знаками, а их процент превышает буквенные, он не может считаться книгой (в таком случае к книге нельзя причислить, например, издания для детей 3–5 лет, так как большая часть информации передана в них с помощью иллюстраций, по этой же причине мы не можем причислить к книге издания, содержащие репродукции художественных полотен и т. д.);

2) вербально-письменный (это свойство реализуется далеко не во всех объектах книжной коммуникации, например, учебное пособие по математике или физике может состоять из множества формул, они, как известно, не относятся к вербальным средствам, значит, такое издание, согласно автору, книгой считаться не может);

3) человекочитаемый;

4) визуальный;

5) опубликованный;

6) печатный;

7) бумажный;

8) блочно-кодексовый [6].

Последние три свойства позволяют причислить к книге только книгу-кодекс и оставляют за её рамками другие книжные формы. Такая позиция не соответствует современному состоянию книжной коммуникации, поэтому при выделении типологических свойств книги за основу её брать нельзя.

Перспективной с позиции решения обозначенной проблемы является теория документа, представленная в работах Ю. Н. Столярова. Её применение к исследованию книги как частного

случая документа позволяет выделить не только свойства, сближающие ее с документом, но и специфические, присущие только книге. Исходя из теоретических положений, выдвинутых Ю. Н. Столяровым, становится возможным: а) рассмотреть книгу в качестве *типа документа*, то есть как обширную группу документных объектов, которые отличаются друг от друга множеством признаков, но тем не менее обладают свойствами, позволяющими объединить их; б) исследовать структуру книги в соотношении со структурой документа и на этой основе выделить типобразующие свойства книги [7].

Возможность исследовать книгу как *тип*, а не вид документа может быть обоснована положениями, содержащимися в теории нечётких множеств, которая, согласно законам логики, является основой типологии как метода исследования. Одно из исходных положений нечёткой логики заключается в следующем: методы анализа систем, основанные на высокой точности, не способны охватить всё многообразие объектов, принадлежащих к этим системам, в свою очередь использование понятий нечёткой логики позволяет изучить системы, состав которых представлен огромным множеством разнообразных объектов [8].

В основе понятия нечёткого множества лежит представление о том, что составляющие данное множество элементы обладают общим свойством, но в различной степени и, следовательно, принадлежат к данному множеству с различной степенью. «При таком подходе высказывания типа “такой-то элемент принадлежит данному множеству” теряют смысл, поскольку необходимо указать “насколько сильно” или с какой степенью конкретный элемент удовлетворяет свойствам данного множества» [9]. Поэтому нечеткая логика предлагает иной уровень мышления, благодаря которому творческий процесс моделирования в рамках систем происходит на наивысшем уровне абстракции.

С целью изучения таких систем в рамках нечёткой логики вводится понятие «лингвистической переменной», которая представлена не числом, а словом или словосочетанием и является менее конкретной, чем численная величина. Совокупность значений этой переменной составляет «терм-множество», способное иметь неограниченное количество элементов, каждый из которых может быть выражен в численном эквиваленте: $1 + 2 + 3 + 4 + 5 + \dots = 100$. Это является так называемой базовой переменной лингвистической переменной [10].

Лингвистическая переменная может быть представлена несколькими компонентами. В этом случае каждый компонент является определённой базовой составляющей, значения которой располагаются в соответствующем интервале. В свою очередь значение каждого компонента является названием некоторого нечёткого ограничения на базовую переменную, смысл этого ограничения определяется функцией совместимости [11].

Понятие совместимости в нечёткой логике отлично от понятия вероятности и характеризуется тем, что все значения переменной, расположенные в промежутке от 0 до 1, в той или иной степени относятся к доминанте множества, а все выходящие за эти рамки – нет. «Любую нечёткую переменную, – пишет, например, Л. Заде, – можно уподобить саквояжу не с твёрдыми, а с мягкими стенками. Множество предметов, которые можно поместить в этот саквояж, является нечётким по своей природе и определяется функцией совместимости. Она ставит в соответствие каждому предмету число из интервала от 0 до 1, символизирующее степень лёгкости, с которой этот предмет можно поместить в саквояж» [12]. Пользуясь этой аналогией, исследователи характеризуют лингвистическую переменную как твёрдый саквояж, куда можно поместить мягкие саквояжи с ярлыками. На каждом из них будет приведено описание нечёткого ограничения на множество предметов, которые можно поместить в соответствующий мягкий саквояж [13].

Если такой подход применить к книге, то лингвистическая переменная «книга» может характеризоваться как составная и включать в себя множество компонентов. Каждый из них будет иметь свои значения, скажем, компонент «материальный носитель» будет состоять из базовой переменной, включающей в себя значения «электронный», «нонэлектронный». В свою очередь каждый компонент базовой составляющей также может быть представлен своими значениями. Например, компонент «электронный» может быть представлен так: «имеет печатный аналог», «не имеет печатного аналога» и т. д.

Таким образом, совокупность значений базовых составляющих будет представлять нечёткое, «размытое» множество предметов, расположенных в интервале «книга – не-книга». Количество предметов, включённых в это множество, не ограничено. Чтобы его определить, необходимо найти те главные признаки, которые отличают книгу от не-книги, то есть отграничивают её от другого типа документа. Они и будут типологическими. Определение таких признаков позволит выделить книгу из документивной системы и всесторонне исследовать её с точки зрения современного коммуникационного процесса.

Возможность рассмотрения книги в качестве типа документа подтверждается исследованиями по методологии познания [14], где доказана недостаточность классификационного метода в изуче-

нии сложных, многокачественных и многоаспектных объектов, а также определена моделирующая функция типологии, позволяющая выстроить группировку объектов на высоком уровне обобщения, то есть создать модель, образ того или иного понятия. Обоснование этого положения содержится и в работах по книговедению, в которых книга рассматривается в качестве научной категории, имеющей высокую степень обобщения, и выстраивается типологическая модель книги [15].

Рассматривая книгу как тип документа, правомерно предположить, что, как и любой документ, она обладает свойствами, присущими документу в целом, и выполняет ту же функцию, что и документ. В трудах А. М. Иоффе, А. И. Барсука, Е. Л. Немировского, И. Е. Баренбаума, И. Г. Моргенштерна, В. Б. Ленского, А. А. Беловицкой, А. В. Соколова, Г. Н. Швецово-Водки и других отмечено, что книга участвует в коммуникационном процессе и призвана передать ту или иную информацию во времени и пространстве. В этом плане коммуникативная или информационно-коммуникативная функция книги является универсальной и соотносится с функциональной характеристикой документа. Положения о том, что содержание книги, как и документа, закреплено в определённом материальном носителе, который может иметь и волновую природу, а информация передаётся с помощью знаков, изучены и обоснованы во многих трудах по книговедению [16] и документологии [17] и в настоящее время сомнения не вызывают.

В теории документа, разработанной Ю. Н. Столяровым, содержится также положение о том, что понятие «документ» является условным, относительным и конвенциональным. Оно выдвинуто и в трудах Г. Н. Швецово-Водки. Принимая во внимание многозначность термина «документ» и применяя один из фундаментальных методов философии – метод восхождения от абстрактного к конкретному, Ю. Н. Столяров полагает, что соотношение теоретического, абстрактного, и практического представления о документе может быть выражено в терминах «субстанциональный документ» и «функциональный документ». В субстанциональном смысле документ есть информация, записанная на материальном носителе, способом, созданным человеком, могущая служить единицей в процессе социальной коммуникации; в функциональном смысле это материальный объект, используемый для чтения необходимой информации, то есть выполняющий функцию субстанционального документа» [18]. Если такой подход применить к книге, то условность, относительность, конвенциональность как сущностные свойства документа будут присущи и ей. В этом случае можно утверждать: *понятие «книга», как и понятие «документ», имеет субстанциональное и функциональное значения.*

Первое присуще книге, рассматриваемой как категория, отражающая главные типологические свойства всех объектов, к нему причисляемых. Второе будет характеризовать конкретный материальный объект, в котором реализуются данные свойства, но тем не менее отличающийся своеобразием. Подтверждение этого положения можно найти в работах по книговедению. Например, Е. Л. Немировский, А. А. Беловицкая, С. П. Омилянчук, А. А. Гречихин, И. Г. Моргенштерн рассматривают книгу как абстрактное понятие, высшую книговедческую категорию, выражающую общие признаки объектов, которые могут быть к ней причислены, то есть в её субстанциональном значении. И. Г. Моргенштерн в статье «Динамика и статика книги», определяя категорию стабильности содержания книги, указывает на необходимость «предварительно разделять понятия «абстрактная книга» (книга как понятие), «реальная книга», «конкретное издание книги», «экземпляр книги» [19]. Такой подход позволит устранить и противоречия в определении понятия «книга», что является одной из главных задач современного книговедения.

Многие книговеды отмечали невозможность дать точное определение термина «книга», объясняя это его широкой обобщенностью. Именно поэтому некоторые дефиниции распространяются на круг предметов, выходящих за общее, традиционное представление о книге. Например: книга – «важнейшая исторически сложившаяся форма закрепления и передачи во времени и пространстве многообразной информации в виде текстового и иллюстративного материала» [20]; «книга – это диалектическое единство содержания (социальная информация), семиотической (язык, жанр) и материально-конструктивной формы» [21] и т. д. Исходя из других определений, к книге можно причислить лишь книгу-кодекс: «книга... есть интегративный результат воплощения издательско-полиграфическими средствами организованной особым способом авторской текстовой и другой информации в такую тиражируемую трехмерную (книжную) форму, которая обеспечит удобное и эффективное восприятие этой информации читателем» [22]; книга – это «произведение письменности или печати, имеющее любую знаковую форму (идеографическую, алфавитную, нотную, цифровую), зафиксированное на любом материале (камень, глина, кожа, папирус, шелк, доска, бумага, синтетические материалы), выполняющее одновременно ряд функций (информационно-коммуникативную, идеологическую, познавательную, эстетическую, этическую и иные) и адресованное реальному или абстрактному читателю» [23]. Взгляд на книгу как тип документа, характеризующийся условностью и конвенциональностью, позволяет снять это противоречие.

Условия современной коммуникационной системы таковы, что определить точное отношение того или иного объекта коммуникации к книге иногда очень сложно. Согласно теории нечётких множеств тип «книга» – это размытое множество предметов, но отдельные его объекты могут обладать лишь некоторыми существенными свойствами книги или только одним, что может затруднить процесс типологизации. В этом случае конвенциональность понятия «книга» позволит договориться о том, какие конкретные объекты мы к ней причисляем, а какие нет. Например, можно договориться о том, что электронная книга распространяется, скажем, только на художественную литературу. Тогда появляется возможность стандартизировать термин «электронная книга», а все объекты, причисляемые к нему, классифицировать по определённым признакам.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что изложенная позиция является дискуссионной и требует обсуждения, однако она кажется разумной, так как позволяет рассмотреть понятие «электронная книга» как в субстанциональном, так и в функциональном значениях. Такой подход не отрицает и духовного значения книги в развитии общества, он вполне позволяет изучить её в рамках культурологической или феноменологической концепций. Но в этом случае возникает возможность всесторонне исследовать те объекты коммуникации, которые причисляются к книге в современном обществе.

Примечания

1. Столяров Ю. Н. Формирование библиотечного фонда: практ. пособие / МГУКИ. СПб.: Профессия, 2015. С. 61.
2. Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие. М.: Рыбари; Киев: Знания, 2009.
3. Швецова-Водка Г. Н. Документ в свете ноокоммунологии: науч.-практ. пособие. М.: Литера, 2010. С. 266.
4. Кушнаренко Н. Н. Документоведение: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Т-во «Знання», КОО, 2000. С. 161.
5. Там же. С. 162.
6. Там же. С. 168.
7. Саутина Е. В. Теоретико-методологические основы электронной книги // Книга и книжное дело в России: историко-типологический аспект: коллективная монография / науч. ред. Л. А. Мосунова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 139–166.
8. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / под ред. Н. Н. Моисеева, С. А. Орловской; пер. с англ. Н. И. Ринго. М.: Изд-во «Мир», 1976. С. 10.
9. Штовба С. Д. Введение в теорию нечетких множеств и нечеткую логику. URL: <http://matlab.xpopena.ru>. – Дата обращения: 15.04.2014.
10. Там же.
11. Заде Л. Указ. соч. С. 16.
12. Там же. С. 17.
13. Там же.
14. Горский Д. П. Логические аспекты методологии обществознания // Вопросы философии. 1984. № 6. С. 99–108; Москвитин А. Ю. Основные принципы типологии и их применение к анализу типологических проблем в социальном познании: дис. ... канд. филос. наук. Владивосток, 1999; Подкорытов Г. А. О природе научного метода. Гл. 111. Систематизация. Л., 1988; Баранцев Р. Г. Системные триады и классификации // Теория и методология биологических классификаций. М., 1983. С. 81–89.
15. Беловицкая А. А. Система книговедческого метода // Книга и социальный прогресс. М., 1986. С. 131–139; Беловицкая А. А., Омилянчук С. П. К содержанию понятия «советская книга». (Книга в процессе движения) // Советская историография книги. М., 1979. С. 99–137; Гречихин А. А. Библиотипология как научное направление. Особенности становления и развития в российском книговедении: Монография. М.: МГУП, 2003.
16. Беловицкая А. А. Указ. соч.; Беловицкая А. А., Омилянчук С. П. Указ. соч.; Гречихин А. А. Современные проблемы типологии книги. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989; Баренбаум И. Е. Книговедение и электронная книга // Книга: исследования и материалы: сб. 76. М.: Наука, 1999. С. 5–15.
17. Столяров Ю. Н. Онтологический статус документа // Библиотекосведение. 1999. № 4–6. С. 50–59; Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги; Кушнаренко Н. Н. Указ. соч.
18. Столяров Ю. Н. Онтологический статус документа. С. 55.
19. Моргенштерн И. Г. Динамика и статика книги // Книга: исследования и материалы: сб. 80. М., 2002. С. 151.
20. Книга: энциклопедия / под ред. Е. Л. Немировского. URL: [/polygraphicbook.narod.ru/](http://polygraphicbook.narod.ru/). Дата обращения: 15.04.2014.
21. Гречихин А. А. Современные проблемы типологии книги. С. 56.
22. Кравченко В. Ф. Актуальные проблемы современного книгоиздания (Опыт системного исследования): дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 70.
23. Баренбаум И. Е. Указ. соч. С. 11.

Notes

1. Stolyarov Yu.N. Formirovanie bibliotechnogo fonda: prakt. Posobie [The formation of the library collection: practical guide] / Moscow State University of Culture. SPb. Professiya. 2015. P. 61.

2. Shvetsova- Vodka G.N. Obshchaya teoriya dokumenta i knigi: ucheb. Posobie [The General theory of document and books: tutorial], M. Rybari; Kyiv. Znaniya. 2009.
3. Shvetsova- Vodka G.N. Dokument v svete nookommunikologii: nauch.- prakt. Posobie [The document in the light of nocommunication: scient.- practical guide]. M. Litera. 2010. P. 266.
4. Kushnarenko N. N. Dokumentovedenie: ucheb. [Documentation: textbook]. 2nd issue, rev. and add. Kiev. Partnership "Znannya". KRO. 2000. P. 161.
5. Ibid. P.162.
6. Ibid. P.168.
7. Sautina E. V. Teoretiko- metodologicheskie osnovy ehlektronnoj knigi [Theoretical and methodological foundations of e-books] // Kniga i knizhnoe delo v Rossii: istoriko- tipologicheskij aspekt: kollektivnaya monografiya - Book and book publishing in Russia: historical- typological aspect: monograph / scientific. ed. L. A. Mosunova. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2014. Pp. 139-166.
8. Zade L. Ponyatie lingvisticheskoy peremennoj i ego primenenie k prinyatiyu priblizhennyh reshenij [Concept of a linguistic variable and its application to approximate reasoning] / ed. by N. N. Moiseev, S. A. Orlovskaya; transl. from Eng. N. I. Ringo. M. Publ. Mir. 1976. P. 10.
9. Shtovba S. D. Vvedenie v teoriyu nechetkih mnozhestv i nechetkuyu logiku [Introduction to the theory of fuzzy sets and fuzzy logic]. Available at: <http://matlab.xponenta.ru>. – (Accessed: 15.04.2014).
10. Ibid.
11. Zade L. Op. cit. P. 16.
12. Ibid. P. 17.
13. Ibid.
14. Gorsky D. P. Logicheskie aspekty metodologii obshchestvoznaniya [Logical aspects of the methodology of social science] // Voprosy filosofii - Questions of philosophy. 1984, No. 6, pp. 99-108; Moskvitin A. Yu. Osnovnye principy tipologii i ih primenenie k analizu tipologicheskikh problem v social'nom poznanii: dis. ... kand. filos. nauk [Basic principles of typology and their application to the analysis of typological problems in social cognition: dis. ... Cand. Philosophy]. Vladivostok. 1999; Podkorytov G. A. O prirode nauchnogo metoda [On the nature of the scientific method]. Ch. 111. Systematization. L. 1988; Barantsev R.G. Sistemnye triady i klassifikacii [System triads and classification] // Teoriya i metodologiya biologicheskikh klassifikacij - Theory and methodology of biological classifications. M. 1983. Pp. 81-89.
15. Belovitskaya A. A. Sistema knigovedcheskogo metoda [System of bibliography method] // Kniga i social'nyj progress - Book and social progress. M. 1986. Pp. 131-139; Belovitskaya A. A., Omilyanchuk P. S. K sodержaniyu ponyatiya «sovetskaya kniga». (Kniga v processe dvizheniya) [To the concept of "Soviet book". (The book is in the process of moving)] // Sovetskaya istoriografiya knigi - Soviet historiography book. M. 1979. Pp. 99-137; Grechikhin A. A. Bibliotipologiya kak nauchnoe napravlenie. Osobennosti stanovleniya i razvitiya v rossijskom knigovedenii: monografiya [Bibliotypology as a research area. Features of formation and development of the Russian bibliography: monograph]. M. MSUP. 2003.
16. Belovitskaya A.A. Op. cit.; Belovitskaya A. A., Omelyanchuk P. S. Op. cit.; Grechikhin A.A. Op. cit.; Grechikhin A. A. Sovremennye problemy tipologii knigi [Modern problems of the typology of the book]. Voronezh. Publishing house of Voronezh University. 1989; I. E. Barenbaum Knigovedenie i ehlektronnaya kniga [Bibliology and e-book] // Kniga: issledovaniya i materialy: sb. 76 - Book: studies and materials: coll. 76. M. Nauka. 1999. Pp. 5-15.
17. Stolyarov Yu.N. Ontologicheskij status dokumenta [The ontological status of the document] // Bibliotekovedenie – Library study. 1999, No. 4-6, pp. 50-59; Shvetsova- Vodka G.N. Obshchaya teoriya dokumenta i knigi [The general theory of document and books]; Kushnarenko N. N. Op. cit.
18. Stolyarov Yu.N. Ontologicheskij status dokumenta [The ontological status of the document]. P. 55.
19. Morgenstern I. G. Dinamika i statika knigi [Dynamics and statics of a book] // Kniga: issledovaniya i materialy: sb. 80 - Book: studies and materials: coll. 80. M. 2002. P. 151.
20. Kniga: ehnciklopediya - Book: an encyclopedia / edited by E. L. Nemirovsky. Available at: [/polygraphiobook.narod.ru/](http://polygraphiobook.narod.ru/). (Accessed: 15.04.2014).
21. Grechikhin A. A. Sovremennye problemy tipologii knigi [Modern problems of the typology of the book]. P. 56.
22. Kravchenko V. F. Aktual'nye problemy sovremennogo knigoizdaniya (Opyt sistemnogo issledovaniya): dis. ... kand. filol. nauk [Actual problems of modern book publishing (Experience in system research): dis. ... Cand. of Philology]. M. 1984. P. 70.
23. I. E. Barenbaum Op. cit. P.11.

Риск-ориентированный подход в сфере контрольно-надзорной деятельности административных органов Российской Федерации

В связи с поручениями руководства государства Министерством экономического развития Российской Федерации разрабатывается проект Федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации». Задачей законопроекта является создание правовой основы для формирования единой системы государственного и муниципального контроля (надзора) в Российской Федерации, обеспечивающей организацию и эффективное функционирование контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Одно из важнейших положений, изложенных в законопроекте и предлагаемых к законодательному закреплению, – это риск-ориентированный подход в сфере контрольно-надзорной деятельности.

Автором статьи дается анализ предлагаемой законопроектом правовой нормы, отмечаются положительные аспекты, а также критические замечания авторитетных ученых в области административного права по поводу механизма ее реализации.

In connection with the instructions of the State Ministry of Economic Development of the Russian Federation, a draft federal law "On the fundamentals of state and municipal control and supervision in the Russian Federation". The aim of the bill is to create a legal basis for the formation of a unified system of state and municipal control (supervision) in the Russian Federation, providing the organization and effective operation control and supervision of public authorities and local governments.

One of the key provisions set out in the bill and proposed legislative consolidation – a risk-based approach in the field of control and surveillance activities.

The authors of the article analyzes the proposed legislation a legal norm, marked the positive aspects, as well as criticisms of reputable scientists in the field of administrative law on the mechanism for its implementation.

Ключевые слова: проект федерального закона, государственный и муниципальный надзор, риск-ориентированный подход, промышленная безопасность, проверка поднадзорных субъектов.

Keywords: The draft Federal law on state and municipal supervision, risk – based approach, industrial safety, inspection of supervised entities.

В 2014–2015 гг. в Российской Федерации уполномоченными министерствами разрабатывается и реализуется система мер, направленных на оптимизацию взаимодействия между государственными органами и субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность при реализации органами исполнительной власти своих полномочий, в том числе в сфере контрольно-надзорной деятельности. Эти меры направлены, прежде всего, на снижение административного давления на бизнес, с целью повышения темпов развития предпринимательства как одного из основных факторов экономического роста.

Эти задачи нашли свое отражение в ежегодном послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г., анализ которого проведен одним из авторов данной статьи в предыдущих публикациях [1]. Одной из мер реагирования на данное Послание стала разработка Министерством экономического развития проекта Федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации» (законопроект), который в настоящее время проходит стадию общественного обсуждения и вызывает неоднозначные отзывы со стороны ученых-административистов и бизнес-сообщества.

Основной идеей законопроекта является создание правовой основы для формирования единой системы государственного и муниципального контроля (надзора) в Российской Федера-

ции, обеспечивающей организацию и эффективное функционирование контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления [2].

Целью законопроекта является установление базовых, системообразующих правил организации и осуществления государственного и муниципального контроля (надзора) в Российской Федерации, направленных

- на построение прозрачной, доверительной и действенной системы взаимоотношений власти, граждан и бизнеса;
- снижение избыточного давления на бизнес;
- стимулирование добросовестной конкуренции;
- определение и установление четких границ разрешительной деятельности, государственного и муниципального контроля и надзора;
- существенное повышение эффективности и результативности контрольно-надзорной деятельности;
- эффективное использование бюджетных средств.

Принятие законопроекта должно способствовать в целом совершенствованию государственного и муниципального управления, модернизации отечественной экономики, развитию добросовестной конкуренции, предотвращению коррупции и других злоупотреблений в органах государственной власти и местного самоуправления.

Законопроект довольно большой по объему и содержит множество новелл в подходах к вопросам реализации контрольно-надзорными органами своих полномочий, и его системный анализ не может быть реализован в формате данной статьи.

Поэтому рассмотрим лишь некоторые аспекты предлагаемых авторами законопроекта нововведений в рассматриваемых правоотношениях.

Одним из важнейших, по мнению автора, положений, изложенных в законопроекте и предлагаемых к законодательному закреплению, – это риск-ориентированный подход в сфере контрольно-надзорной деятельности. Такой подход предусматривает дифференциацию интенсивности проверок хозяйствующих субъектов в зависимости от риска причинения вреда общественным отношениям от результатов деятельности соответствующих поднадзорных субъектов и заимствован из правоприменительной практики контрольно-надзорных органов зарубежных стран, который нами также рассматривался ранее [3].

Например, в Чешской Республике, в отличие от российской надзорной практики, частота проверок поднадзорных субъектов органами пожарного надзора зависит от категории опасности производства. Основной фокус внимания сосредоточен на предприятиях и объектах повышенного риска.

Допускается, что только наиболее проблемные производства этой категории могут проверяться 1 раз в квартал, 1 раз в полгода, но, как правило, это происходит не чаще, чем один раз в год. Другие производства, относящиеся к низшей категории опасности, могут проверяться один раз в 5 лет и даже реже.

Практика проверок индивидуальных предпринимателей очень щадящая, а набор требований к индивидуальным предпринимателям минимальный. Офисные здания и помещения причисляются к наименьшей категории опасности и не подвергаются инспекционным проверкам вообще – пожарная служба довольствуется представляемой ей ежегодной документальной отчетностью. В то же время по российскому законодательству при планировании проверочных мероприятий не существует разницы между офисными и производственными помещениями.

Первая обязательная реакция противопожарной службы Чешской Республики на недочеты или нарушения правил пожарной безопасности – выдача предписания по их устранению. В предписании указывается срок – для несложных производств обычно один месяц. По истечении определенного срока происходит повторная инспекция, и только в случае невыполнения первоначальных предписаний может быть наложен штраф. На особо опасных производствах и при серьезных нарушениях производственный процесс может быть в силовом порядке даже приостановлен до устранения недочетов. Но это – крайняя мера, к которой прибегают лишь в исключительно редких, вопиющих случаях, когда другими мерами обойтись нельзя. Законом предусматривается подробный перечень действий или бездействий, за которые может быть наложен штраф.

В отличие от правовых норм КоАП РФ, по законодательству Чешской Республики размер штрафов за нарушения правил пожарной безопасности зависит от специализации деятельности компании и категории риска пожароопасности.

Максимальный размер штрафов регламентируется Законом 133/1985 специальной шкалой: для компаний без риска – до 10 000 крон (около 400 евро), для компаний с умеренным риском – до 20 000 крон (около 800 евро), для компаний с повышенным риском – до 25 000 крон (свыше 1 000 евро).

В исключительных случаях, если компания с повышенным риском допустила вопиющие, неординарные нарушения, грозящие общественной безопасностью, штраф может достигать 40 000 евро.

Система оценки рисков при планировании надзорных мероприятий в Российской Федерации уже предусматривается некоторыми нормативно-правовыми актами, например в сфере промышленной безопасности.

Так, в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 22-ФЗ в Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [4], впервые в практике российских надзорных органов контрольная и разрешительная деятельность Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) дифференцирована с учетом степени риска и масштаба возможных последствий аварий на опасных производственных объектах (ОПО).

Все ОПО разделены на 4 класса: объекты чрезвычайно высокой (I класс), высокой (II класс), средней (III класс) и низкой (IV класс) опасности. Класс опасности присваивается ОПО при его регистрации в государственном реестре.

В отношении ОПО I класса опасности установлен режим постоянного государственного надзора. Плановые проверки организаций и индивидуальных предпринимателей, эксплуатирующих ОПО I и II классов опасности, должны проводиться не чаще 1 раза в год, III класса – 1 раза в 3 года. ОПО IV класса опасности планово не проверяются. Организации, эксплуатирующие ОПО I и II классов опасности, обязаны создавать системы управления промышленной безопасностью и обеспечивать их функционирование. Сфера обязательного декларирования промышленной безопасности ограничена ОПО I и II классов.

Аналогичный подход к вопросам планирования и реализации контрольно-надзорной деятельности предлагается установить проектом Федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации» и в других сферах экономической деятельности.

Вместе с тем эти, на наш взгляд, концептуально правильные положения законопроекта подвергаются обоснованной критике с точки зрения практической реализации поставленной задачи – путем внедрения достаточно сложной по содержанию и обширной по объему системы управления рисками.

Так, например, по мнению профессора кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВятГГУ, доктора юридических наук А. И. Стахова, статьи законопроекта, посвященные управлению рисками, по сути, создают правовую основу для бюрократизации государственного контроля и надзора, а также муниципального контроля и надзора.

При этом главные задачи административного надзора – профилактика административных правонарушений, устранение причиненного вреда, восстановление нарушенного правового положения не прочерчены в качестве главной стратегической линии данного закона.

Избранный подход, по мнению А. И. Стахова, переключает контрольно-надзорные органы от предупреждения правонарушений, сформулированного в качестве одной из целей данной деятельности, на значительную по объему учетно-аналитическую работу. Он считает, что деятельность по моделированию рисков и пр. не относится к предмету регулирования данного законопроекта и вполне может быть регламентирована подзаконными нормативными правовыми актами.

Таким образом, для юридической практики представляется обоснованным ограничиться разработкой унифицированных формальных признаков угроз, адекватно которым контрольно-надзорные органы обязаны применять соответствующие типизированные административно-правовые меры, предусмотренные данным законопроектом.

Примечания

1. Домрачев Д. Г. Основные проблемы оптимизации контрольно-надзорной деятельности в свете послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 90–95.

2. Концепция проекта Федерального закона «О государственном и муниципальном контроле (надзоре) в Российской Федерации». Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации economy.gov.ru

3. Домрачев Д. Г. Проблемы применения административного законодательства контрольно-надзорными органами Российской Федерации // Сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013.

4. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (consultant.ru)

Notes

1. D. G. Domrachev Osnovnye problemy optimizacii kontrol'no- nadzornoj deyatel'nosti v svete poslaniya Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu RF ot 4 dekabrya 2014 g. [Main problems of optimization of control and supervision in the light of the message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of December 4, 2014] / Herald of VyatSHU. 2015, No. 1, pp. 90-95.

2. The concept of the draft of Federal law "On state and municipal control (supervision) in the Russian Federation". Official website of the Ministry of economic development of the Russian Federation economy.gov.ru (in Russ.)

3. D. G. Domrachev Problemy primeneniya administrativnogo zakonodatel'stva kontrol'no- nadzornymi organami Rossijskoj Federacii [Problems of application of administrative law by supervisory bodies of the Russian Federation] // bornik statej po materialam mezhtregional'noj nauchno- prakticheskoj konferencii -Collection of articles on materials of the interregional scientific- practical conference. Kirov. Publishing house LTD. "Raduga-PRESS". 2013.

4. Federal law of 21 July 1997 No. 116- FZ "On industrial safety of hazardous production facilities". Access from the ref.-legal system "Consultant plus" (consultant.ru) (in Russ.)

УДК 342

И. А. Абрамов

Правовые основы организации отпуска государственного гражданского служащего

В статье исследуется вопрос, касающийся реализации конституционного права граждан на ежегодный оплачиваемый отпуск. Ежегодный отпуск государственного гражданского служащего состоит из основного и дополнительного отпуска. В законодательстве указывается, что продолжительность отпуска зависит от группы, к которой соответствующая должность относится. Также предусмотрена возможность ежегодный отпуск разделить на части (при этом одна из частей не может быть менее 14 дней) или взять целиком вместе с ежегодным дополнительным отпуском за выслугу лет и за ненормированный рабочий день. При рассмотрении вопроса необходимо определить категории работников, которым предоставляется отпуск без сохранения денежного содержания, определить случаи, когда допускается освобождение государственного гражданского служащего от работы в связи с необходимостью выполнения семейных обязанностей.

This article explores the question regarding the implementation of citizens' constitutional right to paid annual leave. At the same time, it should be noted that the annual vacation of the state civil servant consists of basic and additional leave. The legislation states that the length of the leave depends on the group to which the position relates. It is also envisaged that it is possible to share the employee annual leave into parts, but one of the parts can not be less than 14 days, or take the whole together with additional annual leave for years of service and long working hours. In considering whether it is necessary to determine the categories of employees who are granted leave without pay of salaries and allowed the release of the state civil servant from work in connection with the need to fulfill family responsibilities.

Ключевые слова: государственный гражданский служащий, основной и дополнительный отпуск, должность, выслуга лет, продолжительность.

Keywords: civil servant, basic and additional leave, position, length of service, duration.

Одной из важнейших социальных гарантий, которая предоставляется государственным гражданским служащим, является ежегодный оплачиваемый отпуск. Соответствующая норма нашла своё отражение в ст. 46 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» от 27.07.2004 г. Она является производной от положения ч. 5 ст. 37 Конституции РФ, в соответствии с которой за каждым работником признается право на отдых.

В настоящее время в отношении фактической реализации данного права сохраняются некоторые проблемы, например многие государственные гражданские служащие не знают своих прав, не знают, что из-за стажа увеличивается отпуск. Также служащие не подозревают, что им предоставлены льготы на отпуск. В связи с этим необходимо в данной работе проанализировать виды отпусков государственных гражданских служащих (как с сохранением денежного вознаграждения, так и без сохранения); важно также выявить принципы исчисления отпуска.

В трудовом законодательстве отпуск обычно рассматривался и рассматривается как вид времени отдыха. В юридической литературе по проблемам государственной гражданской службы предпринимались попытки дать определение понятия «отпуск государственного служащего». Так, профессор В. Ш. Шайхатдинов предлагает называть отпуском государственного служащего временное освобождение его от выполнения служебных обязанностей по основаниям, предусмотренным федеральными законами и законами субъектов РФ, с сохранением места работы (должности) [1]. Как известно, на период такого отстранения за государственным служащим со-

храняется не только замещаемая им должность, но и денежное содержание. И поэтому под отпуском государственного гражданского служащего следует понимать его временное и не основанное на противоправном поведении освобождение, как правило, по его личной инициативе от исполнения должностных обязанностей по основаниям, предусмотренным федеральными законами и законами субъектов РФ с сохранением замещаемой государственной должности.

Согласно ч. 2 ст. 46 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» ежегодный оплачиваемый отпуск гражданского служащего состоит из основного оплачиваемого отпуска и дополнительных оплачиваемых отпусков [2]. Увеличение основного оплачиваемого отпуска за счет дополнительных отпусков для отдельных категорий работников встречается в действующем законодательстве. Так, например, ежегодные дополнительные оплачиваемые отпуска предоставляются работникам, занятым на работах с вредными или опасными условиями труда, работникам, имеющим особый характер работы, работникам с ненормированным рабочим днём, работникам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, а также в других случаях, предусмотренных федеральным законодательством.

Дополнительные оплачиваемые отпуска для государственного гражданского служащего представлены: 1) дополнительным оплачиваемым отпуском за выслугу лет (предоставляется всем гражданским служащим); 2) дополнительным оплачиваемым отпуском за ненормированный рабочий день (устанавливается для гражданских служащих, работающих за нормальной продолжительностью рабочего времени); 3) дополнительным оплачиваемым отпуском в связи с тяжелыми, вредными и опасными условиями труда (устанавливается в связи с условиями прохождения гражданской службы).

В соответствии с ч. 3 и 4 ст. 46 данного закона определена продолжительность ежегодного основного оплачиваемого отпуска. Для гражданских служащих, замещающих высшие и главные должности гражданской службы, основной оплачиваемый отпуск составляет 35 календарных дней, для гражданских служащих, замещающих должности гражданской службы ведущей, старшей и младшей групп – 30 календарных дней. Частью 5 ст. 46 определены принципы исчисления дополнительного оплачиваемого отпуска за выслугу лет. Дополнительный оплачиваемый отпуск за выслугу лет исчисляется из расчета один календарный день за каждый год гражданской службы. Указом Президента РФ от 19.11.2007 г. № 1532 определен Перечень периодов, включаемых в стаж государственной гражданской службы для установления гражданским служащим ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет, определения продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска, а также размера поощрений за безупречную и эффективную государственную гражданскую службу [3]. В перечень включены следующие периоды: 1) замещение государственных должностей РФ; 2) замещение государственных должностей субъектов РФ; 3) замещение должностей федеральной государственной гражданской службы, предусмотренных Реестром должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденным Указом Президента РФ от 31.12.2005 г. № 1574 «О реестре должностей федеральной государственной гражданской службы»; 4) замещение должностей государственной гражданской службы субъектов РФ, предусмотренных реестрами должностей государственной гражданской службы субъектов РФ; 5) замещение должностей прокурорских работников, определенных в соответствии с ФЗ «О прокуратуре РФ»; 6) замещение должностей сотрудников Следственного комитета РФ, определенных в соответствии с ФЗ «О Следственном комитете РФ»; 7) замещение должностей (воинских должностей), прохождение службы (военной службы) в которых засчитывается в соответствии с законодательством РФ в выслугу лет для назначения пенсии за выслугу лет, проходившим военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы [4]. Гражданским служащим, имеющим ненормированный служебный день, предоставляется ежегодный дополнительный отпуск не менее трёх календарных дней [5].

В соответствии с ч. 6 ст. 46 данного закона определены общие принципы исчисления ежегодного оплачиваемого отпуска. При исчислении общей продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска ежегодный основной оплачиваемый отпуск суммируется с ежегодным дополнительным оплачиваемым отпуском за выслугу лет. Нерабочие праздничные дни, приходящиеся на период ежегодного основного или ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, в число календарных дней отпуска не включаются. При этом общая продолжительность ежегодного основного оплачиваемого отпуска и ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска за выслугу лет для гражданских служащих, замещающих высшие и главные должности гражданской службы, не может превышать 45 календарных дней, для гражданских служащих, замещающих должности гражданской службы ведущей, старшей и младших групп, – 40 календарных дней. Дополнительные отпуска за ненормированный рабочий день, а также в связи с тяжелыми, вредными и опасными условиями гражданской службы предоставляются сверх ежегодного оплачиваемого отпуска.

Согласно ч. 8 указанной статьи по заявлению гражданского служащего ежегодный оплачиваемый отпуск может предоставляться по частям, при этом продолжительность одной части отпуска не может быть менее 14 календарных дней. По согласованию с представителем нанимателя гражданскому служащему может предоставляться часть отпуска иной продолжительности.

Частью 9 ст. 46 вышеназванного закона определено, что ежегодный оплачиваемый отпуск должен предоставляться гражданскому служащему в соответствии с графиком отпуска, утвержденным представителем нанимателя. В настоящее время указанный закон не определяет порядок формирования графика отпусков, и, соответственно, необходимо руководствоваться трудовым законодательством РФ.

Нельзя не отметить, что ч. 10 ст. 46 определено, что выплата денежного содержания гражданскому служащему за период ежегодного оплачиваемого отпуска должна производиться не позднее чем за 10 календарных дней до начала указанного отпуска. При предоставлении федеральному гражданскому служащему ежегодного оплачиваемого отпуска один раз в год производится единовременная выплата в размере двух месячных окладов денежного содержания.

Согласно ч. 14 ст. 46 данного закона определено, что при увольнении в связи с истечением срока служебного контракта отпуск с последующим увольнением может предоставляться и тогда, когда время отпуска полностью или частично выходит за пределы срока действия служебного контракта. В этом случае днём освобождения от замещаемой должности государственной гражданской службы и увольнения гражданской службы также считается последний день отпуска. В соответствии со ст. 127 ТК РФ по письменному заявлению работника неиспользованные отпуска могут быть предоставлены ему с последующим увольнением. При этом предоставление работнику неиспользованного отпуска с последующим увольнением является правом работодателя, а не его обязанностью. При предоставлении работнику отпуска с последующим увольнением считается последний день отпуска. Однако все расчеты с работником производятся до ухода работника в отпуск, так как по его истечении стороны уже не будут связаны обязательствами.

Нельзя обойти вниманием вопрос о предоставлении отпуска по семейным обстоятельствам или иным уважительным причинам по письменному заявлению государственного служащего. Решением представителя нанимателя такой отпуск может предоставляться без сохранения денежного содержания продолжительностью не более одного года. Хочется отметить, что предоставление государственному служащему отпуска без сохранения денежного содержания следует рассматривать не как разновидность ежегодного отпуска, а как особую форму социальной гарантии для работника.

На государственной гражданской службе отпуск без сохранения денежного содержания предоставляется с разрешения представителя нанимателя и оформляется приказом или распоряжением. Продолжительность отпуска без сохранения денежного содержания является предметом соглашения между представителем нанимателя и служащим в зависимости от причин, по которым возникла необходимость в таком отпуске. Максимальная продолжительность отпуска без сохранения денежного содержания на государственной гражданской службе составляет не более одного календарного года. Важно то, что отпуск без сохранения денежного содержания предоставляется гражданскому служащему только при наличии уважительной причины. Говоря о данной категории отпусков, согласно ст. 128 Трудового кодекса РФ, можно привести примеры: отпуск предоставляется работающим пенсионерам по старости (по возрасту) до 14 календарных дней в году; родителям и женам (мужьям) военнослужащим, погибшим или умершим вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с прохождением военной службы, – до 14 календарных дней в году; работающим инвалидам – до 60 календарных дней в году; служащим в случае рождения ребенка, регистрации брака, смерти близких родственников – до пяти календарных дней и т. д.

К другим случаям, которые предусмотрены Трудовым кодексом РФ, можно отнести дополнительные отпуска без сохранения денежного содержания гражданским служащим, осуществляющим уход за детьми. Согласно ст. 263 Трудового кодекса РФ, к таким лицам можно отнести: лиц, имеющих двух или более детей в возрасте до четырнадцати лет; лиц, имеющих ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет; одиноких матерей, воспитывающих ребенка в возрасте до четырнадцати лет; отцов, воспитывающих ребенка в возрасте до четырнадцати лет. Для указанных лиц могут устанавливаться ежегодные дополнительные отпуска без сохранения заработной платы в удобное для них время продолжительностью до 14 календарных дней. Указанный отпуск по письменному заявлению государственного гражданского служащего может быть присоединен к ежегодному оплачиваемому отпуску или использован отдельно полностью или по частям. Перенесение этого отпуска на следующий год не допускается.

Также в соответствии с Трудовым кодексом РФ представитель нанимателя (работодатель) обязан предоставить отпуск без сохранения заработной платы следующим государственным гражд-

данским служащим: 1) допущенным к вступительным испытаниям в образовательные учреждения высшего профессионального образования – 15 календарных дней; 2) слушателям подготовительных отделений образовательных учреждений высшего профессионального для сдачи выпускных экзаменов – 15 календарных дней; 3) обучающимся в имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях высшего профессионального образования по очной форме обучения, совмещающим учебу с работой, для прохождения промежуточной аттестации – 15 календарных дней в учебном году; 4) для подготовки и защиты выпускной квалификационной работы и сдачи итоговым государственных экзаменов – четыре месяца, для сдачи итоговых государственных экзаменов – один месяц; 5) допущенным к вступительным испытаниям в образовательные учреждения среднего профессионального образования, которые имеют государственную аккредитацию, – 10 календарных дней; 6) обучающимся в образовательных учреждениях среднего профессионального образования, имеющих государственную аккредитацию по очной форме обучения, совмещающим учебу с работой, для прохождения промежуточной аттестации – 10 календарных дней в учебном году. Для подготовки и защиты выпускной квалификационной работы и сдачи итоговых государственных экзаменов – два месяца, для сдачи итоговых экзаменов – один месяц. В соответствии со ст. 170 Трудового кодекса РФ представитель нанимателя обязан освобождать государственного гражданского служащего от работы с сохранением за ним места работы (должности) на время исполнения им государственных или общественных обязанностей в случаях, если в соответствии с Трудовым кодексом РФ эти обязанности должны исполняться в рабочее время.

Действующее законодательство допускает освобождение от работы в связи с необходимостью выполнения семейных обязанностей. Отпуск без сохранения заработной платы по этому основанию предоставляется в следующих случаях: 1) женщинам по их заявлению отпуск по уходу за ребенком до трех лет; 2) лицам, усыновившим ребенка. Отпуск предоставляется на период со дня усыновления и до истечения 70 дней со дня рождения усыновленного ребенка. При усыновлении один из родителей может получить отпуск 110 дней со дня их рождения.

Итак, подводя итог, хотелось бы отметить, что право на ежегодный оплачиваемый отпуск относится к числу конституционных прав граждан, гарантированных Конституцией РФ. Хотелось уделить внимание тому, что допустимы случаи перенесения или продления отпуска на другой срок, определяемый работодателем с учетом пожеланий, к примеру при временной нетрудоспособности служащего во время отпуска.

Примечания

1. Гафаров З. А., Иванова С. А., Шайхатдинов В. Ш. Правовое регулирование труда и социальной защиты государственных служащих РФ: учеб. пособие. Екатеринбург, 1998. С. 119.

2. ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ № 1532 от 19.11.2007 г. «Об исчислении стажа государственной гражданской службы РФ для установления государственным гражданским служащим РФ ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства РФ № 472 от 26.06.2008 г. «О порядке включения (зачете) в стаж государственной гражданской службы РФ отдельных периодов замещения должностей, предусмотренных Указом Президента РФ от 19.11.2007 г. № 1532. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Правительства РФ от 31.12.2008 г. № 1090 «Об утверждении правил предоставления ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска федеральным государственным служащим, имеющим ненормированный служебный день». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Notes

1. Gafarov Z. A., Ivanova S. A., Shaikhatdinov V. S. Pravovoe regulirovanie truda i social'noj zashchity gosudarstvennyh sluzhashchih RF: ucheb. posobie [Legal regulation of labor and social protection of civil servants of the Russian Federation: tutorial]. Ekaterinburg. 1998. P. 119.

2. Federal law "On state civil service of Russian Federation" dated 27.07.2004, No. 79- FZ. Access from the ref.-legal system "ConsultantPlus". (in Russ.)

3. The Presidential decree No. 1532 dated 19.11.2007 "On the calculation of the experience of the state civil service of the Russian Federation for the establishment for state civil servants of the Russian Federation of the monthly extra charge to an official salary for long service". Access from the ref.-legal system "ConsultantPlus". (in Russ.)

4. The RF Government decree No. 472 dated 26.06.2008 "On the procedure for inclusion (offset) in the experience of the state civil service of the Russian Federation separate periods of succession prescribed by the presidential decree dated 19.11.2007, No. 1532". Access from the ref.-legal system "ConsultantPlus". (in Russ.)

5. The RF Government decree from 31.12.2008 № 1090 "About approval of rules of provision of the additional annual paid leave for Federal public servants for irregular business day". Access from the ref.-legal system "ConsultantPlus". (in Russ.)

Проектирование курса «Элементы алгебры, логики и теории множеств» на основе технологического подхода

В статье рассматриваются вопросы проектирования курса «Элементы алгебры, логики и теории множеств» с использованием технологии В. М. Монахова. Представлен опыт проектирования пяти основных параметров модели учебного процесса (целеполагание, диагностика, дозирование домашнего задания, логическая структура учебного процесса, коррекция), включенных в технологическую карту. Проведен логико-математический анализ содержания курса с целью проектирования второго блока и выделения объектов диагностики. В отличие от работ академика В. М. Монахова и других исследователей, иначе предложено спроектировать блок «Коррекция». Сформулирован план занятия, проводимого в условиях технологического подхода, включающий следующие этапы: организация внимания студентов, формулировка дидактической цели, актуализация опорных знаний, предъявление нового материала, организация и руководство самостоятельной учебной деятельностью студентов, обеспечение обратной связи, рефлексия деятельности.

In the article the planning of the course "Elements of algebra, logic and set theory", using the technology of V. M. Monahov is considered. The experience in planning five basic characteristics of the educational process model is presented (the targeting, the diagnostics, gradual giving of the homework, the logical structure of the educational process, the correction) which are included in the process map. A logical-mathematical analysis of the course content for the purpose of planning the second block and of the selection of the objects of diagnostics is carried out. Unlike the works of academician V. M. Monahov and other researchers, the block «Correction» is designed differently. The lesson plan is formed which is conducted according to the technological approach. It comprises the following stages: the organizing of the students' attention, the formulation of the didactic purpose, the actualization of the basic knowledge, the presentation of the new material, the organization and management of the students' self-education, the provision of feedback and the reflection of activities.

Ключевые слова: технологический подход, целеполагание, диагностика, дозирование домашнего задания, логическая структура учебного процесса, коррекция.

Keywords: technological approach, process map, targeting, diagnostics, gradual giving of the homework, logical structure of the educational process, correction.

Технологический подход к обучению является одним из перспективных воплощений инновационных моделей обучения (В. П. Беспалько, О. Б. Епишева, М. В. Кларин, В. Ф. Любичева, В. М. Монахов, А. И. Уман и др.). Технологический подход к обучению означает:

- постановку и формулировку диагностируемых учебных целей, ориентированных на достижение запланированного результата обучения;
- организацию всего хода обучения в соответствии с учебными целями;
- оценку текущих результатов и их коррекцию, направленную на достижение поставленных целей;
- заключительную оценку результатов [1].

Технологический подход применительно к деятельности преподавателя означает владение способом конструирования учебного процесса на основе четкого упорядочения целевых установок [2]. Вадим Макариевич Монахов является одним из ведущих исследователей проблемы технологизации образования на разных ее уровнях в контексте стандартизации образования и совершенствования системы повышения квалификации учителей и преподавателей высшей школы, когда владение ими педагогической технологией стало элементом профессиональной культуры преподавателей [3].

О. Б. Епишева, технология которой спроектирована на основе деятельностного подхода к обучению, отмечает, что во многих известных технологиях обучения практически отсутствует технологическое проектирование образовательных целей в действиях обучающегося, которые лежат в основе проектирования учебного процесса. В технологии академика В. М. Монахова этот недостаток отсутствует [4].

В. М. Монахов ввел понятие «параметрическая модель учебного процесса» и выделил следующие ее параметры: *целеполагание; диагностика; логическая структура учебного процесса; коррекция; внеаудиторная деятельность учащихся* [5].

1. *Целеполагание* реализуется как процесс построения так называемых *микроцелей*, последовательность которых представляет все содержание учебной темы. Микроцели определяют содержание следующих параметров, т. е. выполняют функции управления деятельностью учителя по проектированию соответствующих процедур.

2. *Диагностика* включает три составляющие:

– ориентировочная (осуществляется логико-предметный анализ учебного материала, выделяются объекты диагностики),

– исполнительная (строится тематическая модель, компонентами которой служат выделенные объекты как элементы содержания учебного материала, действия студентов по их усвоению, разрабатываются самостоятельные работы),

– рефлексивно-оценочная (осуществляется оценка выполнения методом «сложения», где отчет ведется от уровня стандарта, минимально обязательного для всех).

3. *Дозирование домашнего задания* определяет содержание, объем и особенности самостоятельной деятельности обучаемых, необходимые им для успешного прохождения диагностики на выбранном ими самими уровне, который выявляется по результатам диагностики.

4. *Логическая структура учебного процесса* раскрывает содержание модели конкретного учебного процесса, оптимизирует логическую структуру учебного содержания, встраивает в учебный процесс программы развития.

5. *Коррекция* доставляет информацию о наиболее вероятных затруднениях и типичных ошибках учащихся при освоении соответствующей микроцели и проектирует траекторию выведения на уровень стандарта тех, кто не прошел диагностику.

Средством представления результатов проектирования технологии изучения конкретной учебной темы является «технологическая карта» [6] (табл. 1).

Таблица 1

**Форма технологической карты
в технологии В. М. Монахова**

Технологическая карта В. М. Монахова		
Тема: Ф. И. О. преподавателя		
4. Логическая структура учебного процесса		
1. Целеполагание	2. Диагностика	5. Коррекция
3. Дозирование домашнего задания		

Технологический методический инструментарий преподавателя, включающий методы, средства и формы обучения, организует его управляющую деятельность в обучении. Решающее значение имеет банк задач, с помощью которых организуется работа по усвоению и применению определений понятий, их свойств, создаются проблемные ситуации. Банк задач включает не только предметные, но и рефлексивные задачи, с помощью которых осуществляется анализ процесса усвоения обучаемыми различных компонентов учебной деятельности, обеспечивающий ее понимание, осознание, предупреждение ошибок и их причин.

Опираясь на педагогическую технологию В. М. Монахова, мы разработали технологическое оснащение процесса изучения курса «Элементы алгебры, логики и теории множеств» студентами первого курса направления подготовки «Математика» (профиль подготовки: «Вычислительная математика и информатика»). Исходя из содержания дисциплины, профессиональной образовательной программы, мы выделили в данном курсе следующие две учебные темы: «Элементы алгебры высказываний и алгебры множеств» – 16 час.; «Предикаты и кванторы. Строение теорем. Бинарные отношения» – 20 час.

На примере проектирования системы микроцелей изучения данных тем продемонстрируем проектирование первого блока (*целеполагание*) (см. табл. 2).

Таблица 2

I. Элементы алгебры высказываний и алгебры множеств	
Ц ₁	Знать и понимать определение высказывания, логических операций, их свойства; уметь составлять таблицы истинности и проверять, будет ли данная формула законом логики, являются ли две данные формулы равносильными
Ц ₂	Знать и понимать определения подмножества, операций над множествами, их свойства; уметь доказывать (опровергать) равенство двух множеств, полученных из других множеств с помощью теоретико-множественных операций, иллюстрировать операции над множествами диаграммами Эйлера – Венна
II. Предикаты и кванторы. Строение теорем. Бинарные отношения	
Ц ₃	Знать и понимать определения предиката, его областей определения и истинности, логических операций; уметь записывать и читать высказывания, содержащие предикаты и кванторы, формулировать их отрицания; записывать высказывания, используя термины «необходимо», «достаточно», «необходимо и достаточно», конструировать контрпримеры, обратную, противоположные теоремы
Ц ₄	Знать и понимать определения прямого произведения множеств, бинарного отношения (б. о.), его свойств и видов, способы задания б. о.; уметь проверять его свойства и определять, является ли оно порядком, функцией, эквивалентностью, строить фактор-множество

Нами проведен логико-математический анализ содержания названных ранее тем курса с целью проектирования второго блока и выделения объектов диагностики (рис. 1, 2). Затем спроектированы третий, четвертый (табл. 3) и пятый блоки (дозирование домашнего задания, структура учебного процесса и коррекция).

Все пять параметров модели учебного процесса внесены в технологическую карту. В качестве примера приведён фрагмент технологической карты по теме “Элементы алгебры высказываний” (табл. 4).

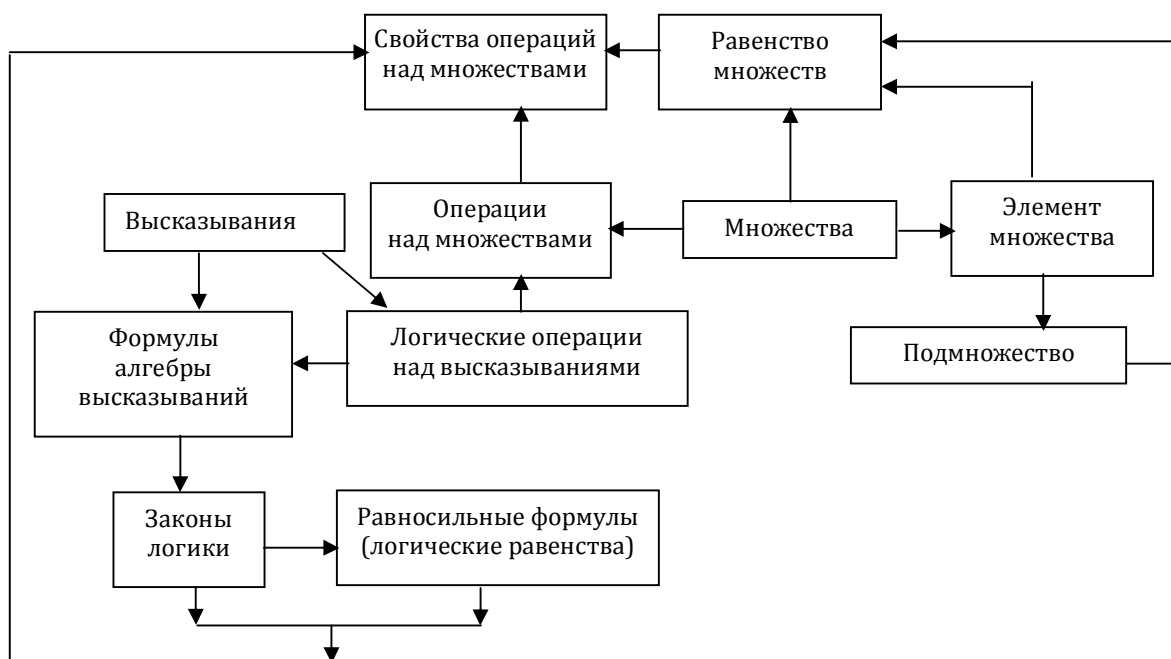

Рис. 1. Объекты диагностики в теме I

Таблица 3

Логическая структура учебного процесса

I. Элементы алгебры высказываний и алгебры множеств									
Ц1.			Д1.	Ц2.					Д2.
1	2	3	4	5	6	7			8
л	пр	л	пр	Л	пр	л			пр
II. Предикаты и кванторы. Строение теорем. Бинарные отношения									
Ц3.			Д3.	Ц4.					Д4.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Л	пр	л	пр	л	пр	л	пр	л	пр

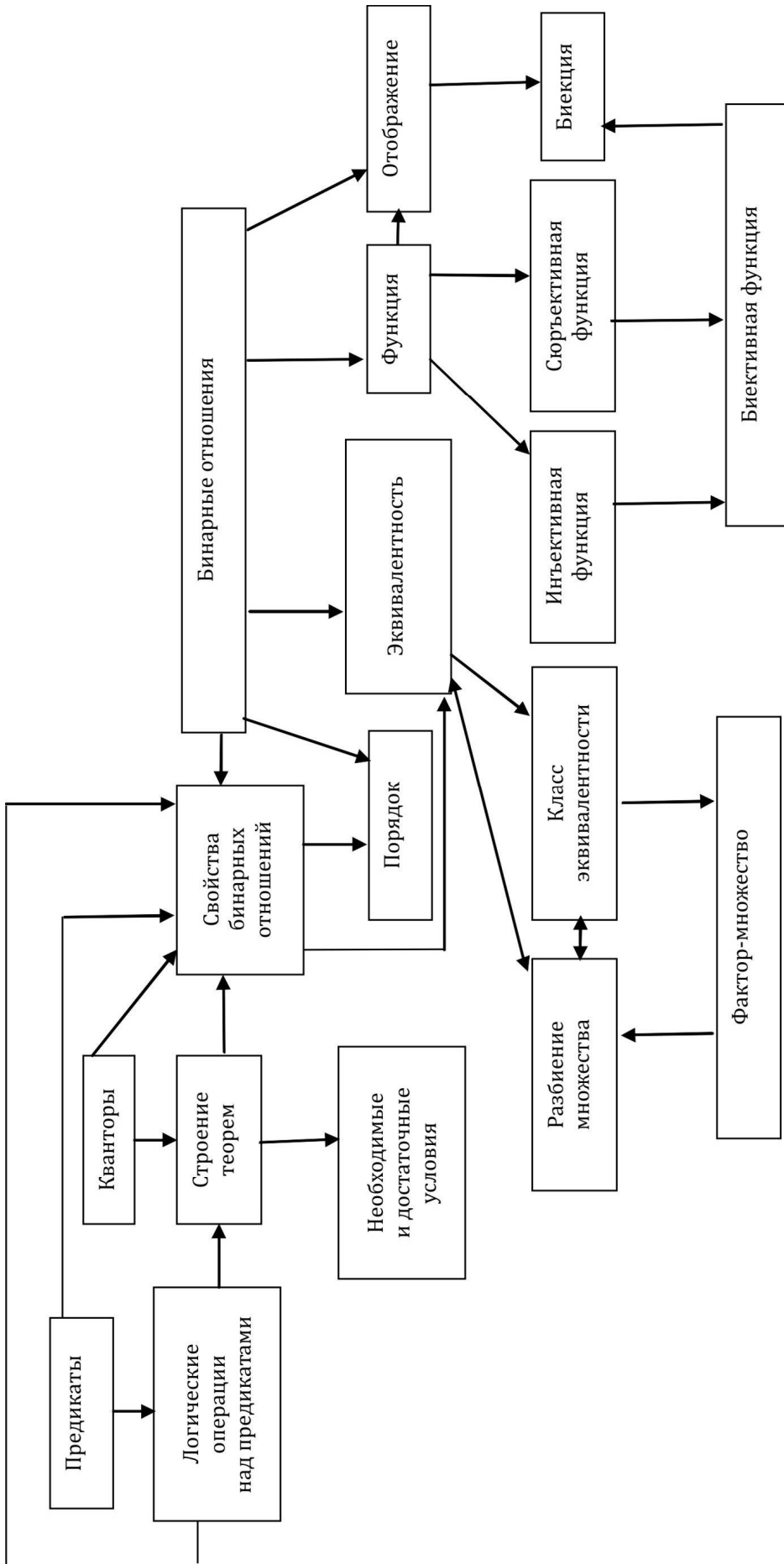

Рис. 2. Объекты диагностики в теме II

Таблица 4

<p>Логическая структура учебного процесса</p>	<p>Технологическая карта Тема «Элементы алгебры высказываний» Д₁ Д₂ 1 2 3 4 5 6 7 8</p>		<p>© В. М. Монахов Курс 1м Преподаватель: Е. В. Евсюкова</p>
<p>Целеполагание</p> <p>Ц. Освоить понятие высказывания, знать определения логических операций и их свойства, уметь составлять таблицы истинности и проверять является ли формула законом логики</p>	<p>Дата</p> <p>Д₁. 1. Запишите в символической форме высказывание, обозначив буквами p и q элементарные высказывания ($p \equiv b \wedge 5$, $q \equiv b \wedge 7$): «Неверно, что b не делится ни на 5, ни на 7».</p> <p>2. Сформулируйте отрицание для высказывания «500 делится на 5 и на 4». Будет ли оно истинным?</p> <p>3. Является ли данная формула законом логики? $(p \rightarrow q) \wedge (r \rightarrow q) \leftrightarrow (p \vee r \rightarrow q)$.</p> <p>4. Что можно сказать об истинностном значении формулы $(p \wedge q) \rightarrow r$, если формула $(p \wedge r) \vee (p \wedge r)$ истинна?</p>	<p>Дата</p> <p>Коррекция</p> <p>Типичные ошибки: – при использовании логических символов для записи сложных высказываний, в которых участвует несколько отрицаний, – при формулировании отрицания сложного высказывания, – при построении таблицы истинности (Ц₁). Возможные затруднения: – при обосновании решений логических задач (Ц₁)</p>	
<p>Дозирование домашних заданий</p>			
<p>ДР1: (1) 1. 1; 1. 2; 1. 3</p>	<p>Стандарт («удовлетворительно») (1) 1. 1; 1. 2; 1. 31. 4; (2) 1. 1. 12</p>	<p>«Хорошо» (1) 1. 1; 1. 2; 1. 31. 4; (2) 1. 1. 7; 1. 1. 12</p>	<p>«Отлично»</p>

Одной из задач моделирования оптимального образовательного процесса является оптимизация коррекционной работы по результатам аналитической обработки всех диагностик. Опираясь на сформулированные в нашем исследовании [7] требования к проектированию коррекционной работы, мы условно разделили зону коррекции при изучении раздела «Элементы алгебры, логики и теории множеств» на две группы:

- 1) ошибки и затруднения, связанные с неумением работать с определениями понятий;
- 2) ошибки и затруднения, связанные с анализом структуры и доказательством математических предложений.

Каждая из выделенных групп, в свою очередь, была разделена на подгруппы в соответствии с уровнями учебной деятельности. Для каждой подгруппы указывались основные причины типичных ошибок и затруднений. Цели коррекции спроектировали по категориям знание, понимание, умение, согласовали с целями изучения дисциплины, дифференцировали по уровням учебной деятельности и группам типичных ошибок и возможных затруднений на каждом из них. Задания для коррекции дифференцировали по уровням учебной деятельности, группам типичных ошибок и возможных затруднений на этих уровнях, адекватных дифференцированным целям коррекции.

Одним из способов преодоления формализма знаний является достижение понимающего усвоения предмета обучающимися [8]. В качестве средства достижения понимания используются различные типы учебных задач. Большую роль играют рефлексивные задачи, обеспечивающие понимание, осознание, предупреждение ошибок и их причин в процессе учебной деятельности. Приведем несколько примеров учебных заданий для коррекции, на формирование понимания.

I уровень

1. Прочитайте символически записанные высказывания по правилам русского языка:

- а) $p \wedge q$; б) $p \vee q$; в) \bar{p}, \bar{q} ; г) $p \Rightarrow q$; д) $p \Leftrightarrow q$, где $p \equiv$ «Весной тает снег», $q \equiv$ «Осенью листья желтеют».

2. В данной таблице вместо вопросительных знаков вставьте соответствующее обозначение логической операции над высказываниями p и q .

p	q	$p ? q$	$p ? q$	$p ? q$	$p ? q$	$? q$
1	1	1	1	1	1	0
1	0	1	0	0	0	0
0	1	1	0	0	1	1
0	0	0	1	0	1	1

3. Приведите примеры: а) простого высказывания; б) сложного высказывания; в) формулы логики высказываний; г) равносильных формул; д) законов логики;

II уровень

1. Прочитайте следующие предложения ($p \equiv$ «На улице светит солнце», $q \equiv$ «Сегодня идет дождь», $r \equiv$ «Сегодня пасмурно»):

- а) $(r \Rightarrow q) \vee p$; б) $p \Leftrightarrow q \vee r$; в) $q \Leftrightarrow \bar{r}$.

2. Запишите в виде формулы алгебры высказываний следующие сложные высказывания, обозначив буквами простые высказывания, входящие в них:

а) «Если Михаил пойдет на стадион, то Андрей пойдет на каток, или Михаил останется дома, и Андрей будет читать книгу»;

б) «Экономика страны улучшится тогда и только тогда, когда наступит мир, а если экономика не улучшится, то у бюджетников уровень жизни будет очень низким и они будут искать дополнительный заработок».

3. Является ли формула алгебры высказываний $a(x_1, x_2)$ законом логики, если известен только следующий фрагмент ее таблицы истинности:

x_1	x_2	$a(x_1, x_2)$
1	1	1
1	0	1
0	1	1

4. Укажите, какие логические равенства последовательно использовались в процессе упрощения формулы:

$$((p \wedge q) \vee \bar{p}) \wedge ((p \wedge q) \vee \bar{q}) \equiv (p \vee \bar{p}) \wedge (q \vee \bar{p}) \wedge (p \vee \bar{q}) \wedge (q \vee \bar{q}) \equiv (1 \wedge (q \vee \bar{p})) \wedge (p \vee \bar{q}) \wedge 1 \equiv (q \vee \bar{p}) \wedge (p \vee \bar{q}).$$

III уровень

1. Сформулируйте отрицание высказывания: «Если 6 делится на 3, то $6 \geq 3$ ». Проанализируйте следующий неправильный ответ: «Если 6 не делится на 3, то $6 \leq 3$ ».

2. Докажите, что следующий фрагмент программы

if (not(p and q) or (not(p or t) and not (q) and t)) then

A

else

if (not(p or q) and not (q or t)) then

B

else

C

равносилен такому фрагменту:

if p and q) then

C

else

A

Студенты часто допускали ошибки при попытках сформулировать отрицания сложных высказываний. Подробнее на примере охарактеризуем, какую работу можно организовать для искоренения подобных ошибок.

Пример 1. Сформулировать отрицание для высказывания: «Если 6 делится на 3, то $6 \geq 3$ ». Был дан неправильный ответ: «Если 6 не делится на 3, то $6 \leq 3$ ». Такой ответ ничем не обоснован, не выполнен анализ логической структуры сложного высказывания, студенты продемонстрировали неумение применить теорию на практике (вид ошибки).

В подобной ситуации студентам можно задать несколько вопросов.

1. Как надо было действовать? Обозначим $p \equiv$ «6 делится на 3», $q \equiv$ « $6 \geq 3$ », $r \equiv$ « $6 = 3$ ». Исходное высказывание имеет следующую структуру: $p \Rightarrow (q \vee r)$. Найдем его отрицание:

$$\overline{p \Rightarrow (q \vee r)} \equiv p \wedge \overline{q \vee r} \equiv p \wedge \overline{q} \wedge \overline{r}.$$

Правильный ответ: «6 делится на 3 и $6 < 3$ ».

2. Какова причина ошибки? Не выполнен анализ логической структуры исходного сложного высказывания, не учтено, что высказывание « $6 \geq 3$ » является дизъюнкцией двух высказываний « $6 > 3$ » \vee « $6 = 3$ », не использованы логические равенства $\overline{a \Rightarrow b} \equiv a \wedge \overline{b}$ (здесь $a \equiv p$, $b \equiv q \vee r$) и закон де Моргана ($\overline{q \vee r} \equiv \overline{q} \wedge \overline{r}$).

3. Что делать, чтобы избежать ошибки? Следовало сравнить истинностные значения исходного высказывания и того, что получилось в неправильном ответе. Они оказались оба истинны, значит, сделана ошибка. Необходимо выучить теоретический материал и, опираясь на него, проанализировать структуру сложного высказывания, затем преобразовать его отрицание, используя законы логики.

4. Можно решить задачу иначе? Ответ можно записать по-другому: «Неверно, что если 6 делится на 3, то $6 \geq 3$ ».

5. Как сформулировать подобную задачу?

6. Как сформулировать и решить задачу, обратную исходной задаче?

Таким образом, устранение допущенных ошибок и выбор пути решения задачи зависят от умения анализировать логическую структуру рассматриваемой единицы предметного содержания. Приведем еще два примера.

Пример 2. Выяснить, является ли убывающей функция

$$f(x) = \begin{cases} \frac{16 - 4x^2}{4 + 2x}, & \text{если } x \neq -2 \\ 12, & \text{если } x = -2 \end{cases}$$

Графиком этой функции всюду, за исключением единственной точки, является прямая $y = -2x + 4$, и поэтому многие учащиеся предлагают считать данную функцию убывающей. Чтобы избежать подобной ошибки, следует записать символически определение убывающей функции:

$$(\forall x_1, x_2 \in R)((x_1 > x_2) \rightarrow (f(x_1) < f(x_2)))$$

и подобрать контрпример: при $x_1 = -2$, $x_2 = -3$ имеем, что $x_1 > x_2$, но $f(x_1) > f(x_2)$. Делаем вывод, что функция не является убывающей.

Пример 3. Известна формулировка определения нечетной функции: нечетной называется функция $f(x)$, область определения которой симметрична относительно начала координат, и для

любого значения аргумента x из области определения функции верно, что $f(-x) = -f(x)$. Если нужно выяснить, какая функция не является нечетной, т. е. не удовлетворяет данному определению, то используются логические правила построения отрицаний.

В результате можно получить формулировку: функция не является нечетной, если ее область определения не симметрична относительно начала координат или существует такое значение аргумента x из области определения функции, при котором $f(-x) \neq -f(x)$. Данная формулировка позволяет опровергнуть ошибочное мнение, что функция, не являющаяся нечетной, четная. Достаточно сравнить данную формулировку с определением четной функции.

Рассмотрим пример, который демонстрирует тот факт, что математика не сводится к логике, хотя и не может без логики обойтись.

Пример 4. Оцените правильность логического вывода: «Если натуральное число оканчивается четной цифрой, то оно делится на 2. Если сумма цифр четырехзначного числа делится на 9, то оно делится на 9. Сумма цифр четырехзначного числа равна 36. 36 делится на 9. Значит, это четырехзначное число не делится на 2».

Решение. Обозначив простые высказывания буквами, получим:

$p \equiv$ «Натуральное число n оканчивается четной цифрой», $q \equiv$ «Натуральное число n делится на 2», $r \equiv$ «Сумма цифр числа n делится на 9», $s \equiv$ «Число n делится на 9», $t \equiv$ «Число n четырехзначно», $k \equiv$ «Сумма цифр числа n равна 36», $m \equiv$ «36 делится на 9». Рассмотрим логическое следование: $p \Rightarrow q, r \Rightarrow s, t \wedge k, m \mid \Rightarrow t \wedge q$. Используя только правила логического вывода, в таком общем виде заключение нельзя вывести из сформулированных посылок. Однако оно справедливо (используем арифметическое свойство четырехзначного числа): если $n = \overline{abcd} \in \mathbb{N}$, то цифра d является четной, но из равенства $a + b + c + d = 36$ следует, что $a = b = c = d = 9$ – противоречие.

Решение задач в конечном итоге преследует почти те же цели, что и проектная деятельность, которую считают основным средством реализации компетентностного подхода. Решение задач в обучении математике остается основным видом учебной деятельности, а проекты – дополнением к нему [9].

Сделаем несколько замечаний по организации и планированию учебных занятий. В условиях технологического подхода при планировании занятий следует тщательно продумывать следующие этапы: организация внимания студентов, формулировка дидактической цели, актуализация опорных знаний, предъявление нового материала, организация и руководство самостоятельной учебной деятельностью студентов, обеспечение обратной связи, рефлексия деятельности. Внимательное отношение к каждому из этапов влияет на качество учебного занятия как системы. Целостность системы определяется оптимальным набором элементов и связью между ними. Методы, средства и формы обучения (технологический методический инструментарий) организуют управляющую деятельность преподавателя.

Примечания

1. Кларин М. В. Педагогическая технология в учебном процессе. Анализ зарубежного опыта. М.: Знание, 1989. (Новое в жизни, науке и технике. Сер. «Педагогика и психология», № 6).
2. Там же.
3. Монахов В. М. Педагогическое проектирование – современный инструмент дидактических исследований // Школьные технологии. 2001. № 5. С. 75–98.
4. Епишева О. Б. Технология обучения математике на основе деятельностного подхода: кн. для учителя. М.: Просвещение, 2003.
5. Монахов В. М. Технологические основы проектирования и конструирования учебного процесса. Волгоград: Перемена, 1995.
6. Там же.
7. Евсюкова Е. В. Проектирование коррекционной работы в процессе обучения будущего учителя математики элементам логики и теории множеств в педвузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2007.
8. Евсюкова Е. В. Коррекционная работа в процессе обучения бакалавров математике, направленная на достижение понимания. // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 9. Сер. «Педагогика. Психология». С. 62–68; Брейтгам Э. К., Кисельников И. В. Достижение понимания, проектирование и реализация процессного подхода к обеспечению качества личностно развивающего обучения. Барнаул: АлтГПА, 2011.
9. Тестов В. А. Основные тенденции развития математического образования // Тенденции и перспективы развития математического образования: материалы XXXIII Международ. науч. семинара преподавателей математики и информатики ун-тов и пед. вузов, посв. 100-летию ВятГГУ. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2014. С. 105–115.

Notes

1. Klarin M. V. Educational technology in the educational process. Analysis of foreign experience. Moscow: Znanie Publ., 1989.
2. Ibid.

3. *Monahov V. M.* Instructional Design – modern tool didactic research. // School technology. 2001. № 5. Pp. 75–98.
4. *Episheva O. B.* The technology of teaching mathematics based on the activity approach. Moscow: Enlightenment, 2003.
5. *Monahov V. M.* Technological basics of design and construction of the educational process. Volgograd: Peremena Publ. 1995.
6. Ibid.
7. *Evsjukova E. V.* Design of correction work in the process of training future teachers of mathematics elements of logic and set theory in pedagogical institute: Auth. disser. of the cand. of ped. sci. Omsk, 2007.
8. *Evsjukova E. V.* Work on improvement, aimed at achieving understanding, in teaching mathematics to undergraduate students// Tyumen State University Herald. 2014. № 9. Pp. 62–68; *Breytigam E. K., Kiselnikov I. V.* Achieving understanding, design and implementation of a process approach to ensure the quality of personal developing training. Barnaul: AltSPA, 2011.
9. *Testov V. A.* The main trends in the development of mathematical education. // XXIII Proceedings of the international science universities of mathematics and computer science universities and pedagogical institutes, dedicated to the 100th anniversary Vyatka State University of Humanities. Kirov: Raduga-PRESS. 2014. Pp. 105–115.

УДК 37

Т. Н. Суворова

Применение системно-деятельностного подхода к решению проблем разработки электронных образовательных ресурсов

В статье проанализировано текущее состояние в области разработки и применения электронных образовательных ресурсов. Раскрыты причины создания электронных образовательных ресурсов (ЭОР) с низким уровнем дидактических и потребительских характеристик. Одна из этих причин заключается в том, что заказчики (педагоги и методисты), как правило, не способны предоставить исчерпывающие психолого-педагогические и дидактические требования, на основании которых можно было бы создать подробное техническое задание на разработку электронных образовательных ресурсов силами ИТ-специалистов и компьютерных дизайнеров. Предложены пути выхода из сложившейся ситуации на основе применения системно-деятельностного подхода. Для этого существует ряд предпосылок, одна из которых заключается в том, что системно-деятельностный подход на сегодняшний день наиболее полно описывает основные психологические условия и механизмы процесса усвоения знаний и структуру учебной деятельности обучающихся.

The paper analyzes the current status of development and application of electronic educational resources. The reasons of electronic educational resources with low didactic and consumer characteristics are revealed. One of the reasons is that customers (teachers and methodists) usually are not able to provide comprehensive psychological-pedagogic and didactic requirements, on which base it would be possible to create the detailed specification for development of electronic educational resources by IT professionals and computer designers. The reasons can be solved by use of system-activity approach in process of resources design. There is a number of preconditions, one of which is that system-activity approach is fully describes the basic psychological conditions and mechanisms of learning process and the structure of students learning activities

Ключевые слова: электронные образовательные ресурсы, психолого-педагогические аспекты разработки электронных образовательных ресурсов, системно-деятельностный подход.

Keywords: electronic educational resources, psychological-pedagogic aspects of electronic educational resources development, system-activity approach.

Как показывает практика, в учебном процессе регулярному использованию подвержен лишь незначительный процент разработанных электронных образовательных ресурсов, и из всех используемых ЭОР высокой эффективностью обладают лишь порядка 5% [1]. Среди причин низкого уровня дидактических и потребительских характеристик разработок в сфере электронного обучения – отсталость методических аспектов электронного обучения от развития технических средств и закрытость большинства разработок, которая не позволяет преподавателям и обучающимся вносить изменения и использовать какие-либо фрагменты ЭОР для собственных разработок [2]. Кроме того, большинство этих разработок не опирается ни на методологию дидактики, ни на теоретические или концептуальные разработки в области информатизации образования [3] и т. д.

Зачастую электронные образовательные ресурсы встраиваются в традиционную модель обучения (например, применяются лекции-инструкции, к которым иногда «для развития познавательного интереса» добавляют слайды, анимированные картинки и видеофрагменты и т. д.). Однако такая форма обучения носит пассивный, не деятельностный характер. Практическая работа, как правило, реализуется через взаимодействие с программами-тренажерами. Контроль все чаще сводится к тестам на выбор правильного ответа из нескольких предложенных. При этом взаимодействие учителя и обучающихся крайне ограничено, что неизбежно создает социальную изоляцию, осложняет понимание проблем восприятия учебного материала обучающимися и развитие их коммуникативных способностей.

И эта картина складывается, несмотря на то что в огромном количестве психолого-педагогических трудов декларируются уникальные возможности средств информационных технологий для достижения высоких образовательных результатов. Действительно, современные информационные технологии обладают значительным потенциалом для реализации новых видов учебной деятельности, для индивидуализации учебного процесса, организации совместной деятельности и расширения образовательного контента.

Тогда возникает вопрос, в чем причина такого диссонанса между уникальными потенциальными возможностями средств информационных технологий и широким распространением ЭОР низкого качества?

На самом деле существует целый ряд причин. Одна из них – экономическая. ЭОР, нацеленные на отработку репродуктивных навыков, необходимых, например, для успешной сдачи экзаменов (ЕГЭ), относительно недороги и востребованы на репетиторском рынке. А производство качественных ЭОР, построенных на основе развивающих программ, стимулирующих мыслительные процессы обучающихся, требует значительных временных затрат (разработка, апробация, учет замечаний участников образовательного процесса с использованием тестируемого ЭОР, тестирование, отладка и т. д.), ресурсных затрат (все указанные этапы производятся целым коллективом специалистов различного профиля с использованием программно-аппаратных комплексов) и, как следствие, становится дорогостоящим, и без поддержки крупных фирм или государства вряд ли может быть реализовано (ориентировочная стоимость разработки одного учебного курса – \$15–30 тыс. [4]).

Среди психолого-педагогических причин можно назвать следующие: 1) попытка встроить ЭОР в традиционную (по целям, содержанию, формам и методам) образовательную среду; 2) направленность ЭОР на использование их наиболее очевидных потенциальных возможностей (визуализация, автоматизация контроля, отработка типовых умений) вместо их ориентации на решение актуальных и перспективных задач образования; 3) отсутствие четкой научно обоснованной процедуры педагогической экспертизы разработанных ЭОР; 4) отсутствие преемственности программных средств в рамках изучения тем, разделов, а тем более целостного курса по какому-либо предмету; 5) недостаточная профессиональная подготовленность учителей, внедряющих ЭОР в учебный процесс; 6) отсутствие системы подготовки учителей к самостоятельной разработке простейших ЭОР и формулировке требований технического задания на разработку более сложных ЭОР. Указанные причины имеют единые корни, которые, в конечном счете, обусловлены недостаточной проработанностью психолого-педагогических аспектов создания ЭОР.

Разработка электронных образовательных ресурсов происходит чаще всего по одному из двух сценариев. В первом варианте – это попытки создания ЭОР собственными силами учителей-предметников, которые, как правило, приводят к созданию продукта примитивного с технической и дизайн-эргономической точек зрения. Во втором варианте – это разработка ЭОР IT-специалистами без четко сформулированных педагогами требований к будущему продукту, что приводит к появлению продуктов, созданных программистами «по своему разумению», согласно имеющимся у них представлениям об образовательном процессе, сложившимся в процессе их собственного жизненного опыта: во время обучения в школе, в вузе и т. д. В таком случае ЭОР создаются под традиционную модель обучения без опоры на современные достижения в области психологии и дидактики. В результате разработанные ЭОР оказываются неадекватными реальным потребностям образования, назначению ЭОР как инструмента реализации и поддержки видов учебной деятельности.

Проблема второго варианта заключается в том, что заказчики (педагоги и методисты), как правило, не способны предоставить исчерпывающие психолого-педагогические и дидактические требования, на основании которых можно было бы создать подробное техническое задание на разработку ЭОР:

– четко выделить цели обучения, которые они планируют достичь с использованием этого продукта,

- структурно и процессуально описать деятельность учителя и обучающихся в ходе работы с ЭОР,
- эффективно реализовать дидактические функции информационных технологий в учебном процессе, максимально используя при этом специфические дидактические возможности ЭОР,
- интегрировать в единую систему требований дидактические, методические, психолого-педагогические и прочие требования к создаваемой среде.

Этот аспект проблемы проступает особенно ярко на современном этапе развития информационных технологий, когда программисты уже обладают колоссальными программными и аппаратными ресурсами, позволяющими создавать информационные продукты, соответствующие практически любым запросам заказчика. И как показывает практика, существует немало фирм-разработчиков, стремящихся реализовать качественные программные продукты образовательного назначения и ожидающих заказа с развернутыми требованиями к их контенту и функционалу. В этой цепочке информационного взаимодействия заказчика и исполнителя основные проблемы сосредоточены на этапе «внешнего» проектирования ЭОР, на стороне заказчика.

Они возникают поэтапно:

- при разработке концепции конкретной информационной образовательной среды и ЭОР как органично включенного в нее компонента, взаимодействующего с другими компонентами системы и повышающего эффективность среды в целом за счет получения синергетического эффекта;
- при формулировке единой системы требований к создаваемому ЭОР (дидактических, методических, технических и психолого-педагогических требований системно-деятельностного подхода в обучении);
- при формулировке технического задания на разработку программного продукта.

Нельзя сказать, что проблема эта осознана впервые. Еще в 2012 г. коллектив авторов В. В. Белага, В. В. Жумаев и М. С. Стеценко [5] на основе собственного опыта создания компьютерных образовательных продуктов пришел к выводу, что концептуальные недоработки в сфере проектирования электронных средств обучения приводят к отсутствию взаимопонимания между специалистами, участвующими в разработке, к дополнительным финансовым и временным затратам и неудовлетворительному качеству конечного продукта. В целях компенсации данных недоработок авторами предложена методика управления требованиями и формальной постановки задачи на начальной стадии проектирования компьютерных средств обучения для общеобразовательной школы. Одним из ориентиров исследования названа нацеленность создаваемых продуктов на дальнейшую реализацию системно-деятельностного подхода и индивидуализацию обучения. Однако, к сожалению, на этом следы системно-деятельностного подхода в описании данной методики теряются.

Для решения проблемы взаимопонимания и взаимодействия между группами специалистов (педагогами и программистами) авторы методики вводят ролевую группу «Методист», включающую в себя специалистов, адаптирующих материалы учебного курса и методики преподавания к условиям его использования в виде электронного образовательного продукта. Однако, во-первых, остается без ответа следующий вопрос: каким образом методист решает задачу формализации объектов и процессов такой трудно формализуемой и имеющей творческий характер области, как учебная деятельность, во-вторых, данное предложение не обладает какой-либо новизной: еще в 2003 г. А. И. Башмаков и И. А. Башмаков, перечисляя базовые категории специалистов, необходимые для формирования команды разработчиков компьютерных учебников и компьютерных обучающих систем, уже предлагали роль «компьютерного методиста» в качестве посредника между авторами («специалистами в предметной области, рассматриваемой в компьютерном учебнике») и программистами, но тем не менее, как показывает практика, такой «прорыв» в идеологии разработки ЭОР не принес ощутимых результатов [6].

Таким образом, есть основания предполагать, что к настоящему времени проблема взаимопонимания между участниками процесса разработки электронных образовательных ресурсов до конца не решена и остается еще ряд задач, требующих теоретического осмысления.

Одним из шагов к решению данной проблемы может стать внедрение системно-деятельностного подхода к разработке ЭОР в качестве основы для формулировки требований к создаваемым ЭОР, зафиксированных в техническом задании. Для этого существует целый ряд предпосылок.

Во-первых, системно-деятельностный подход на сегодняшний день наиболее полно описывает основные психологические условия и механизмы процесса усвоения знаний и структуру учебной деятельности обучающихся.

Во-вторых, электронные образовательные ресурсы должны разрабатываться как компонент системы – информационно-образовательной среды, а фундаментом ее проектирования, как следует из Федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения, явля-

ется системно-деятельностный подход. Было бы естественным производить разработку компонента среды в русле той же идеологии, согласно которой разрабатывается сама среда.

В-третьих, аппарат системно-деятельностного подхода обладает потенциальной способностью решить вопрос формализации знаний в такой трудно формализуемой области, как педагогика. Напомним, что согласно этому подходу учебная деятельность раскладывается на действия, а те в свою очередь – на элементарные операции, а пооперациональный состав деятельности очень важен для однозначного восприятия технического задания программистами.

В-четвертых, одним из направлений совершенствования методики разработки ЭОР является придание ей гибкости и мобильности в современных условиях стремительного развития информационных технологий и потребностей образования (в том числе разнообразия предметных областей). В этом смысле системно-деятельностный подход представляет собой особую ценность, поскольку его принципы инвариантны и универсальны. Они могут быть применены к разработке ЭОР по любому школьному предмету и остаются неизменными в отличие, например, от технических аспектов разработки, требования к которым стремительно устаревают (например, вес устройства, диагональ экрана, разрешение экрана, количество отображаемых оттенков, яркость экрана, объем памяти, время активной автономной работы, частотные характеристики средств воспроизведения аудиоинформации, требования к операционным системам, прикладным программам и т. д.).

Рассматривая процесс проектирования информационно-образовательной среды и создания электронных образовательных ресурсов как ее ключевого компонента, считаем необходимым вооружить заказчиков программных продуктов образовательного назначения (учителей и методистов) таким инструментом, как системно-деятельностный подход к разработке технического задания и формулировке требований. Для этого необходимо включить соответствующие разделы в программы педагогических вузов и программы переподготовки и повышения квалификации работников образования.

Примечания

1. *Машбиц Е. И.* Психолого-педагогические проблемы компьютеризации обучения. М.: Педагогика, 1988; *Печников А. Н.* Теоретические основы психолого-педагогического проектирования автоматизированных обучающих систем. Петродворец: ВВМУРЭ им. А. С. Попова, 1995.

2. *Соловов А. В.* Электронное обучение: проблематика, дидактика, технология. Самара: «Новая техника», 2006.

3. *Роберт И. В.* Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования. М.: ИИО РАО, 2010.

4. Онлайн-образование coursera. URL: <https://www.coursera.org>

5. *Белага В. В., Жумаев В. В., Стеценко М. С.* Методика управления требованиями и формальная постановка задачи на начальной стадии проектирования компьютерных средств обучения для общеобразовательной школы // Открытое образование. 2012. № 4. С. 4–14.

6. *Башмаков А. И., Башмаков И. А.* Разработка компьютерных учебников и обучающих систем. М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», 2003.

Notes

1. Mashbits E. I. Psihologo- pedagogicheskie problemy komp'yuterizacii obucheniya [Psychological- pedagogical problems of computerization of education]. M. Pedagogica. 1988; Pechnikov A. N. Teoreticheskie osnovy psihologo- pedagogicheskogo proektirovaniya avtomatizirovannyh obuchayushchih sistem [The theoretical basis of psychological and pedagogical design of automated training systems]. Petrodvorets. Naval Institute of Radioelectronics named after A. S. Popov. 1995.

2. Solovov A.V. Elektronnoe obuchenie: problematika, didaktika, tekhnologiya [E-learning: issues, didactics, technology]. Samara. "New techniques". 2006.

3. Robert I. V. Sovremennye informacionnye tekhnologii v obrazovanii: didakticheskie problemy; perspektivy ispol'zovaniya [Modern information technologies in education: didactic problems; prospects of usage]. M. IIO RAE. 2010.

4. Online education coursera. Available at: <https://www.coursera.org>

5. Belaga V. V., Zhumayev V. V., Stetsenko M. S. Metodika upravleniya trebovaniyami i formal'naya postanovka zadachi na nachal'noj stadii proektirovaniya komp'yuternyh sredstv obucheniya dlya obshcheobrazovatel'noj shkoly [The method of managing the requirements and the formal statement of the problem at the initial stage of designing computer-based training for secondary schools] // Otkrytoe obrazovanie - Open education. 2012, No. 4, pp. 4-14.

6. Bashmakov A. I., Bashmakov I. A. Razrabotka komp'yuternyh uchebnikov i obuchayushchih sistem [Development of computer tutorials and training systems]. M. Publishing house "Filin". 2003.

Межпредметный конкурс для старшеклассников как элемент непрерывного физико-математического образования*

Формирование межпредметных знаний и умений учащихся средней школы является одним из ключевых направлений модернизации отечественного образования, в частности физико-математического. Одним из механизмов приобщения школьников к опыту решения ситуаций, реализующих межпредметные связи физики и математики, авторы избрали вовлечение старшеклассников в конкурсное движение. Проведенный ими на базе факультета информатики, математики и физики Вятского государственного гуманитарного университета конкурс «Математика плюс физика» является образовательным проектом, базирующимся на активных и продуктивных формах обучения, и отвечает поставленным задачам формирования межпредметных знаний в рамках реализации непрерывного физико-математического образования учащихся профильных классов на ступени «школа – вуз». Анализ результатов конкурса показал его положительное влияние на формирование у школьников умений применять стандартные знания в практической деятельности и повседневной жизни, а также направленность учащихся на получение дальнейшего физико-математического образования.

The formation of interdisciplinary knowledge and skills of high school students is one of the key areas of modernization of Russian education, in particular physics and mathematics. One of the mechanisms of teaching experience resolving issues, implementing interdisciplinary connections in physics and mathematics, the authors have chosen to engage high school students in competition movement. They carried out at the faculty of Informatics, mathematics and physics Vyatka state humanitarian University competition "Mathematics plus physics" is an educational project based on the active and productive forms of education, and meet their stated objectives of the formation of interdisciplinary knowledge in the framework of implementation of continuous physical-mathematical education of students of specialized classes in stage "school – university". Analysis of the results of the contest showed its positive impact on developing students abilities to apply knowledge in practical activities and everyday life, and focus students on further physical and mathematical education.

Ключевые слова: непрерывное образование, обучение математике, обучение физике, конкурсное движение, межпредметные связи, продуктивные и активные методы обучения, практико-ориентированные задачи.

Keywords: continuous education, training maths, physics teaching, competition movement, interdisciplinary connections, productive and active methods of learning, practice-oriented tasks.

Сложившаяся в образовательной практике система взглядов, провозглашающая учебную деятельность человека как неотъемлемую часть его жизни в любом возрасте, требует от педагогической науки подходов, обеспечивающих непрерывный переход с одной ступени образования на другую. При этом содержание непрерывного образования ориентируется не только и не столько на получение знаний, умений и навыков по тем или иным предметам, сколько на опыт их практического применения путем использования в образовательной среде продуктивных и активно-творческих методов обучения [1].

Однако в направлении приобретения школьниками опыта практического применения знаний сегодня существует немало сложностей. Результаты последнего, проведенного в 2012 г. международного измерения качества знаний PISA плачевны: российские школьники крайне плохо умеют применять знания в жизненных ситуациях. Россия занимает лишь 31–39-е место по математической грамотности и 34–38-е место по естественнонаучной [2].

Низкая результативность часто объясняется необычностью, нетипичностью предложенных школьникам заданий. Ученикам недостает тех умений, которые опираются на применение знаний на практике, в данном случае основанных на межпредметных связях математических и естественных наук [3].

Особую важность межпредметной взаимосвязи для отражения целостной картины мира в представлениях школьников, для создания структурированной системы знаний и правильного

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ и Кировской области, проект № 15-16-43005 «Проблемы и перспективы развития непрерывного математического образования в Кировской области».

миропонимания еще отмечали в своих трудах известные педагоги Я. А. Коменский, К. Д. Ушинский и др. [4] Так, например, в «Энциклопедии педагогических технологий» Г. К. Селевко пишет, что традиционное содержание школьного образования (особенно естественнонаучного) раздроблено и далеко от реализации идей синергетики, которые «позволяли бы наиболее полно проиллюстрировать единство всего сущего, построить единую процессуальную модель мира... в которой все – неживая и живая природа, жизнь и творчество человека, общество и культура – взаимосвязано и подчинено единым вселенским законам» [5].

Сказанное выше обуславливает включение в процесс непрерывного физико-математического образования механизмов, направленных на широкое применение межпредметных связей и способствующих формированию у учащихся способов действий, обеспечивающих применение полученных предметных знаний в практической деятельности. К тому же достижение поставленных целей должно осуществляться путем использования в образовательном процессе активных и продуктивных форм и методов работы с обучающимися.

В качестве одного из таких механизмов может стать внедрение в образовательное пространство конкурса для старшеклассников (10–11-е классы) «Математика плюс физика», входящего в серию разрабатываемых авторами конкурсов «Математика +», построенных на заданиях межпредметного характера.

Выбор направления решения обозначенных проблем в формате конкурса не случаен и обусловлен следующими соображениями.

Во-первых, конкурсное движение, организованное высшими учебными заведениями, является неотъемлемой частью формирования единого образовательного пространства в контексте преемственности на ступени «школа – вуз» в профильном образовании обучающихся. Участие школьников в профильных конкурсах дает им возможность определиться со сферой будущей профессиональной деятельности, понять свои возможности в деле активного применения полученных в школе знаний и умений по профильным предметам.

Во-вторых, участие старших школьников в конкурсном и олимпиадном движении (особенно победы на региональном и российском уровнях), наряду с Единым государственным экзаменом (ЕГЭ), уже дано стало одним из показателей качества образования (например, при определении 500 лучших школ России), а значит, признанным образовательным ресурсом.

И наконец, в-третьих, участие в конкурсах является мощнейшей активной формой предметного и межпредметного образования школьников. Педагогический эффект от участия ученика в конкурсе можно проследить на каждом из этапов, характерных для организации подобного рода мероприятий.

Так, на *этапе подготовки* к конкурсу учащийся проходит стадию актуализации, систематизации и обобщения полученных ранее знаний и умений, что определяет его переход на новый уровень их приятия – системный. Правильно организованная подготовка к конкурсу может и должна способствовать формированию у ученика активного критического мышления, обеспечивающего масштабный анализ и синтез при решении поставленных задач.

На *этапе участия* в конкурсе ученик мобилизует свои силы, организует себя на работу, применяя при этом ранее полученные знания при решении заданий, как правило, относящихся к разряду «нестандартных», тем самым обеспечивая прирост в умениях решать предметные и межпредметные задачи.

Аналитический этап характеризуется не только и не столько оценкой своей успешности в выполнении конкурсных заданий, сколько анализом допущенных ошибок, обогащением своего багажа новыми идеями и методами решения задач, а значит, формированием новых знаний и способов действий.

Нет сомнений, что подготовленный к участию в конкурсном движении ученик получает гораздо больше предметных знаний и умений, нежели при классической методике обучения, за счет продуктивных форм организации образовательного процесса и использования активных форм обучения.

Таким образом, организация образовательного проекта в формате конкурса дает возможность как повысить личный образовательный потенциал его участников, так и выстроить систему непрерывного образовательного процесса на ступени «школа – вуз».

Конкурс «Математика плюс физика» задумывался нами как образовательный ресурс, использующий стандартные знания по физике и математике, которые нужно применить в нестандартной межпредметной ситуации. Тем самым этап подготовки к конкурсу является неотъемлемой частью образовательного процесса в школе, направленного на качественную подготовку учеников в сфере физико-математического образования на профильном уровне.

Опыт проведения конкурса «Математика плюс физика» был осуществлен в апреле этого года на базе факультета информатики, математики и физики Вятского государственного гуманитарного университета. Он проводился в три тура.

Первый тур представляет собой индивидуальное письменное решение участниками десяти задач межпредметного характера в течение одного астрономического часа.

Задания тура описывают отдельную «физическую» ситуацию, ответ на вопрос которой может быть дан с применением той или иной математической модели. Это несколько видоизмененные задания, используемые для проверки навыков использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни в ЕГЭ по математике (задание 11) [6]. Задания условно можно разделить на четыре группы.

В первой группе заданий описание ситуации сопровождается готовой математической моделью. Цель ученика – без ошибок реализовать ее (1 балл).

Пример 1. В боковой стенке цилиндрического бака вблизи дна закреплен кран, из которого может вытекать вода, при этом высота столба воды в нем меняется по закону (t – время в минутах) $H(t) = 1,8 - 0,96t + 0,128t^2$. В течение какого времени вода будет вытекать из бака?

Вторая группа заданий характеризуется ситуацией, сопровождаемой готовыми данными для построения соответствующей математической модели. Задача ученика – правильно построить математическую модель (1 балл) и грамотно реализовать ее (1 балл). Таким образом, оценка задания осуществляется из двух баллов.

Пример 2. Зависимость температуры (в кельвинах) от времени работы (в минутах) для нагревательного элемента некоторого прибора была получена экспериментально и на исследуемом интервале температур задается выражением $T(t) = T_0 + at + bt^2$, где $T_0 = 580$ К, $a = 20$ К/мин, $b = -0,2$ К/мин². Известно, что при температурах нагревателя свыше 1000 К прибор может испортиться, поэтому его нужно отключать. Определите, через какое наибольшее время после начала работы нужно отключать прибор.

Третья группа заданий содержит ситуацию, для которой необходимо «вспомнить» соответствующую физическую составляющую для построения математической модели. Оценивание этих заданий происходит из трех баллов.

Пример 3. В розетку электросети подключены приборы, общее сопротивление которых составляет 72 Ом. Параллельно с ними в розетку предполагается подключить электрообогреватель. Определите наименьшее возможное сопротивление этого обогревателя, если известно, что для нормального функционирования электросети общее сопротивление в ней должно быть не меньше 18 Ом.

Наконец, четвертая группа заданий содержит «нестандартную» с позиций школьной физики ситуацию. Цель ученика – подобрать необходимые физические данные (оценивается из двух баллов), сконструировать по ним математическую модель (1 балл) и реализовать ее правильно (еще 1 балл).

Пример 4. Скейтбордист прыгает на стоящую на рельсах платформу со скоростью 3,6 м/с под острым углом β к рельсам. От толчка платформа начинает ехать с некоторой скоростью. Под каким максимальным углом β нужно прыгать, чтобы разогнать платформу не менее чем до 0,3 м/с, если масса скейтбордиста – 70 кг, а платформы – 350 кг?

Таким образом, задания первого тура направлены на оценку уровня сформированности у школьников умения подбирать нужную математическую модель для применения приобретенных знаний и умений в практической деятельности в ситуациях с физическим содержанием.

Во **втором туре** конкурса «Математика плюс физика» принимают участие команды по три человека. Они проходят в соответствии с маршрутным листом четыре станции (по 15 минут каждая), на которых предлагается в различных организационных формах решение практико-ориентированных задач по физике и ситуаций частично открытого типа по математике.

Прохождение этого тура не индивидуально, а командами – малыми группами – дает участникам возможность обмениваться знаниями, исправлять и дополнять товарищей по команде, что определенным образом способствует развитию коммуникативных способностей, умения работать в команде, позволяет структурировать и обобщать необходимые знания для совместного выполнения нетипичных для школьной практики заданий.

Остановимся на описании заданий и организационных форм каждой из станций, приводя в примеры лишь малую часть предлагавшихся на них задач из сформированного нами при участии студентов факультета информатики, математики и физики ВятГГУ банка заданий, более подробно с которым можно ознакомиться в нашей статье [7].

На *станции «Аукцион»* командам выдаются карточки-сигналы. Помощники демонстрируют физический опыт, после чего аукционист начинает торги. Задается стартовая стоимость опыта. После удара молотка участники поднимают карточки. Команда, поднявшая первой, получает право объяснить опыт. Если команда отвечает правильно, то она зарабатывает количество баллов, заявленное аукционистом, иначе право ответа переходит к команде, которая подняла карточку следую-

щей, но количество баллов за правильный ответ уменьшается на один. В процессе ответа каждая команда имеет право «купить» подсказку за предложенное аукционистом количество баллов.

Пример 5. Полый бумажный цилиндр, скатываясь по наклонной плоскости, закручивается под плоскость. Объясните наблюдаемое явление.

Пример 6. Шарик при отскоке от пола не поднимается на высоту больше той, с которой упал. Если же он будет падать вниз на другом шарике, то отскочит на большую высоту. Объясните, почему.

Задания этой станции позволяют участникам команд задуматься над наблюдаемыми явлениями с позиций приобретенных ими в школьной программе знаний, которые, скорее всего, они не задумались бы даже применить, встретить подобная ситуация в реальной жизни. Тем самым задания станции направлены на формирование умений использовать приобретенные знания и умения в повседневной жизни, в практике решения реальных ситуаций.

Станция «Экспериментальные задачи» – своеобразный конкурс по решению задач разной сложности. Суть экспериментальной задачи состоит в том, что решить ее нужно, используя лишь предложенное оборудование и заданные условия практической деятельности человека. Задания станции поделены по трем уровням сложности (соответственно оцениваются 3, 4 или 5 баллами).

Пример 7. Пользуясь линейкой, определите вместимость бутылки прямоугольного сечения, в которую наполовину налита вода.

Пример 8. У вас есть моток тонкой проволоки, карандаш и листок в клетку. Как можно точнее определите площадь поперечного сечения проволоки.

Пример 9. Определите максимальную скорость движения пальца руки при ударе по шарикку, используя только рулетку.

Выполнение заданий с ограниченным инструментарием позволяет участникам команд не только и не столько применить необходимые для этого физические и математические знания, сколько воспользоваться смекалкой, обсудить разнообразные решения поставленной в ситуации проблемы, что, несомненно, формирует у них качества, необходимые для применения межпредметных знаний в практической деятельности.

На станции «Верю – не верю» команды выбирают категорию, в которой им достанется одна из задач. Нужно объяснить с точки зрения физики возможность или невозможность приведенной ситуации. В качестве категорий нами были выбраны ситуации из мультипликационных и художественных фильмов, известных литературных произведений, строки из популярных песен, поговорки и словосочетания. Приведем несколько (из многочисленных) примеров.

Пример 10. Может ли хвост среднестатистического мамонта из мультфильма «Ледниковый период» выдержать вес среднестатистического мамонта?

Пример 11. Можно ли прыгнуть в бассейн с монетами и плавать там, как Скрудж Макдак из мультфильма «Утиные истории»?

Пример 12. В фильме «Звездные войны» в сценах военных действий мы слышим звуки выстрелов и взрывов, а в фильме «Гравитация» все происходит беззвучно. В каком фильме правильно показана ситуация?

Пример 13. Герой одного из рассказов О. Генри дал пинок поросенку с такой силой, что тот полетел, «опережая звук собственного визга». С какой наименьшей скоростью должен был бы лететь поросенок, чтобы описанный случай произошел в действительности?

Пример 14. Объясните пословицу: «Не подмажешь – не поедешь».

Пример 15. Объясните строчку из песни: «Потолок ледяной, дверь скрипучая, за шершавой стеной тьма колючая».

Подобного рода задания позволяют создать ситуацию, в которой участникам команд приходится задуматься о правдоподобности сюжетов художественных или литературных произведений, что формирует критическое мышление и нестандартный взгляд, казалось бы, на повседневные вещи.

На станции «С математикой по жизни» команды набирают баллы, решая задачи открытого типа с математическим содержанием. Суть задачи открытого типа состоит в том, что она предполагает не единственно верное решение [8]. Достаточно подобрать одно такое решение и обосновать, что с его помощью можно выполнить требуемое в условии задачи.

Пример 16. Как известно, основание пирамиды Хеопса составляет 4,5 га. Однако удивительно, оно имеет абсолютно ровную горизонтальную поверхность. Как древние египтяне, не имея современных точных приборов и способов выравнивания поверхностей, могли так хорошо выполнить работу?

Пример 17. Вы наверняка замечали, что чем больше ям и канав надо преодолеть автомобилю, тем больше диаметр его колес. Например, у трактора, который ездит по полям. У гоночного автомо-

бия, наоборот, колёса небольшие, чтобы ехать быстрее по идеальной дороге. Можно ли придумать универсальное колесо, которое меняло бы свои размеры в зависимости от состояния дороги?

Использование задач открытого типа для описания ситуаций с возможностью применения межпредметных знаний в практической деятельности дает возможность показать многовариантность возможных решений, огромный спектр применения участниками своих знаний, что характерно для решения проблем в реальной жизни.

Третий тур – командная (по три человека) игра-конкурс «Регата», проходящая в три раунда по 20 минут. Каждый раунд представляет собой коллективное письменное решение трех задач межпредметного характера. Любая задача оформляется и сдается в жюри на отдельном листе, причем каждая команда имеет право сдать только по одному варианту решения каждой из задач. Сложность задач от раунда к раунду растет. В качестве примера приведем здесь задачи третьего (самого сложного) раунда.

Пример 18. Идущего по дороге с постоянной скоростью человека рейсовый автобус обгоняет через каждые 6 минут, а через каждые 3 минуты проходит встречный автобус. С каким интервалом автобусы приходят на остановку? (Интервал движения в обоих направлениях одинаков.)

Пример 19. Из Кирова в Свечу выходит поезд со скоростью 50 км/ч. Одновременно с ним по той же колее и с такой же скоростью из Свечи навстречу выходит второй поезд. В момент отправления из 2-го поезда в Киров стартует муха со скоростью 75 км/ч. Долетев до 1-го поезда, муха разворачивается и летит ко второму. При встрече с ним путешественница вновь разворачивается, и полет повторяется. Какой путь пролетит муха до столкновения поездов?

Пример 20. Над центром круглой площадки нужно повесить фонарь. Радиус площадки равен 10 м. На какой высоте необходимо расположить фонарь, чтобы он наилучшим образом освещал дорожку, окаймляющую площадку (в ответе укажите квадрат расстояния от центра площадки до фонаря)?

Ситуации, описанные в задачах, требуют осознания физической сути происходящих в сюжетах действий, подбора адекватной математической модели (уравнения, неравенства, функции, исследуемой с помощью производной) и ее правильной реализации. Решая такие задачи, участникам команд приходится столкнуться с необходимостью применить свои знания в нестандартной ситуации, обсудить возможное решение, выбрать из возникших предложений наилучшее. Все это формирует у школьников критическое мышление, коммуникативные и творческие способности.

В завершение хотелось бы кратко остановиться на анализе результатов проведенного конкурса.

Первый тур по индивидуальному решению задач показал достаточно приемлемые умения школьников реализовывать предложенные математические модели, наполнять сюжет задачи недостающим физическим содержанием. Однако в большинстве случаев, когда математическую модель нужно было сконструировать самостоятельно, учащиеся делали это неправильно, заменяя, например, неравенство соответствующим равенством и исследовали его, тем самым меняя сущность предложенной ситуации и делая неверные выводы. Это говорит в первую очередь об оторванности физических и математических знаний, получаемых учениками в школе.

Прохождение станций второго тура вызвало у учеников живой интерес необычностью предложенных в них ситуаций. Школьники показали неплохие умения анализировать ситуацию, обсуждать решения, сопоставлять факты, предлагать различные варианты разрешения возникшей в ситуации проблемы, давать неординарные ответы.

Третий тур характеризовался теми же проблемами, что и первый: школьники плохо умеют строить математические модели в заданиях с физическим содержанием, то есть плохо владеют межпредметными знаниями.

Однако в целом можно отметить положительное влияние проведенного конкурса на мотивацию использования учащимися межпредметных связей математики и физики и на ориентацию участников к дальнейшему получению образования в области физико-математических знаний.

Основываясь на сказанном выше, можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время физико-математическому образованию школьников должно уделяться особое внимание как важному звену в создании структурированной системы знаний и умений и правильного миропонимания.

2. Высокие образовательные результаты могут быть достигнуты при условии реализации межпредметных связей, упора на опыт практического применения знаний, умений, навыков.

3. Межпредметный конкурс «Математика плюс физика» является эффективным механизмом формирования межпредметных знаний учащихся на ступени «школа – вуз», который базируется на активных и продуктивных формах обучения и обеспечивает реализацию принципа непрерывности в обучении.

Примечания

1. Проект государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2690>.
2. Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (2012 г.). URL: http://www.centeroko.ru/pisa12/pisa12_res.htm.
3. Горев П. М., Лунева О. Л. Межпредметные проекты учащихся средней школы: математический и естественнонаучный циклы. Киров: Изд-во МЦИТО, 2014.
4. Интеграция различных областей естественнонаучного знания на уроках математики, физики, информатики / М. Е. Аладына, С. В. Оломская, Л. Н. Жданова, Т. О. Копцева. URL: http://festival.1september.ru/2005_2006/index.php?numb_artic=312534.
5. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 1. М.: НИИ «Школьные технологии», 2006. С. 479.
6. Открытый банк заданий по математике. URL: <http://mathege.ru>.
7. Горев П. М., Толмачёва М. И. Организация и содержание конкурса для старшеклассников по решению межпредметных задач «Математика плюс физика» // Концепт. 2015. № 06 (июнь). ART 15191. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15191.htm>.
8. Михайлов В. А., Горев П. М., Утёмов В. В. Научное творчество: методы конструирования новых идей. Киров: Изд-во МЦИТО, 2014.

Notes

1. The draft state programme of the Russian Federation "Development of education" for 2013-2020. Available at: <http://минобрнауки.рф/документы/2690> (in Russ.)
2. International programme on the evaluation of educational achievements of students (2012). Available at: http://www.centeroko.ru/pisa12/pisa12_res.htm. (in Russ.)
3. Gorev P. M., Luneva O. L. Mezhpredmetnye proekty uchashchihhsya srednej shkoly: matematicheskij i estestvennonauchnyj cikly [Interdisciplinary projects of high school students: math and natural cycles]. Kirov. Publishing house of Center of Innovative Technologies in Education. 2014.
4. Integraciya razlichnyh oblastej estestvennonauchnogo znaniya na urokah matematiki, fiziki, informatiki - Integration of different areas of scientific knowledge in math, physics, computer science / M. E. Aladyina, S. V. Olomskaya, L. N. Zhdanova, T. O. Koptseva. Available at: http://festival.1september.ru/2005_2006/index.php?numb_artic=312534.
5. Selevko G. K. Enciklopediya obrazovatel'nyh tekhnologij [Encyclopedia of educational technology]: in 2 vol. Vol. 1. M. Institute "School of technology". 2006. P. 479.
6. Open bank open of tasks in mathematics. Available at: <http://mathege.ru>. (in Russ.)
7. Gorev P. M., Tolmacheva M. I. Organizaciya i sodержanie konkursa dlya starsheklassnikov po resheniyu mezhpredmetnyh zadach "Matematika plyus fizika" [Organization and content of the contest for high school students in solving interdisciplinary problems "Mathematics plus physics"] // Koncept - Concept. 2015, No. 06 (June), ART 15191. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/15191.htm>.
8. Mikhailov V. A., P. M. Gorev, Utemov V. V. Nauchnoe tvorchestvo: metody konstruirovaniya novyh idej [Scientific creativity: methods of design of new ideas]. Kirov. Publishing house of Center of Innovative Technologies in Education. 2014.

УДК 37.016:811.111

М. Н. Татарина

**Базовая модель эмоционально-ценностного компонента
содержания иноязычного образования**

В статье отслеживается процесс выстраивания личностной системы ценностей учащихся, овладевающих иноязычной культурой, на основе функционирования эмоционально-ценностного компонента содержания иноязычного образования. Результатом должно стать формирование человека культуры. Представлена концептуальная схема функционирования эмоционально-ценностного компонента содержания иноязычного образования, призванная обеспечить гармоничное и качественное овладение школьником иноязычной культурой в диалоге с родной. При проектировании базовой модели эмоционально-ценностного компонента содержания иноязычного образования использовались современные положения по моделированию учебного процесса.

The article traces the process of building a personal system of values in teaching students, learning a foreign culture, on the basis of the emotional-valuable component in the content of foreign language education. A conceptual scheme of the emotional-valuable component functioning in the content of foreign language education is presented. It

aims to provide a student with the conditions of harmonious and high-quality mastering a foreign language culture in its dialogue with a native culture. When designing the basic model of the emotional-valuable component in the content of foreign language education modern principles on modelling the educational process were used.

Ключевые слова: эмоционально-ценностный компонент содержания иноязычного образования, содержательная, инструментальная и процессуальная составляющие компонента, выстраивание личностной системы ценностей учащихся, базовая модель эмоционально-ценностного компонента содержания иноязычного образования, положения по моделированию учебного процесса.

Keywords: the emotional-valuable component in the content of foreign language education, informative, instrumental and procedural sides of the component, building a personal system of values in teaching students, a conceptual scheme of the emotional-valuable component functioning in the content of foreign language education, principles on modelling the educational process.

В данной статье мы продолжаем исследование эмоционально-ценностного компонента (ЭЦК) содержания иноязычного образования, под которым мы понимаем систему значимых для личности и общества мотивационно-ценностных ориентаций общенационального и общечеловеческого характера, формируемых в процессе освоения иноязычной культуры в диалоге с родной, а также систему эмоционально-волевых отношений, возникающих и реализуемых в процессе обучения иностранному языку (ИЯ). В предыдущих публикациях в рамках заявленной темы [1] мы осуществили характеристику содержательной, инструментальной и процессуальной составляющих ЭЦК и доказали, что в комплексе они способны создавать оптимальные условия для овладения школьниками иноязычной культурой в диалоге культур, формирования опыта эмоционально-ценностных отношений учащихся в процессе иноязычного образования:

1. *Содержательная составляющая* комплекса представляет собой совокупность культурных ценностей, которые целесообразно включить в содержание иноязычного образования. При этом не нужно искусственно подстраивать логику формирования предметных знаний и умений под формирование базовых ценностей, а следует учиться соединять их там, где это логично, оправданно и действительно необходимо. В состав содержательной составляющей комплекса должны также входить эмоциональные переживания, которые важно пробуждать у учащихся по отношению к культурным ценностям, а также волевая регуляция учащихся.

2. *Инструментальная составляющая* комплекса – это способы фиксации опыта эмоционально-ценностного отношения к миру в образовательных документах: в учебном плане методического объединения учителей ИЯ школы, учебных программах, учебно-методических комплексах, учебных пособиях.

3. *Процессуальная составляющая* комплекса предполагает включение в иноязычный образовательный процесс операционных средств, направленных на реализацию опыта эмоционально-ценностных отношений учащихся. К средствам, позволяющим эффективно реализовывать опыт эмоционально-ценностного отношения к миру в процессе обучения иноязычному общению, относят игровые, проблемные, соревновательные, проблемные, рефлексивно-оценочные виды деятельности, работу со средствами искусства и др., т. е. *эмоционально-ценностную технологию иноязычного образования*.

Это предполагает применение методов освоения культурных ценностей стран изучаемого языка в сопоставлении с культурными ценностями родной страны, направленных на пробуждение и развитие у учащихся эмоциональных переживаний: акцентирования эмоций и ценностей; эмоционально-ценностных контрастов; ценностного «распредмечивания» и «опредмечивания», решения моральных дилемм, воспитывающих ситуаций, введения в рефлексию и др. на основе таких приёмов-ситуаций, как психоролевая, успеха/неуспеха, новизны, соревновательная, эмоционального взрыва.

На основе их нами была разработана методически целесообразная система упражнений, которую можно схематично представить в виде формулы: «условно-речевые упражнения + речевые упражнения + эмоционально-ценностная технология иноязычного образования», применение которой эффективно только при соблюдении ряда условий, при которых процесс освоения культурных ценностей идёт эффективнее. Такими условиями могут быть: соотношение содержание иноязычного образования с потребностями и интересами учащихся, обеспечение школьникам возможности свободного выражения чувств и эмоций, создание условий проживания педагогических событий, наличие у школьников положительной Я-концепции и др.

4. Взаимосвязь содержательной, инструментальной и процессуальной составляющих комплекса дидактических средств ЭЦК содержания иноязычного образования есть важнейшая предпосылка эффективности освоения учащимися культурных ценностей. Дело в том, что в этом слу-

чае в освоение иноязычной культуры включаются и базовые культурные ценности общества, и эмоциональные переживания личности, связанные с их освоением, и волевая регуляция этого процесса. Как результат, ЭЦК в структуре содержания иноязычного образования окрашивает содержание речевого и социокультурного материала личностным смыслом, делая умения и навыки владения им значимыми для школьников.

Так происходит выстраивание личностной системы ценностей учащихся, овладевающих иноязычной культурой, развитие их эмоционально-чувственной и волевой сфер. В конечном счёте, это позволило нам показать, каким образом составляющие организуются в систему дидактических средств, являющуюся основой базовой модели ЭЦК содержания иноязычного образования. При её построении нами были взяты за основу следующие положения по моделированию учебного процесса (Н. В. Кузьмина, Е. И. Пассов, А. Н. Шамов, В. А. Штофф, А. Н. Шукин и др.):

1) В методической науке, как и в общей дидактике, моделирование широко используется как общенаучный метод исследования явлений, состоящий в построении и исследовании особых объектов (систем) – моделей других объектов – оригиналов или прототипов [2].

2) Моделирование как особый метод научного познания используется для определения или уточнения характеристик существующих или вновь конструируемых объектов [3] и представляет практическое или теоретическое оперирование объектом, при котором изучаемый предмет замещается каким-либо естественным или искусственным аналогом, через исследование которого мы проникаем в предмет познания [4]. В модели Е. И. Пассов видит «способ познания», «способ объяснения существующих педагогических и методических явлений» [5].

3) Под моделью понимается искусственно созданное для изучения явление (предмет, процесс, ситуация и т. д.), аналогичное другому явлению (предмету, процессу, ситуации и т. п.), исследование которого затруднено или вовсе невозможно [6]. Познание объекта-оригинала осуществляется через идеализацию и выделение отдельных сторон с целью изучения их в чистом виде [7].

4) Моделируемый объект и его аналог обнаруживают сходство на уровне структуры и на уровне функций [8], а сама модель может выступать заместителем оригинала на четырёх уровнях: на уровне элементов, на уровне структур, на уровне поведения или функций, на уровне результатов.

5) Модели в педагогических исследованиях выполняют определённые гносеологические функции: иллюстративную, трансляционную, объяснительную, прогнозирующую. С точки зрения искомого результата это даёт представление о том, что должно быть сформировано в рамках рекомендуемой системы [9].

6) Выбор модели связан с диалектическим методом познания, с соотношением чувственного и рационального в познавательной деятельности человека. На выбор моделей существенное влияние оказывают методологические концепции.

7) При построении модели важно соблюдать следующие условия: а) изменение одного элемента модели вызовет изменения других; б) модель входит в общую группу моделей; в) модель обладает возможностью предвидеть изменения при изменении одного из её элементов; г) модель позволяет обосновать изменения гипотезы [10].

8) Педагогическая модель формируется в несколько этапов: определение объекта исследования, активизация накопленных знаний об оригиналах, обоснование необходимости применения метода моделирования, выбор существенных переменных и постулатов, отбор из объектов тех, которые наиболее легко поддаются изучению.

9) Процедура моделирования происходит на психологическом и педагогическом уровнях. На психологическом уровне определяется тема моделирования, в процессе чего задаются в предварительной форме искомые свойства модели. В этом контексте важно определить, у кого формируются требуемые свойства модели, уточняются параметры, подлежащие исследованию.

10) Педагогический уровень моделирования связан с созданием особой педагогической структуры, направленной на интенсификацию учебного процесса, обучающей деятельности учителя по овладению учащимися языком как средством общения, в познании окружающего мира с помощью изучаемого языка, в приобщении их к иноязычной культуре.

11) Построение моделей позволяет, в конечном счёте, осуществлять сознательный поиск путей совершенствования процесса обучения иноязычной культуре, заранее прогнозируя ожидаемый полезно планируемый результат в области овладения ею [11].

На основе представленных положений была спроектирована *базовая модель ЭЦК содержания иноязычного содержания* – концептуальная схема функционирования данного компонента, позволяющая определить важность и полезность представленной системы обучения, осуществить сознательный поиск путей совершенствования процесса овладения учащимися иноязычной культурой, а также заранее спрогнозировать ожидаемый полезно планируемый результат, предполагающий гармоничное и качественное овладение школьником иноязычной культурой за счёт

развития его интеллектуальной, волевой и эмоционально-ценностной сфер на разных ступенях иноязычного образования в общеобразовательной школе.

В базовую модель исследования мы заложили пять компонентов: целевой, концептуальный, содержательный, деятельностный и результативный. Названные компоненты рассматриваются как факторы её функционирования. Как известно, слово «фактор» в применении к научным явлениям означает следующее:

– это движущая сила, причина какого-либо процесса, обуславливающая или определяющая его характер [12];

– это существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении [13].

Оба подхода нацеливают на фиксацию процессуальности, выделение существенного. Таким образом, факторами функционирования базовой модели ЭЦК содержания иноязычного образования являются все его пять компонентов: целевой, концептуальный, содержательный, деятельностный и результативный. Каждый из компонентов модели отражает не просто содержание и структуру соответствующего уровня моделируемой системы, но и их организацию, демонстрирующую функциональные связи и отношения как составляющих компонентов, так и между компонентами системы.

Модель также содержит адекватные факторам дидактические средства, с помощью которых осуществляется процесс её функционирования. Так, средствами функционирования целевого, концептуального и результативного «этажей» модели мы предполагаем сделать инструментальную составляющую комплекса, поскольку именно она предполагает и описывает способы фиксации опыта эмоционально-ценностного отношения к миру в образовательных документах: в учебном плане школы, учебных программах, учебно-методических комплексах, учебных пособиях.

Содержательная составляющая есть совокупность средств функционирования содержательного компонента модели, включающего опыт эмоционально-ценностного отношения учащегося к овладению иноязычной культурой; к товарищам как речевым партнерам и к учителю; ИЯ как учебному предмету, к роли ИЯ в жизни общества, а также опыт, обращенный на систему ценностей личности, или мотивацию. Наконец, процессуальная составляющая ЭЦК представляет собой дидактическое средство функционирования четвертого, деятельностного «этажа» базовой модели.

Поскольку при проектировании модели во внимание принимались принципиально важные для данного исследования содержательно-структурные признаки ЭЦК содержания иноязычного образования, то разработанная модель приобрела обобщенный характер (П. К. Анохин, С. С. Куклина, А. Н. Шамов и др.). Вслед за С. С. Куклиной мы полагаем, что это придает ей универсальность и способность быть использованной в качестве базовой модели ЭЦК содержания иноязычного образования, которая в силу изоморфности моделируемой системы может быть применена для создания её различных организационных форм, адекватных этапам овладения иноязычным общением [14].

Воспользуемся разработанной базовой моделью ЭЦК содержания иноязычного образования и покажем, каким образом она может быть применена для создания её различных организационных форм, адекватных этапам овладения иноязычным общением.

1) Итак, на первой ступени базовой модели ЭЦК содержания иноязычного образования уточняется её целевой компонент. В организационных формах базовой модели в него могут войти цель этапа овладения иноязычным общением, а также учебные и речевые задачи, решаемые здесь школьниками.

2) На второй ступени концептуальные, общепедагогические основы исследования мы неизменно связываем с личностно-ориентированной парадигмой и с внедрением в иноязычное образование ряда описанных нами в первой главе данного исследования ведущих на сегодняшний день педагогических подходов. Речь идёт о культурологическом, личностно-деятельностном, компетентностном, системно-структурном и эмоционально-ценностном подходах, неизменно оказывающих влияние на решение проблемы модернизации содержания иноязычного образования, в том числе в различных организационных формах базовой модели ЭЦК содержания иноязычного образования.

3) Вместе взятые, данные подходы позволяют сформулировать требования, предъявляемые при отборе и организации содержательного компонента модели, включающего элементы, способствующие формированию опыта эмоционально-ценностных отношений человека культуры. В своём исследовании ЭЦК содержания иноязычного образования мы пришли к выводу, что такими элементами являются

– опыт эмоционально-ценностного отношения учащегося к овладению иноязычной культурой;

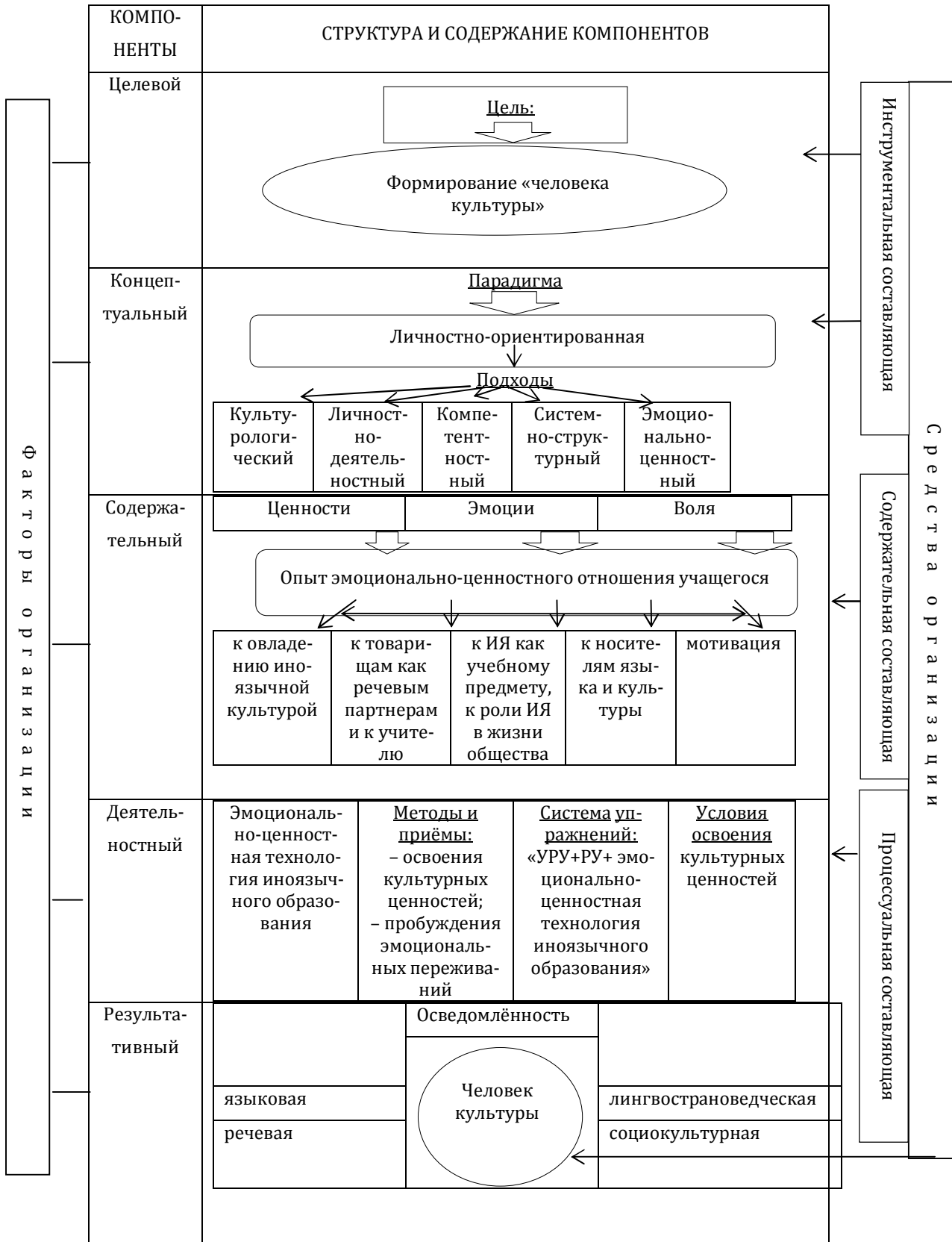
– опыт эмоционально-ценностного отношения к товарищам как речевым партнерам и к учителю;

– опыт эмоционально-ценностного отношения к ИЯ как учебному предмету, к роли ИЯ в жизни общества;

– опыт эмоционально-ценностного отношения к носителям языка и культуры;

– опыт, обращенный на систему ценностей личности, или мотивация.

Базовая модель эмоционально-ценностного компонента содержания иноязычного образования

Анализ учебно-методических комплексов для различных ступеней иноязычного образования показал, что все они содержат структуры, помогающие в реализации опыта эмоционально-ценностных отношений учащихся к овладению иноязычной культурой через диалог культур. Полученные результаты используются участниками образовательного процесса для отбора и организации эмоционально-ценностного содержания овладения иноязычной культурой на различных этапах обучения иноязычному общению.

4) Кроме того, результаты отбора принимаются к сведению при внесении уточнений в четвёртый, деятельностный компонент организационных форм базовой модели, включающий эмоционально-ценностную технологию иноязычного образования, методы, приёмы, упражнения и условия освоения культурных ценностей.

5) В ходе этого процесса компоненты ЭЦК содержания иноязычного образования освобождаются «от избыточных степеней свободы» [15], сохраняя лишь те, которые наилучшим образом содействуют достижению цели конкретного этапа [16], и происходит их «подгонка» друг к другу путём преобразования, упорядочения, отлаживания и «совершенствования взаимосвязей» [17] между ними, чтобы на пятой ступени получить результат, ради которого создавалась и модифицировалась данная система.

Таким образом, ЭЦК содержания иноязычного образования появляется в новой изменённой форме, готовой к функционированию на одном из этапов овладения иноязычным общением [18] и обеспечивающей поэтапное развитие свободной, образованной личности, владеющей ключевыми компетенциями, человека культуры. Поскольку овладение иноязычным общением проходит несколько этапов и является целью на всех ступенях обучения ИЯ в общеобразовательной школе, то организационный процесс, аналогичный описанному выше, имеет место во всех перечисленных условиях.

Он каждый раз приводит к модификации базовой модели ЭЦК содержания иноязычного образования за счёт приобретения ею специфических функционально-организационных свойств и к появлению её новой организационной формы [19]. Так, благодаря содержательно-структурной инвариантности базовой модели и включению в неё факторов и средств, обеспечивающих организационный процесс, на основе базовой модели может быть создано множество моделей ЭЦК содержания иноязычного образования, потенциально готовых к функционированию в любой момент учебного процесса по овладению иноязычным общением и для становления школьника как человека культуры, т. е., в соответствии с программными требованиями, «освоение учащимися интеллектуальной и практической деятельности; овладение знаниями и умениями, востребованными в повседневной жизни и значимыми для социальной адаптации личности, её приобщения к ценностям мировой культуры» [20].

Всё это вносит вклад в достижение его главной цели – формирования человека культуры как свободной, гуманной, духовной, творческой, адаптивной и целостной личности в диалоге равноценных культур: иноязычной и родной.

Примечания

1. Татаринова М. Н. Эмоционально-ценностный компонент языкового образования // Совершенствование преподавания иностранных языков в школе и в вузе.: сб. науч.-метод. тр. Вып. 15. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 96–107; Татаринова М. Н. Воспитательная функция эмоционально-ценностного компонента содержания языкового образования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(3). С. 93–97; Татаринова М. Н. К вопросу о компонентном составе содержания иноязычного образования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 140–143.
2. Кузьмина Н. В. Методы системно-педагогического исследования. Л.: ЛГУ, 1980.
3. Шукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2008. С. 160.
4. Пассов Е. И. Методология методики: теоретические методы исследования. Кн. 3. Елец: МУП «Типография» г. Ельца, 2011. С. 137.
5. Шамов А. Н. Методика и технология научного исследования в предметной области «Теория и методика обучения и воспитания (иностраный язык)»: учеб. пособие для аспирантов. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 141.
6. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.; Л., 1966.
7. Шамов А. Н. Указ. соч. С. 141.
8. Штофф В. А. Роль моделей в познании. Л.: ЛГУ, 1963. С. 52.
9. Шамов А. Н. Моделирование учебного процесса по овладению лексической стороной иноязычной речи // Иностранные языки в школе. 2014. № 2. С. 3.
10. Шамов А. Н. Методика и технология научного исследования... С. 141–142.
11. Шамов А. Н. Моделирование учебного процесса... С. 3–4.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1: А – Кюрины / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. С. 1051.

13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. С. 736.
14. Куклина С. С. Организационные формы коллективной учебной деятельности школьников на разных ступенях обучения иноязычному общению: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 15.
15. Анохин П. К. Теория функциональной системы // Общие вопросы физиологических механизмов. Анализ и моделирование биологических систем. М.: Наука, 1970. С. 19.
16. Куклина С. С. Указ. соч. С. 16.
17. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994. С. 320-321.
18. Куклина С. С. Указ. соч. С. 16.
19. Там же. С. 17.
20. Сборник нормативных документов. Иностранный язык / сост. Э. Д. Днепров, А. Г. Аркадьев. 2-е изд., стер. М.: Дрофа, 2008. С. 131.

Notes

1. Tatarinova M. N. Emocional'no- cennostnyj komponent yazykovogo obrazovaniya [Emotional and value component of language education] // Sovershenstvovanie prepodavaniya inostrannyh yazykov v shkole i v vuze.: sb. nauch.- metod. tr. - Improvement of teaching foreign languages in school and in university.: coll. of scient.-method. proc. Issue 15. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2011. Pp. 96-107; M. N. Tatarinova Vospitatel'naya funkciya ehmocional'no- cennostnogo komponenta sodержaniya yazykovogo obrazovaniya... [The educational function of emotional and value component of the content of language education] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of VyatSHU. 2013, №. 2(3), pp. 93-97; M. N. Tatarinova K voprosu o komponentnom sostave sodержaniya inoyazychnogo obrazovaniya [To the question of the composition of the content of foreign language education] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of VyatSHU. 2014, No. 6, pp. 140-143.
2. Kuzmina N. V. Metody sistemno- pedagogicheskogo issledovaniya [Methods of system- pedagogical research]. Leningrad. Leningrad State University. 1980.
3. Shchukin A. N. Lingvodidakticheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Linguo-didactic encyclopedic dictionary]. M. Astrel; AST; Khranitel. 2008. P. 160.
4. Passov E. I. Metodologiya metodiki: teoreticheskie metody issledovaniya [Methodology of methodics: theoretical research methods]. Book 3. Yelets. MUE "Tipografiya" of Yelets. 2011. P. 137.
5. Shamov A. N. Metodika i tekhnologiya nauchnogo issledovaniya v predmetnoj oblasti "Teoriya i metodika obucheniya i vospitaniya (inostrannyj yazyk)": ucheb. posobie dlya aspirantov [Methodology and technology of scientific research in the subject area of "Theory and methodology of training and education (foreign language)": handbook for graduate students]. N. Novgorod. FSBEE HPE "NSHU". 2014. P. 141.
6. Shtoff V. A. Modelirovanie i filosofiya [Modeling and philosophy]. M.; L. 1966.
7. Shamov A. N. Op. cit. P. 141.
8. Shtoff V. A. Rol' modelej v poznanii. [Role of models in knowledge]. Leningrad. Leningrad State University. 1963. P. 52.
9. Shamov A. N. Modelirovanie uchebnogo processa po ovladeniyu leksicheskoy storonoj inoyazychnoj rechi [Modeling the learning process in the acquisition of lexical side of the other languages] // Inostrannye yazyki v shkole - Foreign languages at school. 2014, No. 2, p. 3.
10. Shamov A. N. Metodika i tekhnologiya nauchnogo issledovaniya...[Methodology and technology of scientific research...] Pp. 141-142.
11. Shamov A. N. Modelirovanie uchebnogo processa...[Modeling of the educational process...] Pp. 3-4.
12. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka - Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vols, M. Sov. Encyclopedia: Ogiz. 1935-1940. Vol. 1: A - Кюрины / comp. G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevsky, D. N. Ushakov; edited by D. N. Ushakov. M. State in- t "Sov. encyclopedia"; Ogiz. 1935. P. 1051.
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskijh vyrazhenij [Dictionary of Russian language: 80,000 words and phraseological expressions] / Russian Academy of Sciences. In- t of Rus. Named after V. V. Vinogradov. 4nd publ., add. M. ООО "ТЕМП". 2007. P. 736.
14. Kuklina S. S. Organizacionnye formy kollektivnoj uchebnoj deyatel'nosti shkol'nikov na raznyh stupenyah obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu: monografiya [Organizational forms of collective training activities of the students at different stages of teaching foreign language communication: monograph]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2009. P. 15.
15. Anokhin P. K. Teoriya funkcional'noj sistemy [Theory of functional systems] // Obshchie voprosy fiziologicheskijh mekhanizmov. Analiz i modelirovanie biologicheskijh sistem - Common physiological mechanisms. Analysis and modeling of biological systems. M. Nauka. 1970. P. 19.
16. Kuklina S. S. Op. cit. P. 16.
17. Kratkaya filosofskaya ehnciklopediya - Concise encyclopedia of philosophy. M. Progress. 1994. Pp. 320-321.
18. Kuklina S. S. Op. cit. P. 16.
19. Ibid. P. 17.
20. Sbornik normativnyh dokumentov. Inostrannyj yazyk - The collection of normative documents. Foreign language / comp. E. D. Днепров, А. Аркадьев. 2nd publ., ster. М. Дрофа. 2008. P. 131.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАКУМОВ Аркадий Алексеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., д. 46В.

E-mail: arc79@yandex.ru

АБРАМОВ Игорь Анатольевич – аспирант кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин Московского гуманитарного университета. 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5.

E-mail: igorabramov2209@yandex.ru

АНЦЫФЕРОВА Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Ивановского государственного университета. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39.

E-mail: Olga_antsyf@mail.ru

ВНУТСКИХ Александр Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614990, г. Пермь, Комсомольский пр-т, д. 29.

E-mail: avnut@inbox.ru

ГАСАНОВА Эльнара Эльмановна – заместитель директора МБУДО «Центр дополнительного образования детей г. Дербент». 368608, Республика Дагестан, г. Дербент, ул. Ленина, д. 35.

E-mail: eldream-3@inbox.ru

ГОРЕВ Павел Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: pavel-gorev@mail.ru

ДИНЕР Елена Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гариевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ЕВСЮКОВА Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики, математики и методик преподавания Тюменского государственного университета (филиала в г. Тобольске). 625000, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10.

E-mail: l-evsjukova@rambler.ru

ЕВТУШЕВСКАЯ Анастасия Евгеньевна – аспирант кафедры английской филологии Ивановского государственного университета. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39.

E-mail: Anastasia_EE89@mail.ru

ЕФИМОВА Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КОЖЕВНИКОВ Дмитрий Алексеевич – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

КОРОТКОВ Владислав Олегович – магистр исторических наук, аспирант кафедры филологии и истории Уральского государственного университета путей сообщения. 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 66.

E-mail: vlado.kor.1509@yandex.ru

КРАСОВСКАЯ Нелли Александровна – доктор филологических наук, профессор по кафедре русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. 300026, г. Тула, пр. Ленина, д. 125.

E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

ЛЯХ Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., д. 46В.

E-mail: luahelena@yandex.ru

МАТУСЕВИЧ Александра Александровна – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: matusasha@rambler.ru

МОЗГИНА Кристина Алексеевна – аспирант кафедры всеобщей истории, ассистент кафедры иностранного языка как второй специальности Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: Usaharik.Art@yandex.ru

НЕНАШЕВ Михаил Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: mnenashev@inbox.ru

СКОМОРОХОВ Михаил Витальевич – соискатель кафедры философии Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: skomoroхов-mv@mail.ru

СУВОРОВА Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий и методики обучения информатике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: suvorovatn@mail.ru

ТАТАРИНОВА Майя Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26. E-mail: tatarinova.mayu@mail.ru

ТОЛМАЧЕВА Марина Ивановна – старший преподаватель кафедры физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: phys-math@vshu.kirov.ru

ФАРРАХОВ Айрат Фансафович – аспирант, старший преподаватель кафедры политологии, социологии и права Ижевского государственного технического университета. 426069, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 7.

E-mail: ayratfar@yahoo.com

ЦВЕТКОВА Ольга Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: astra-211@mail.ru

ШАРИПОВА Линара Хамитовна – ассистент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского национального исследовательского технологического университета. 420015, г. Казань, К. Маркса, д. 68.

E-mail: Linaralovelife@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ABAKUMOV Arkady Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of universal history of Yaroslavl state Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 46B Kotorosl embankment, 150000, Yaroslavl.

E-mail: arc79@yandex.ru

ABRAMOV Igor Anatolievich – postgraduate student of the Department of criminal law and special disciplines of the Moscow University of Humanities. 5 Yunost str., 111395, Moscow.

E-mail: igorabramov2209@yandex.ru

ANTSYFEROVA Olga Yurievna – Doctor of Philology, Professor of the Chair of foreign literature of Ivanovo State University. 39 Ermak str., 153025, Ivanovo.

E-mail: Olga_antsyf@mail.ru

VNUTSKIKH Alexander Yurievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of philosophy and law of Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomolsky Ave., 614990, Perm.

E-mail: avnut@inbox.ru

GASANOVA Elnara Elmanovna – Deputy Director of MBEDO "Center of additional education of children of Derbent city". 55 Lenin str., 368608, Republic of Dagestan, Derbent.

E-mail: eldream-3@inbox.ru

GOREV Pavel Mikhailovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of fundamental and computational mathematics of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: pavel-gorev@mail.ru

DINER Elena Vasilievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of publishing and editing of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

DOMRACHEV Dmitry Garievich – Candidate of Legal Sciences, head of the Department of state and legal disciplines of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

EVSYUKOVA Elena Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of physics, mathematics and teaching methods of Tyumen State University (branch in the city of Tobolsk). 10 Semakov str., 625000, Tyumen.

E-mail: l-evsjukova@rambler.ru

EVTUSHEVSKAYA Anastasia Evgenyevna – postgraduate student of the Department of English Philology of Ivanovo State University. 39 Ermak str., 153025, Ivanovo.

E-mail: Anastasia_EE89@mail.ru

EFIMOVA Natalia Mikhailovna – Candidate of Philosophical Sciences, docent of general history of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KOZHEVNIKOV Dmitry Alakseevich – postgraduate student of the Department of state and legal disciplines of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

KOROTKOV Vladislav Olegovich – Master of Historical Sciences, postgraduate student of the Department "Philosophy and history" of the Ural State University of Railway Engineering. 66 Kolmogorov str., 620034, Ekaterinburg.

E-mail: vlado.kor.1509@yandex.ru

KRASOVSKAYA Nelli Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of Russian language and literature of the Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy. 125 Lenin str., 300026, Tula.
E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

LYAH Elena Evgenievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of universal history in Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 46B Kotorosl embankment, 150000, Yaroslavl.
E-mail: luahelena@yandex.ru

MATUSEVICH Aleksandra Aleksandrovna – postgraduate student of the Department of Russian language of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: matusasha@rambler.ru

MOZGINA Christina Alekseevna – postgraduate student of the Department of general history, assistant in the Department of foreign language as a second career of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, assistant in the Department of foreign language as a second specialty. 108 Respublikanskaya str., 150000,

NENASHEV Mikhail Ivanovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of sociology and advertising of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: mnenashev@inbox.ru

SKOMOROKHOV Mikhail Ivanovich – applicant of the Department of philosophy of Perm National Research Polytechnic University. 15 Bukirev str., 614990, Perm.
E-mail: skomoroxov-mv@mail.ru

SUVOROVA Tatiana Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of information technology and methods of teaching computer science of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: suvorovatn@mail.ru

TATARINOVA Maya Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor in the Department of English and German languages and methods of teaching foreign languages of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: tatarinova.mayya@mail.ru

TOLMACHEVA Marina Ivanovna – senior lecturer of the Department of physics and methods of teaching physics of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: phys-math@vshu.kirov.ru

FARRAKHOV Airat Fansafovich – postgraduate student, senior lecturer in the Department of political science, sociology and law of the Izhevsk State Technical University. 7 Studencheskaya str., 426069, Izhevsk.
E-mail: ayratfar@yahoo.com

TSVETKOVA Olga Leonidovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the theory of communication and advertising of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya str., 150000, Yaroslavl.
E-mail: astra-211@mail.ru

SHARIPOVA Linara Khamitovna – assistant in the Department of foreign languages in professional communication of Kazan National Research Technological University. 68 K. Marx str., 420015, Kazan.
E-mail: Linaralovelife@mail.ru

**Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета**

Научный журнал № 7 (2015)

Подписано в печать 30.06.2015 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Тираж 1000. Заказ № 102.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390